

СМЕНА

№ 12 ИЮНЬ 1977

**«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЖИЗНЬ,
ДА ПРОЦВЕТАЕТ ИСКУССТВО...»**

ИЛЬЯ РЕПИН

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР

Иван ГАПОНОВ,
бригадир труболитейного цеха
Синарского трубного завода
г. Каменск-Уральский

ЕСЛИ ТЫ БРИГ- АД- ДИР...

«Опираясь на творческую активность трудящихся, социалистическое соревнование, на достижения научно-технического прогресса, государство обеспечивает рост производительности труда, повышение эффективности производства и качества работы, динамичное и пропорциональное развитие народного хозяйства».

Из проекта Конституции СССР.

Заводской цех. Его иногда называют строителем человеческой судьбы. Для меня это бесспорно, как бесспорно слова проекта Конституции СССР: «Общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе». Расскажу о себе и своих товарищах.

Пришел на завод неумехой. Тут из меня, подсобного рабочего, сделали квалифицированного труболитейщика. Здесь научили жить не собственным маленьким мирком, а делами коллектива, выдвинули в бригады.

Это произошло неожиданно. Мастер Михаил Алексеевич Тебякин сказал как-то:

— Ставим тебя на бригаду!

Я задумался. Опыт есть—шесть лет проработал. И знания тоже—два курса техникума окончил. Но ведь на новом месте не за себя только отвечать придется. До сих пор помню свои волнения.

...Карусель—так называли мы большой агрегат, на котором отливали чугунные водопроводные трубы. Огромная обойма из 42 отверстий опок-форм закреплена на круглом барабане. Опки-формы набивают земляным составом. В высушенные газом формы вставляют обмазанные торфяным и глиняным составом стержни-патроны. Пространство между стержнем и формой заполняют жидким чугуном. Затвердев, он превращается в трубу.

Кто видел трубы на складах, в вагонах или просто на строительной площадке, тот едва ли восхищался ими. Иное дело—смотреть на них здесь. Пять, десять, сто раз можно присутствовать при великом таинстве рождения трубы, и все равно не насмотришься. Потому что это неповторимо и по-своему прекрасно. Карусель медленно вертится. Из каждого патрона вырывается язычок пламени. Словно исполинских размеров праздничная люстра с зажженными свечами. Сбросив земляную «шубу», стройная, излучающая малиновый свет труба словно живет, дышит. Зрелище эффектное!

Итак, я бригадир. С сегодняшнего дня буду в ответе за план, за качество изготавливаемой продукции. И от меня зависит, как пойдет работа, какими будут отношения между членами бригады—хорошими или плохими. Я сам вчерашний рабочий, а теперь у меня—бригада! В ней восемнадцать человек. Разные они и по возрасту, и по характеру, и по образованию, и я должен быть для них и руководителем и воспитателем. А какие для этого есть рецепты? Да никаких. Иные говорят: чего, мол, тут усложнять?! Дал команду—пусть работают... Да, если человек пришел в цех, он обязан трудиться. Но одно дело—работать с охотой, с желанием, а другое—отбывать смену. Надо знать в совершенстве не только технологию отливки трубы, но и «секреты» создания хорошего микроклимата. Ну, как тут быть? С чего начинать? Поймут ли меня?

Бригадир... Прежде всего это человек, отвечающий за все дела в бригаде, за каждый винтик в механизмах, которые ей приданы. С этим как будто ясно. Но, мне кажется, у бригадира должно быть много чисто человеческих качеств, которые бы давали ему моральное право называться младшим командиром производства... По себе знал: начинал нервничать бригадир, и это мгновенно сказывалось на нас. Мы и работали хуже и многое делали не так. Поэтому бригадиру нельзя приходить на работу с «домашним настроением», нельзя смешивать требовательность с грубостью. Бывает так: бригадир распоряжение в принципе отдает правильное, но выполняется оно неохотно. Почему? Да чаще всего потому, что не нашел нужных слов, нужного тона... Вот и получается: люди работают рядом и в то же время удалены друг от друга.

...В памяти—первые дни. И в них не

находится и часа, который бы прошел мимо меня, не затронув, не задев моего разума и чувств, не оставив о себе отметину. Начало. Это, наверное, вообще самое трудное.

То, чего опасался, все же произошло. — Ну, как, товарищи, будем почитать ряды отстающих?—спросил я на бригадном собрании.

Ответа не последовало. Лишь откуда-то из угла донеслось:

— Ого, куда удочки бросает!

Я медленно обвел собравшихся взглядом, соображая: не с того краю огонь развел?

Одни отводили глаза, другие смотрели в пол.

Вдруг встала Анна Ахметгареева.

— Ничего особенного нет в том, что сказал бригадир,—заметила она.—В других бригадах люди из такого же теста, как и мы. Так что давайте поговорим о своих обязанностях и отношении каждого к делу.

Анну Ахметгарееву в бригаде уважали. Подсобной рабочей была, решила стать стерженщицей. Начала приглядываться к действиям работников, по своему желанию помогать им, и вскоре ей доверили эту работу. Серьезный человек. Депутат райсовета. Ударник коммунистического труда.

— А я еще вот о чем хочу сказать,—поддержала Ахметгарееву стерженщица Анна Заикова.—Я как со своими делами управлюсь—помогаю другим, а остальные?

Стерженщица затронула коренной вопрос. В нашем деле важен труд и формовщика, и подшивщика модели раструба, и выемщика труб, и бригадира, готовящего агрегат к циклу заливки. От дружных усилий каждого зависят ритм производства и качество конечной продукции. Как лучше соединить общие усилия? Как в трудовом соперничестве перейти от взаимных претензий к взаимопомощи, о которой говорили стерженщицы А. Заикова и А. Ахметгареева?

После того памятного бригадного собрания мне пришлось немало поразмыслить. Что ж! Люди будто проснулись. Это хорошо. А как мне самому быть? И стал брать на свои плечи как можно больше.

Рабочая судьба свела меня с замечательным человеком, коммунистом с сорокалетним рабочим стажем, опытным партийным работником Василием Евграфовичем Малыцевым. В ту пору я делал первые, зачастую неуверенные шаги, и мне приходилось нередко слышать доброе напутствие Василия Евграфовича.

— Человеческое вдохновение—великая сила,—говорил он.

Уже много позже, став бригадиром, я убеждался в глубокой справедливости этих слов. Вспомнились они и потом, на вечере трудовой славы, где чествовали передовиков производства. Надо было видеть, какая радость озарила лица моих товарищей, когда объявили, что наша бригада признана лучшей по заводу, стала правофланговой в соревновании. Но я не ошибусь, если скажу, что путь к нашим достижениям начинался с того первого бригадного собрания. Потому что вскоре, на очередном собрании, попросил слово подшивщик стержня раструба Дмитрий Малакеев.

— Почему все нагрузки берет на себя только бригадир? Разве часть их мы не можем выполнять? Я, например, могу проверить качество состава для набивки стержней раструба.

— А давайте возьмем стержни-патроны,—вступила в разговор машинист крана Деметьева,—у многих заметны углубления, шероховатость, неровный срез рубца и даже отступление от технологии. Заявляю, с нарушителей, с тех, кто говорит: «Стержни все равно в землю ставить, состряпал и ладно»,—буду требовать строго.

Для многих это было неожиданно. До сих пор крановщица обычно отмалчивалась. А тут словно подменили

ее. В дальнейшем стало так: если Дементьева заметит неладное, виновнику несдобровать. На свои обвинения она имела полное право, ибо сама работала с душой. И вот у нее выработался такой закон: мимо чьих бы то ни было ошибок, случайных или неслучайных, она не пройдет. Внимательно разберется, почему стало возможным нарушение. Если его корни не в халатности рабочего, а в организации труда, то немедленно ставит вопрос на бригадном собрании. В другом случае раскритикует, а то и высмеет виновного. Да и в технических вопросах она подсказать товарищам всегда могла. Техникум окончила.

Так вот это и вышло: еще один товарищ стал проявлять душевную заинтересованность в делах всей бригады.

Приведу такой пример. Наш набойщик форм Григорий Антонов прекрасно знал, какую модель брать в работу. Тем не менее поначалу каждый раз спрашивал меня: «На какой модели сегодня работать?» Набивка форм — операция ответственная, вот и хотелось ему прикрыться указаниями. И я давал их. А однажды Дементьева возьми да и заметь ему:

— Ну что ты каждый раз спрашиваешь? Ведь знаешь не хуже бригадира!

Антонов действительно перестал перестраховываться. И я благодарил в душе Дементьеву за эту инициативу. Ведь без энтузиазма каждого, без кровной личной заинтересованности успехов не видать.

Довелось мне испытать и такое. Помню, как-то беседовал со стерженщицей Тамарой Костиной, которая допустила нарушения технологии. Но в разговоре не сдержался, повысил голос, перешел на резкий тон. Работница тоже в долгу не осталась, наговорила грубостей. Мне показалось, что теперь единственное средство «воспитания» — о каждом нарушении технологии с ее стороны докладывать мастеру и лишать премии. А спустя некоторое время совершенно случайно услышал, как стерженщица с обидой говорила:

— Я бригадира не уважаю. Поэтому и работаю, как работала...

Меня словно обожгло расплавленным чугуном. Что теперь делать? Просить у Костиной прощения, заискивать перед ней, зарабатывать дешевый авторитет? Внутреннее чутье подсказало, что таким путем идти нельзя. Решил не показывать виду, что знаю, какие «нежные» чувства питает она ко мне.

...Ночь. В грохоте и скрежете, в веселой пляске искр льющегося металла рождается одна труба за другой. Бесконечной малиновой нитью бегут они по конвейеру.

Я стоял у труболитейной установки, привычно смотрел, как разлетаются в стороны фейерверки брызг раскаленного металла, и думал о сущности наших с Тамарой отношений.

А может, не придавать им значения? Но я хотел видеть бригаду действительно спаянной, дружной. И если рабочий тебя не уважает, значит, надо что-то делать, надо разобраться. Главное теперь — не торопиться.

Вот самому тебе, можно сказать, повезло. Работал подсобным рабочим. В свободное время норовил заглянуть в литейное отделение. Это не ускользнуло от внимания искуснейшего труболитейщика бригадира В. Н. Андрианова.

— Вижу, парень, тянет тебя к трубам?

— Тянет.

Взял Василий Николаевич меня к себе в бригаду выемщиком и вскоре допустил к сборке. Сейчас самому смешно, а тогда хоть плачь. Знал вроде бы все. А взялся сам за стержни — они из рук вырываются, словно необъезженные лошади. Хорошо, что бригадир был рядом.

Шли дни. Тебя учили, подсказывали, внушали: выйдет толк. Стали поручать подготовить один цикл к заливке, а потом доверили выполнить сменное задание самостоятельно. Ты и сейчас помнишь, как докладывал о результатах

рабочей смены, как стоял потом уставший и взмокший у труболитейной установки и слушал мастера.

— Подрастерялся маленько, но ничего. Молодец! А опыт — дело наживное.

Согретое душевным теплом слово нашло в твоём сердце отклик. Тебя похвалили, поддержали, хотя и были у тебя упущения в работе. А могло так случиться, что ты не умел бы сейчас, как все бригадиры, вести работу на режиме, требующем самых наименьших затрат. Не знал бы, сколько бывает оттенков у расплавленного чугуна. Не увидел бы себя в озарении миллионов немислимо малых «птиц», которые живут одно мгновение, падая в отверстие-питатель на пояске стержня-патрона.

Так кто тебя научил профессиональному мастерству? Старший товарищ. Но передать эстафету может лишь тот, кто по-отцовски чуток, доступен. Если же старший допускает грубость, и высокомерие, и даже враждебность по отношению к подчиненным, то, каким бы опытом ни обладал, все останется при нем самом. Он сам себя лишит счастья любоваться своим посевом. В этом воочию я убедился на примере А. Гуськова. Опытнейший бригадир, да вот беда: оторвался от людей, возомнил себя непогрешимой личностью, с подчиненными стал груб. Но товарищи мириться не стали. Сняли его с бригадиров. Что уж тут жаловаться на превратности судьбы?

Памятуют свои собственные рабочие университеты, понимай, как важна помощь и добрый совет другому.

С Тамарой Костиной я продолжал держаться ровно, был всегда спокоен. Требовал строго, но по справедливости. А главное, старался быть внимательным. И, видимо, сердцем почувствовала девушка, что ведет себя не так. Она оттаяла. Исчезла у нее прежняя неприязнь. Я это вовремя заметил и сделал шаг навстречу. Она поняла меня правильно. Позже Тамара стала не только лучшей стерженщицей цеха, но и моей помощницей, вела большую общественную работу.

...Правильно говорят, что рабочий коллектив начинается с дисциплины. А дисциплина в бригаде — камень преткновения. И портили ее два человека. Куда ни кинь, а первая моя забота перед сменой — о Пашенко и Огневе.

Имя Владимира Пашенко склоняли в бригаде, пожалуй, каждый день.

— Как не понимаю? Понимаю, учту, не буду больше, — успокаивал он нас. Но вскоре опять опаздывал. А причину выдумывал самую неожиданную. И все потому, что любил выпить. Трутни горазды на плутни!

— Да выгнать его из бригады и из цеха! — в сердцах бросали товарищи.

Но нас останавливали:

— А кто же его будет воспитывать?

До чертиков надоела нам эта канитель. И поступили вот так... На работу не вышел напарник Пашенко Леонид Васильев. Решили вместо него человека не давать. Сгоряча некоторые обрушились на меня и мастера: лето, жарко, работать одному за двоих тяжело. План надо выполнять. Я был на стороне мастера и старался объяснить товарищам, почему принято такое решение. В конце концов ребята поняли нас правильно. В цехе, как в парилке, зной плывет над головами. Прошла половина рабочей смены.

Вот тут-то и пожаловался Пашенко:

— Мои бы беды на плечи Васильева!

— Ничего, выдержишь.

— Легко сказать...

«А поделом тебе достается. Будешь чувствовать, как отражается на Васильеве твое отсутствие».

— Подумал я. Пот катил градом уже не только по спине, а и по лицу, по рукам, по всему телу. Рубашка промокла, будто ее окунули в воду.

Надолго запомнилась Пашенко злополучная эта смена. Ну, а результат? Неделя-другая миновали без приключе-

Наша обложка: интерьер Дома-музея И. Е. Репина в «Пенатах».

Фото Василия МИШИНА

- 1 Иван ГАПОНОВ. «ЕСЛИ ТЫ БРИГАДИР...»
- 2 Стихи Владислава ПОБЕДНОСЦЕВА.
- 4 К 60-летию ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ. Владимир ДЕСЯТЕРИК. «ЛЕНИН. ОКТЯБРЬ. МОЛОДЕЖЬ». Хроника.
- 7 Рассказ ЭЛЬЧИНА «НАВЕС».
- 10 «МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ». Фотоконкурс «Смены», посвященный 60-летию Великого Октября.
- 12 ЖЕМЧУЖИНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ. «СРЕДИ ЛЕСНЫХ ОЗЕР». Фотоочерк Алексея НИКОЛАЕВА и Василия МИШИНА.
- 14 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 18 «СИЛЬНЫЕ ДУХОМ». КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ.
- 20 ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ. И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН. «АКВАРЕЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ НИКОЛАЯ БЕСТУЖЕВА».
- 23 Стихи Алексея МИХАЙЛОВА.
- 24 Алексей КАПЛЕР. «ЧЕХОВСКАЯ НОТА».
- 26 Повесть Анатолия ЖАРЕНОВА «ВЫСТРЕЛ ИЗ ПРОШЛОГО».
- 28 ИЮНЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной печати.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, А. П. КУЛШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБИЧКОВ, В. А. САЮШЕВ, Г. В. СЕМЕНОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. ТЮНИН. Технический редактор Л. И. КУРЛЫКОВА.

Зовущий к свету

Николаю Кибальчичу

Ее
называли
лапотной...
Подпоясанная бечевою,
в рубахе,
наскоро латанной,
она говорила:
— Чаво?
От века
под розгой распластана,
жила
или видела сон,
лишь вслушиваясь заспанно
в колокольно-кандалный звон?
И над нею небо
тяжело-черное...
И взметнулись тенями
два крыла,
землю и живое
черкая
прихотью двуглавого орла.
Ниже гни
свой крещеный лоб.
Цепко когти
держат узду.

Грудью на плуг
навались,
холоп,
стон запахивай в борозду!
Здесь один для тебя закон:
чтоб прочнее держалась корона,
ты тяни,
как тянул исконок,
веруй в бога
и в вечность трона.
Что,
судьба уж такая отмерена—
подставляй под удары бока?
Горькой
горе бедняцкое меряя,
заливая тоску в кабаках?
Сильные руки
бессильно стискивая,
смотришь—
пылят по этапу ссыльные,
хмуро вглядываясь
в небо низкое.
Это
идут
бессильно

сильные.
И замирают крылья-тени.
Сколько еще
таких же вот—
в молитве не гнущих колени,
спокойно
всходящих
на эшафот!..
Нет, не спала—
жила Россия!
Вера борцами раскована:
небо ее—
иссиня-синее,
низкое—
не ей уготовано!
И поднимаются гордо головы.
Вера торопит и будит разум.
Коснуться бы звезд
руками голыми,
с бессильем мысли
покончив разом!
Зовущим к свету
мечта рождена.
В тюрьме,
за решеткой,

в бессоннице.
Ей вечная жизнь
была суждена—
ведь людям
нельзя
без солнца!

Время,
страницы прошлого перевертывая,
приговор отливает
в слова скупые:
орлы, короны—
безнадежно мертвые;
влюбленные в солнце—
вечно живые!
И ты не убит
ни петлей,
ни годами.
Смотришь в небо—
синь из сини!
Оно навсегда такое
над нами—
небо
твоей
России!

Странник

Перед картиной

Всегда один, всегда печален,
Бредет, бредет он, еле жив,
С сумою тощей за плечами,
Покорно голову склонив.

В морщинах лик его убогий,
Почти что наг, извечно бос.
В пыли дорожной руки, ноги
И пепл растрепанных волос.

Усадьб богатых сторонится—
Таких, как он, не любят там.
В убогий дом лишь он стучится,
К убогим жметесь воротам.

Принявши лепту даровую,
На образ крестится в углу.
И, поминая бога всеу,
Опять за дверь, в ночную мглу.

И в летний зной и стужей лютой
Бредет, толкуя сам с собой.
И не сыскать ему приюта,
Как не сыскать земли иной.

Влачит он так разбиты ноги
Во власти рока своего,
Немыслим вовсе без дороги,
Как и дорога без него.

Она ему вернее бога,
Хоть это он и не поймет.
Но кто ж иной, коль не дорога,
Ему надежды придает!

Что будет там, за поворотом?
Какие судьбы стерегут?
И он бредет, залившись потом,
Покуда ноженьки несут.

Из Альбера Самена

Все спит. На чудище Ситё* с чешуйчатой спиной
Безмолвье чуткое, как веко, опустилось.
Река, закутавшись в гранит, уж на ночлег остановилась.
И башни крепости вдали размыты зыбкой тьмой.

Парят виденья сна, подобно миражу,
Их разрезают башни в небе звездном.
Капелла вверх скользит, и не удержишь—поздно,
И Нотр-Дам вошел в меня, как я в него вхожу.

Все спит в домах, омытых лунным светом.
И все уставшие от жизни и трудов,
Сжимая кулаки, отдались власти снов
Или, безумствуя, все ищут счастье где-то.

Задумчив, как собор, умолк Париж.
Фиакр лишь иногда чуть тронет тишину,
Да пес пожалуется с плачем на луну,
Да паровозный вздох коснется спящих крыш.

* Ситё—остров на Сене.

Ударом на удар
не отвечаю.
И захотел бы—
не поднимется рука.
Мне говорят:
ты, верно, трус отчаянный,
иначе
не валял бы дурака.

На брань
не отвечаю бранью.
С каленым словом
не в ладах язык.
Мне говорят:
свернут ведь в рог бараний,
он старомоден нынче,
этот твой изыск.

Не отвечаю
на навет наветом.
Уж лучше немоту
уделом избери.
Мне говорят:
да ты у нас с приветом,
играть без правил—
проиграть игру.

Платить за зло
монетой той же—
задуть в ночи
свою свечу.
А если я
кому-то должен,—
долги
презренным
оплачу.

Рисунки Валерия СМЕРНОВА

ЛЕНИН. ОКТЯБРЬ. МОЛОДЕЖЬ.

Владимир
ДЕСЯТЕРИК

ХРОНИКА.
Часть пятая.

Год 1919-й

6 декабря 1919 года Владимир Ильич в заключительном слове по докладу ВЦИК и Совнаркома на VII Всероссийском съезде Советов, коснувшись вопроса о подготовке кадров, говорил: «Для того, чтобы подготовить рабочую молодежь, курсантов, нам нужно будет принять все меры, и на это потребуются несколько месяцев, даже лет».

Позднее 6 декабря 1919 года Владимир Ильич встречается с делегатами VII Всероссийского съезда Советов от народностей будущих автономных республик — Казахстана, Башкирии и Татарии. Один из участников этой беседы, делегат от бывшей Букеевской области Х. Д. Чурин, рассказал в своих воспоминаниях: «Попросив нас сесть, он стал беседовать с делегатами, справляясь о положении на местах, о борьбе с контрреволюцией, о хлебе. Я вовсе не думал, что В. И. Ленин обратится также и ко мне, самому младшему из делегатов, которого он видел впервые. Но он не миновал никого. Подойдя вплотную ко мне, спросил: «Откуда вы, молодой человек?» Я несколько растерялся, вскочил с места, вытянувшись в струнку, но, увидев радужное, родное лицо Ильича, нашелся и ответил: «Я из Киркря, Владимир Ильич, делегат съезда от Букеевской области». Узнав, что я из Киркря (Казахстана), Ленин сказал: «Да, богатый край, большие возможности. Надо поднимать этот край. Безусловно, будем поднимать и поднимем»...

10 декабря 1919 года Владимир Ильич подписывает постановление Совнаркома о согласовании функций народных комиссариатов просвещения и здраво-

охранения в деле воспитания и охраны здоровья дефективных детей.

18 декабря 1919 года в первом номере газеты «Смена» публикуется следующее письмо от В. И. Ленина: «Приветственную рабоче-крестьянскую молодежь Петроградской губернии в дни проведения красной недели.

Усиливайте, юные товарищи, вашу работу в этом направлении, чтобы со свежими молодыми силами приняться за устройство новой, светлой жизни».

Ленинское приветствие было озаглавлено «Нашей смене». И, как бы желая дать ответ Ленину, заверяя в своей преданности ленинизму, редакция создаваемой в тот период новой газеты выносит в заглавие слово из этого послания — «Смена». О том, как это было, рассказал в своих воспоминаниях один из организаторов газеты, С. Маситин.

«Ко времени выхода первого номера газеты, — вспоминает он, — Владимир Ильич прислал приветствие молодежи Петроградской губернии в связи с проводившейся комсомольской организацией «Неделей молодежи»...

Желая, чтобы письмо любимого вождя сразу бросилось в глаза юному читателю, мы допустили непозволительную вольность и дали письму Ленина другой заголовок: «Привет от Ильича».

Ленинское же определение молодежи как смены старшему поколению мы подхватили для названия своей газеты. Губком радостно утвердил это название — «Смена».

21 декабря 1919 года Владимир Ильич вместе с Н. К. Крупской присутствует на спектакле «Потоп», поставленном Первой студией Московского Художественного театра. «Ильичу ужасно понравилось», — свидетельствовала Надежда Константиновна. А из воспоминаний С. С. Виноградской узнаем более подробно о впечатлениях В. И. Ленина от спектакля и от игры актеров, среди

которых было немало молодежи. «Этот спектакль, — пишет С. С. Виноградская, — Владимир Ильич смотрел с редкостным интересом... Большинство участников спектакля видел впервые. Тем сильнее был он захвачен восхитительной энергией происходящего на сцене. И остротой театрального воплощения мысли о потопе, бессильном принести очищение от скверны буржуазного уклада жизни. И яркой талантливостью постановки и игры молодых актеров».

26 декабря 1919 года Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР.

«...Все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, — подчеркивалось в этом документе, — обязано обучаться грамоте на родном или русском языке, по желанию».

Зимой 1919 года Владимир Ильич встречается с рабочими главных вагонных мастерских Московско-Курской дороги, которые доставили своему вождю в подарок продукты.

Рабочий-железнодорожник И. М. Алешин рассказывает, как делегация с двумя мешками пришла в Кремль. Посылка получилась пуда на три. Во время беседы с В. И. Лениным И. М. Алешин, указывая на мешки, сказал:

— Это, Владимир Ильич, для вас продовольственная посылка. Рабочие от всей души просят принять ее.

Ленин тепло взглянул на нас и ласково промолвил:

— Хорошо, товарищи, очень хорошо. Большое вам спасибо!..

И неожиданно для нас обратился к секретарю:

— Примите, пожалуйста, посылку у товарищей, сделайте опись и немедленно отправьте все в детский интернат...

В 1919 году к Владимиру Ильичу обращается народный комиссар по

просвещению А. В. Луначарский с ходатайством, чтобы органы Наркомпрода позаботились об улучшении питания слушателей центральной школы советской работы и московских курсов для рабочих и крестьян, готовящихся в инструкторы физического труда. Анатолий Васильевич просит В. И. Ленина «...поговорить с продовольственниками о каких-нибудь мерах к поднятию питания 1100 молодых людей, которые несомненно будут прекрасными работниками Советской власти».

Год 1920-й

2 января Владимир Ильич направил телеграмму в Подольский исполком и копию в Московский губисполком: «В селе Александрово Подольского уезда Московской губернии некто Терехин от имени Коммунистического союза молодежи занял, вопреки прямому распоряжению Наркомпроса, кружевную школу, арестовал учительницу и вывез часть имущества. Немедленно освободите школу, верните взятые оттуда вещи как самой школы, так и учительниц, дайте учительницам возможность спокойно работать. Расследуйте незаконные действия Терехина для предания его суду. Исполнение донесите».

ВЧК дважды направляла комиссии в с. Александрово. Выяснилось, что 5 декабря 1919 года Подольский уездный исполком постановил передать пустовавшее помещение бывшей кружевной школы комсомольской и партийной ячейкам для проведения культурно-просветительной работы. Заведующая школой Шатова отказалась выполнить распоряжение исполкома. Тогда была создана приемочная комиссия из шести человек, в состав которой включили и Терехина. Шатова обратилась с жалобой в Наркомпрос «на незаконные действия Терехина», о чем было доложено В. И. Ленину. Обе комиссии уличили Шатову в искажении фактов и в клевете.

В. И. Ленин еще один раз возвращался к этому вопросу. Сохранились его подчеркивания на записке секретаря от 28 февраля 1920 года о направлении одной из комиссий в Подольск. Там же имеется и распоряжение В. И. Ленина: «Сохранить мне и напомнить».

9 января Владимир Ильич подписывает постановление Совета Оборона о передаче призванных студентов высших технических учебных заведений в распоряжение Народного комиссариата путей сообщения.

16 января Владимир Ильич председательствует на заседании Совета Оборона, где обсуждался проект постановления об освобождении от призыва студентов-специалистов радиотелеграфа и телефона.

21 января Владимир Ильич подписывает протокол заседания Малого Совнаркома, где, в частности, было решено: «...Образовать в смете НК Просвещения на 1920 г. особый фонд в сумме: 6000000 р. на поддержание молодых дарований, каковую сумму предложить НК Просвещения включить в свою смету на 1920 год». Это решение было принято по следующему обращению А. В. Луначарского в Совнарком в середине января 1920 года: «В моей практике беспрестанно встречаются случаи, требующие немедленной помощи... для поддержания молодых талантов — выходцев из народа, лишенных средств к существованию и не могущих озаботиться развитием своего дарования... Напоминаю, что наши предшественники в эпоху Великой французской революции весьма рационально тратили большие суммы на поддержку молодых талантов».

30 января Владимир Ильич подписывает постановление Совета Оборона об учете лиц мужского пола в возрасте 16 и 17 лет, подлежащих допризывной под-

В. И. ЛЕНИН НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОМАЙСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ В 1919 ГОДУ.

готовке и всеобщему воинскому обучению.

30 января под председательством Владимира Ильича Совет Обороны принимает постановление об откомандировании из Красной Армии, тыловых и гражданских учреждений студентов горнотехнических учебных заведений.

22 февраля Владимир Ильич получает телеграмму из Единого разгрузочного отдела (ЕРО) Казанской железной дороги: «На ст. Москва Казанской ж. д. прибыл в адрес Председателя Совнаркома 1 вагон проса за № 458765 по накладной 2378. ЕРО просит срочно

указать, куда доставить груз». Он адресует ее члену коллегии Наркомпрода А. Б. Халатову с резолюцией: «Если можно, прошу для детей».

4 марта Владимир Ильич председательствует на заседании Совнаркома, где обсуждался проект декрета о суде над несовершеннолетними, обвиняемыми в общественно опасных действиях. Он пишет заметки к проекту декрета, дополнения к пунктам четыре и шесть, делает пометки на проекте и вносит в него исправления.

В. И. Ленина интересует, в частности, вопрос: «Психологию детей кто знает? судьи или экспертиза?» Он заботится о

том, чтобы были выработаны формы отчетности о каждом случае привлечения несовершеннолетних и рассмотрения дела о них; об организации лечебно-воспитательных учреждений для дефективных несовершеннолетних.

5 марта Владимиру Ильичу направляет письмо А. В. Луначарский, возглавлявший в то время Совет защиты детей. «Чрезвычайные обстоятельства, — говорится в письме, — вынуждают Совет защиты детей обратиться к Вам с просьбой оказать ему содействие в эвакуации детей колонистов, отправленных летом минувшего года в колонии на Украине. Всего при посредстве Совета

защиты детей было вывезено туда из Москвы свыше 20 000 детей, но быстрое продвижение Деникина заставило большинство колоний спешно вернуться в Москву, но около 2 000 детей (из Басманного района, Бутырского района, и железнодорожников) своевременно выехать не успели и перенесли ряд тяжелых испытаний в бытность у Деникина.

В настоящее время дети все освобождены (колонии находятся в Миргороде Кобеляцкого уезда Полтавской губ.), им послано все необходимое, но положение их таково (преимущественно со стороны сыпнотифозной эпидемии), что родители предъявляют районам и Совету защиты детей категорическое требование о возвращении детей». Далее в письме содержалась просьба оказать содействие, чтобы санпоезда, в которых будут ехать дети, пропускались в первую очередь. В противном случае здоровью детей угрожает серьезная опасность.

22 апреля из Полтавы отправился первый санитарный поезд с детьми московских рабочих, о чем тут же было сообщено Владимиру Ильичу.

6 марта в речи на заседании Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов Владимир Ильич, говоря о задаче создания государственного контроля, особо подчеркивает: «Вы получите этот аппарат посредством рабочих и крестьянских масс, посредством рабоче-крестьянской молодежи, в которой пробудилось в невиданной степени самостоятельное желание, готовность и решимость самим взяться за дело государственного управления». И в конце выступления он выражает надежду и уверенность в том, что Московский Совет «...почерпнет новые силы из молодежи и возьмется за дело хозяйственного строительства так энергично и твердо, с таким упорством, с каким мы брались за военное дело...»

15 марта, получив телеграмму от религиозных общин, в которой сообщалось, что один вагон хлеба из собранных ими пожертвований направляется председателю Совнаркома, Владимир Ильич накладывает резолюцию: «Прошу направить этот вагон в Совет защиты детей».

Ранее 16 марта Владимир Ильич направляет наркому просвещение на отзыв стихи молодого поэта Варакина, который обращался с просьбой оказать ему материальную поддержку. 16 марта А. В. Луначарский сообщил В. И. Ленину: «...Вы прислали мне письмо молодого поэта Варакина. Должен сказать, что стихи его, которые он, очевидно, показывает как образцы самых лучших своих, «достойных» Пушкина произведений, слабенькие, довольно бессодержательные и с внешней стороны просто гладкие, как пишет большинство гимназистов. Заносчивость же его превышает все меры... У меня есть немало молодых людей, гораздо более заслуживающих поддержки. Но, конечно, 6 тысяч денег пустые, и в моем распоряжении есть некоторый фонд, из которого я могу отпускать пособия молодым дарованиям. Если Вы найдете это нужным, я немедленно пошлю ему 6 тысяч...»

16 марта Владимир Ильич пишет на телеграмме Рыбинского районного управления водного транспорта резолюцию об отсрочке от призыва в армию ста пятидесяти учеников техникума водного транспорта. На следующий день им было подписано специальное постановление Совета Обороны по этому вопросу и направлена телеграмма рыбинскому военкому.

19 марта Владимир Ильич подписывает постановление Совета Обороны о демобилизации из армии всех лиц, работавших ранее в качестве врачей, педагогов, надзирателей, воспитателей и специалистов-мастеров по борьбе с детской преступностью.

24 марта Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома о срочном выпуске инженеров-специалистов, согласно которому в высших технических учебных заведениях весной и летом организуются усиленные занятия, с тем чтобы произвести ускоренный выпуск инженеров не позднее осени 1920 года.

Не ранее 24 марта Владимир Ильич пишет резолюцию на письме правления «Лиги спасения детей», обратившегося в Совнарком с просьбой о разрешении послать за границу делегацию для выяснения условий закупки детям товаров и транспортирования их в Россию: «Запросить тов. Дзержинского. Я прошу дать отзыв. (Я думаю, это подвух)».

Отвечая Владимиру Ильичу, Ф. Э. Дзержинский высказывается против этой поездки: «Считаю отпуск для этой цели за границу Кусковой, Салтыкова (бывшего товарища министра) и других вредным». И добавлял, почему: «Нет ни одного признающего честно Советскую власть. По существу тоже полагаю, что кормить наших детей не за границей будет».

В марте Владимир Ильич пишет записку А. В. Луначарскому следующего содержания: «Под Питером взять ряд монастырей для помещения дефективных и беспризорных детей и подростков».

В конце марта А. М. Горький посылает в Москву из Петрограда сыну (М. А. Пешкову) рекомендательную записку: «Этих людей—Гурвича и Идзона—необходимо провести к Ильичу. Звони ему и скажи, что я очень прошу его принять делегатов от Петроградского технологического института».

Студенты Р. М. Гурвич и Л. И. Идзон были командированы в Москву студенческой сходкой Петроградского технологического института, состоявшейся в начале марта 1920 года, «с целью доложить Предсовнаркомом тов. Ленину и высшим руководителям заинтересованных учреждений резолюцию сходки о необходимости деятельного участия студентов-технологов в борьбе с разрухой». Студентами, в частности, выдвигались предложения, каким образом возможно ускорить завершение учебы в институте как можно большему количеству людей. Позднее декретом Совнаркома была поддержана идея о срочных выпусках. «С этого момента начинается подъем кривой жизни высших технических школ, состояние анабиоза, в котором находились они, а также и Технологический институт, прекращается. Жизнь и силы постепенно начинают вливаться в Институт».

2 апреля Владимир Ильич получает письмо от А. М. Горького и, подчеркнув в нем несколько строк, направляет на отзыв А. В. Луначарскому. «...Обращаю Ваше внимание,—писал А. М. Горький,—на необходимость принять решительные меры по борьбе с детской преступностью. Теперь, будучи ознакомлен с положением этого вопроса, я знаю, как ужасно быстро развивается зараза преступности. В Петрограде насчитывается свыше 6000 детей преступников от 9 до 15 лет, все это рецидивисты и среди них немало убийц. Есть 12-летние, за коими считается по три убийства. Изоляция не достигает цели. Необходимы иные меры, и я предлагаю организовать «Лигу борьбы с детской преступностью», куда мною будут приглашены все наиболее авторитетные деятели по вопросам воспитания дефективных детей, по вопросу о борьбе с преступностью детей. С этим необходимо спешить...»

14 мая заведующая Отделом охраны детства при Наркомпросе А. И. Ульянова-Елизарова в письме А. В. Луначарскому (копия была направлена В. И. Ленину) высказывалась против организации Лиги на том основании, что уже существуют специальные государствен-

ные учреждения для этих целей. Касаясь предложения А. М. Горького о привлечении к борьбе с детской дефективностью всех специалистов в этой области, она отвечала, что «таковые уже и в Москве и в Петрограде привлечены», и одновременно пригласила автора письма «принять участие в означенной работе и указать тех лиц, кои могут быть полезны и кои еще не привлечены».

В начале апреля Владимир Ильич, беседа с делегатами IX съезда РКП(б) от Конной армии К. Е. Ворошиловым и С. М. Буденным, в ответ на сообщение последнего о том, что конармейцы прислали ему скромный подарок—вагон муки и сахара, сказал:

— Да, ничего себе скромный! Большое спасибо, товарищ Буденный. Передайте мою благодарность конармейцам. А что касается их подарка, то извините, лично для себя принять его не могу, не имею права. Прошу передать муку и сахар детским домам. Для меня же лучшим подарком являются ваши победы на фронте.

19 апреля Владимир Ильич, подчеркивая важное значение мобилизации всех сил во имя победы на фронте труда, говорил делегатам III Всероссийского съезда рабочих текстильной промышленности: «...Задачи трудового фронта... неизмеримо труднее. Но если для Красной Армии нужны были только мужчины, то сейчас на трудовой фронт должны быть брошены все трудоспособные силы страны, и мужчины, и женщины, даже подростки...»

Ранее 22 апреля Владимиру Ильичу Н. К. Крупская передает содержание письма, полученного ею от комсомольцев одного из районов Москвы. Готовя большое собрание молодежи в дни подготовки к конгрессу Коминтерна, комсомольцы обратились к работнику ЦК РКСМ Л. Шацкину, участвовавшему в учредительной конференции по созданию КИМа, с просьбой выступить перед ними. Вначале согласившись, а затем узнав, что ребята не смогут прислать за ним машину, Шацкин наотрез отказался. «Не буду я месить грязь ботинками»,—сказал он комсомольцам и бросил трубку. Комсомольцы писали Н. К. Крупской, что таким образом был сорван большой митинг.

Разделяя возмущение всех участников беседы таким поведением члена ЦК РКСМ, Владимир Ильич, как свидетельствует в своих воспоминаниях С. С. Виноградская, заметил:

— Этого парня я знаю, он неплохой, очень смелый и преданный, но он старается во всем подражать взрослым. Эту спесь с него легко сбить: его надо вызвать и сделать хорошую головомойку. Беда в том, что взрослые часто подают молодежи плохой пример, а ведь молодежь очень восприимчива.

И дальше автор воспоминаний продолжает: «На юбилейном вечере в честь пятидесятилетия Владимира Ильича, устроенном Московским комитетом партии вскоре после этого, Ленин в своей краткой ответной речи предостерегал от зазнайства, чванства, барства. Многие недоумевали по поводу такого выступления Владимира Ильича на вечере, посвященном ему лично,—оно совершенно не соответствовало торжественности момента. Но мало кто знал, что, пробирая некоторых партийцев, Ленин в то же время метил и в комсомольцев, подобных Шацкину».

23 апреля Владимир Ильич принимает представителей Туркестанского фронта, которые привезли в подарок к его пятидесятилетию двадцать вагонов с хлебом. Он дает указание десять из доставленных вагонов передать рабочим торфяных разработок, остальные—детям Москвы, Петрограда и Иваново-Вознесенска.

1 мая Владимир Ильич беседует с юными участниками коммунистического

субботника в Москве. Вот рассказ одного из участников этой встречи, Б. Кудина, которому два года спустя вручили на Красной Пресне пионерский билет номер один: «В день Всероссийского коммунистического субботника, 1 мая 1920 года, я, тринадцатилетний юноша, вместе со своими сверстниками и взрослыми москвичами работал по приведению в порядок заброшенного сквера у Китайгородской стены на бывшей Театральной площади. Вдруг мой взгляд привлекла открытая легковая машина, приближавшаяся к скверу по неровной булыжной мостовой. В машине был Владимир Ильич Ленин. Увидев его, я бросил корягу, которую тащил в это время, и с криком: «Ребята! Ильич!»—бросился к подъезжавшей машине. Девтора в один миг облепила машина со всех сторон, а мне и еще нескольким счастливым удалось вскочить на подножку.

Улыбающийся Ильич спросил, что за ребята трудятся на субботнике. Мы все чуть ли не хором ответили, что работают юные коммунисты Москвы.

Ильич похвалил нас за усердие, поздравил с праздником 1 Мая, и его машина тронулась дальше...»

1 мая Владимир Ильич после субботника беседует с молодыми рабочими. Как вспоминает П. С. Заславский, «к Ленину подошла молодая работница комсомолка Наташа Смирнова с Остроумовской фабрики.

— Владимир Ильич,—спросила она,—ну хорошо, кончим войну, а вот до коммунизма мы доживем?

Ленин внимательно посмотрел на нее и ответил:

— Да, вы доживете до коммунизма, а ваши дети не смогут даже себе представить, что было время, когда один человек владел домами, фабриками, всеми богатствами, а тысячи рабочих не имели своего угла и даже хлеба в досталь...»

5 мая Владимир Ильич выступает на площади у Большого театра перед красноармейцами, отправляющимися на польский фронт. Маршевые молодые рабоче-крестьянские батальоны и провозжавшие их части Московского гарнизона были построены на Театральной (ныне Свердлова) площади. Правый фланг их примыкал непосредственно к зданию театра. С небольшой трибуны, сооруженной в сквере, и обращался Ленин к молодежи, отправляющейся на защиту республики.

«Владимир Ильич был в полном восхищении, увидя этих молодых бойцов. Он сказал про них, что это и есть та настоящая смена старой большевистской гвардии, которая действительно может перевернуть весь мир»,—вспомнил В. Д. Бонч-Бруевич. После общего митинга батальоны питерской молодежи направились на площадь Московского Совета, чтобы выслушать напутственное слово Владимира Ильича. В два часа дня с балкона Моссовета он произнес краткую призывную речь, с большим вниманием выслушанную молодыми бойцами.

7 мая Владимир Ильич выражает благодарность тридцатому полку красных коммунаров Туркестанского фронта за присланные макароны и муку, которые, как сообщается в ленинском письме, «...переданы мною детям города Москвы».

12 мая Владимир Ильич принимает парад XI выпуска 1-х Московских пулеметных курсов. Поздравив выпускников, пожелав им успеха в борьбе с врагами, он по просьбе молодых красных командиров-пулеметчиков фотографуется с ними.

Ранее 14 мая Владимир Ильич в беседе с норвежским коммунистом Якобом Фриисом заметил: «Мы страдали от того, что у нас был сравнительно тонкий слой людей, способных управлять. Пришлось молодых рабочих в возрасте

20 лет ставить на ответственные посты».

Не позднее 16 мая Владимир Ильич беседует с А. Б. Халатовым об обеспечении продовольствием общественного питания детей.

17 мая Владимиру Ильичу вместе с документами о «Совете защиты детей» направляет письмо А. И. Ульянова-Елизарова, работавшая в то время заведующей Отделом охраны детства при Наркомпросе. «Дорогой Володя!—говорится в письме.—Посылаю тебе вместо телефонограммы курьера, чтобы приложить документы о Совете защиты детей. Из них ты увидишь, что НКПрод систематически не дает на детское питание по норме. Этот список можно было бы чрезвычайно удлинить. Дети во многих местах вымирают... Пожалуйста, окажи содействие, чтобы дети не были обижены и чтобы не нарушался декрет о защите детей».

27 мая Владимир Ильич делает пометки и пишет дополнение к проекту постановления Совнаркома о высших технических учебных заведениях.

В мае к Владимиру Ильичу обращается с запиской А. И. Ульянова-Елизарова, просит его помощи в обеспечении детских учреждений постельными принадлежностями. «Мне была подана мысль,—пишет она,—попытаться таким путем, между прочим, заткнуть дыру, попросить тебя подписать, что ты считаешь это возможным (в дворцах, особенно загородных, имеется большая масса постельного белья и подушек)».

Весной Владимир Ильич встречается с комсомольцами, возвратившимися с фронтов гражданской войны.

«Около тридцати комсомольцев,—вспоминал позднее В. Д. Бонч-Бруевич,—явился к Владимиру Ильичу, который с большой охотой, отечески заботливо принял эту делегацию у себя в кабинете в Кремле. Когда эта молодежь вошла к нему строго, по-военному, он ласково пожал каждому руку и пригласил сесть.

Владимир Ильич, видимо, сразу подметил их душевное состояние как действительно великий сердцевед, быстро угадывавший настроение тех, с кем он общался... Владимир Ильич говорил о том, что их участие в этом великом походе, их бои, сражения и жертвы никогда не забудет революционная Россия, революционный пролетариат и наша партия.

— Вы приобрели уже жизненный опыт,—говорил он им,—вы видели жизнь такой, какая она есть на самом деле. Вы возвращаетесь к мирному строительству выросшими, окрепшими, коммунистически более организованными...

Нам нужно биться за культуру, ведь мы отстали страшно... У нас нет самого необходимого в этой области, самого примитивного.

— Конечно,—продолжал он,—со многим можно и должно бороться общегосударственными мерами, переустройством всего общества, но многое, очень многое зависит от нас самих. Так вот, надо пойти по рабочим районам и начать простую борьбу за чистоту, за опрятность, за грамотность. Надо вам показать рабочие кварталы такими организациями, борющимися за культуру, которые бы неустанно и неуклонно проводили в жизнь все требования культуры. Только эта работа длительная, упорная, трудная, но чрезвычайно важная, и мы должны ее сделать во что бы то ни стало».

4 июня Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома о высших технических учебных заведениях, которым обязывалось привести преподавание во вузах в соответствие с потребностями народного хозяйства РСФСР, создать рабочие факультеты при всех высших технических учебных заведениях.

НАДАВЕ

I

Внезапно раздался треск дерева. Этот резкий сухой звук прорезал безмолвное, прокаленное зноем пространство так неожиданно, что мальчик, выскочивший из уборной на дальнем конце двора, чуть не вскрикнул и замер на месте, вытаращив глаза. Толстый ствол росшего посреди двора хар-тута сам по себе с оглушительным треском раскололся пополам, и черные тутовые ягоды частым дождем посыпались на дворовый асфальт.

Раньше других высунулась во двор из окна второго этажа жена Агамухтара Анаханум: она сидела у себя на кухне и скатывала кюфту для обеда. Услышав треск, Анаханум удивленно взглянула на лопнувший ствол черного тута, потом увидела растерявшегося Гюльагу и, торопливо вытирая тряпкой облепленные жирным фаршем руки, окликнула его:

— Эй, Гюльага, беги скажи старику, тут раскололся!..

И Гюльага, уже сообразивший, что произошло, помчался в комнату деда, но Алиаббаса-киши не надо было звать: Гюльага успел пробежать лишь половину пути, когда старик, спешно натягивая брюки, сам появился из дверей и быстрыми шагами, как давно уже не ходил, направился к хар-туту.

— Скорее! Скорее! — говорил он. — Ни одна ягода не должна остаться на земле. Все собирайте. Если хоть одна останется, будет грех! Все собирайте! Все должно быть съедено! — возбужденно потарапливал старик. Потом нагнулся, поднял из-под дерева ягодку, положил в рот, и ему в самом деле показалось, что в жизни он не пробовал такого вкусного тута. — Это столетний тут, столетний! — Алиаббаса-киши приложил руки к раздвоенному стволу дерева, посмотрел на раскол — обе поверхности были так сухи, будто их долго выдерживали на солнцепеке; от старости это было, весь сок из дерева испарился. Да-а, вот и перелаял за сотню этот хар-тут.

Подняв голову ко второму этажу и поймав взглядом лицо своей старшей невестки Анаханум, Алиаббаса-киши распорядился:

— Плов приготовь сегодня.

Привыкшая ни в чем не перечить свекру, Анаханум и на этот раз, конечно, не заставила повторить слова дважды, ей и в голову не пришло сказать: мол, я кюфта-бозбаш готовлю. Старику плова захотелось? Что ж, к вечеру она и плов сготовит... Анаханум с каждым днем становилось все яснее, что состариться — это, по существу, снова стать ребенком.

Разумеется, Алиаббаса-киши был сейчас в полном неведении относительно мыслей своей старшей невестки, он сказал, обращаясь теперь уже к Гюльаге: — Видаль! Ну, видаль! Ты все хотел знать, правду я говорю или нет?! Видаль! —

И точно — здорово этот хар-тут треснул, ничего не скажешь. Верно говорил старик: когда тут достигает ста лет, он раскалывается, и, значит, тут у них во дворе действительно сто лет.

— Ой, хорош тут! — восклицала жена Фатуллы Месме, причмокивая, словно никогда не ела ягод с этого дерева.

— Надо собрать и соседям дать, чтобы и они попробовали, — добавила известная своим добрым сердцем младшая невестка Анаханум Фарида.

«Тебе-то что, любимица, ты и соседям пошлешь и чего только не сделаешь, ведь не твоя же собственность», — отметила про себя Месме, но вслух ничего не сказала.

Четвертый внук Алиаббаса-киши Агасалим окликнул свою жену Зибейду:

— Тарелку неси! Кастрюлю! Сегодня день тут!

— Да, да! Ни одна ягодка не должна остаться на земле. Это грех! — все повторял Алиаббаса-киши.

Все дети, внуки, правнуки, невестки Алиаббаса-киши вышли во двор в этот жаркий июльский день, когда их тутовому дереву, знаменитому на всю округу, исполнилось сто лет, и теперь они старательно собирали рассыпавшиеся по двору ягоды.

Ну, про грех-то Алиаббаса-киши, скорее всего, придумал на ходу; никто никогда не говорил, что, если тутовому дереву исполнится сто лет и ствол его треснет надвое, необходимо собрать все упавшие на землю ягоды до единой, как не было и такого обычая — готовить плов, когда туту сравняется сто лет. Но поскольку это тутовое дерево прожило на свете так долго и его столетия Алиаббаса-киши так ждал, сегодня был праздник, и плоды этого столетнего черного тута были как бы благодатью — оставлять их под ногами, конечно, грешно.

Алиаббаса-киши как раз стоял под деревом, когда ему на левую сторону груди упала ягодка туту, на белой сорочке старика тотчас появилось алое пятно, и увидевший это Агамухтар вздрогнул.

Старший сын Алиаббаса-киши Агамухтар четыре года сражался на фронте, с боями прошел от Моздока до Берлина, и все мальчишки квартала хорошо знали, что у дяди Агамухтара есть орден и тринадцать медалей. Агамухтару вдруг представилось, что отцу прямо в сердце попала пуля и алое пятно — кровь; потом Агамухтар отвел рукой назад свои густо покрытые сединами волосы и уже не впервой за последнее время подумал, что старик порядком сдал.

Вообще Агамухтар был не вправе так думать, потому что и сам он не очень-то отстал от отца в этом отношении; даже однажды Баладжаханум, жена соседа — мясника Аганаджафа, щелкая семечки в окружении молодых девушек, сказала:

— Видите, девочки, не очень разберешь, то ли Алиаббаса-киши — отец Агамухтара-киши, то ли Агамухтар-киши — отец Алиаббаса-киши...

Понятное дело, когда эти слова дошли до Анаханум, то Баладжаханум получила причитающееся ей, однако Агамухтар и в самом деле за последние годы сильно постарел.

Алиаббаса-киши тоже бросил взгляд на старшего сына и, когда увидел копну его иссиня-белых волос, праздничное настроение старика упало. В памяти всплыло детство Агамухтара, припомнилось, как он крохотным мальчуганом взбирался на это дерево и лакомился туловыми ягодами. «Во что годы превращают человека, — досадливо пронеслось в голове Алиаббаса-киши, — тот

маленький ребенок теперь уже почти старик, смотри только, на что стал похож! Воистину, «мы приходим и уходим, ты живи — мир!» — как сказал поэт». И Алиаббаса-киши покачал головой, вдруг улыбнувшись в свои белые усы, снова успокоился, подумал еще о том, что вот он замечает старость Агамухтара, а свою собственную не видит...

Младший сын Алиаббаса-киши Фатулла позвал Гюльагу:

— Сбегай, принеси еще ведро из дому.

Вскоре тарелки и кастрюли наполнились крупными туловыми ягодами, и соседние ребята, прослышав о том, что туту Алиаббаса-киши стукнуло сто лет и он раскололся, набились во двор. Каждый попробовался ягод вдоволь, и все пришли к единому мнению, что вкус у них особенный. Всем соседям было отправлено по тарелочке ягод, как будто в доме Алиаббаса-киши было обручение и по этому случаю раздавали сладости.

Жена мясника Аганаджафа Баладжаханум, беря ягоды своими темно-коричневыми от хны, которой она недавно красила голову, пальцами, отправляла ягоды в рот и, смакуя, говорила:

— Везет же людям!.. Такой тут у них уродился — наслаждение, а не ягоды! — Потом подмигнула своей соседке Лумия, которой было за тридцать, хотя она все еще не вышла замуж: — Это витамин э, агыз*... Возбуждающая штука...

Лумия краснея и смущалась, но больше для виду — она никогда не возражала против таких разговоров, и Баладжаханум, прекрасно это зная, звонко хохотала.

В тот субботний день все жители квартала от мала до велика узнали о том, что столетний хар-тут во дворе Алиаббаса-киши расщепился. Узнал об этом и Молла Фарзали, жадность и скупость которого вошли в поговорку. Стуча оземь палкой, он подошел к воротам Алиаббаса-киши и вызвал мастера на улицу. Заведя степенный разговор о том о сем, Молла Фарзали добрался наконец до цели и поделился с Алиаббасом-киши советами своего доктора, который наставлял Моллу выжимать черный тут и пить сок. Да где же взять на это денег, вот если Алиаббаса-киши будет так добр и даст небольшую кастрюльку ягод, то их Молле хватит с лихвой.

Ювелир Алашраф, сидевший в тени на противоположном тротуаре, оторвался от игры в нарды, взглянул на своего напарника, учителя русского языка Алхас-бека, и не удержался:

— Вечно так вот плачется, а поискать, так у него, небось, только свиньи и недостает... — Ювелир Алашраф сказал это и выкинул шеш-гоша, вконец испортив настроение Алхас-беку.

Разумеется, Молла Фарзали получил свою кастрюльку туту и ушел восвояси.

Плов, который сварила в тот вечер Анаханум, удался, и столько она его наготовила, что хватало всему двору — детям, внукам и правнукам Алиаббаса-киши. (Свадьбы в квартале чаще всего бывали у Алиаббаса-киши.)

Ясное дело, не всегда этот двор был таким шумным и многолюдным. Когда-то отец Алиаббаса-киши — уста** Хазратгулу — купил лишь маленький одноэтажный домик на две комнаты. Давным-давно это было, когда и черный тут во дворе был еще совсем молодым деревцем, а Алиаббас — маленьким ребенком; ствол тутового дерева был тогда тоньше, чем его нынешние ветки.

Женившись на Тубуханум, Алиаббаса-киши построил себе две новых комнаты — это было еще до революции, — теперь в тех комнатах живет внук Алиаббаса-киши Агасалим с семьей. Подрастали дети — уменьшался двор, в доме стало шесть комнат, потом восемь, потом и многоэтажное здание стало двухэтажным. Женились сыновья, внуки, и всем находилось в этом дворе, где теперь раскололся хар-тут, место.

У Тубуханум с Алиаббасом-киши было двое сыновей, четверо дочерей. Станный этот мир: и Агамухтар и Фатулла вернулись с войны цельми-невредимыми, по-прежнему здоровы оба и уже дедушки; а вот девочки все умерли, все четыре; Салим наз еще до войны умерла, от менингита, и что за напасть, в последнее время чаще всех из четырех дочерей вставала перед глазами Алиаббаса-киши Салим наз. Фатма умерла во время войны, никто так и не узнал, отчего, правда, поговаривали, что тоска по Мурсалу разорвала ей сердце — Мурсал был мужем Фатмы, он находился на фронте, и одно время от него не было никаких вестей. И теперь жив Мурсал — здоров, весел, живет с четвертой женой. Однажды Мурсал, встретив Алиаббаса-киши на улице, обнял его, заплакал: «После Фатмы ни с одной женой жить не могу, горькая штука, дядя Алиаббас, любовь». «Ну, если это и любовь, — сказал ему Алиаббаса-киши, — то для тебя она ведь не должна быть горькой...» От Фатмы один сын остался, в отца не пошел, материнское взяло верх, дом у него, семья, все ребятишек, в Сумгаите живут. И вообще от дочерей в этом дворе нет никого, все от Агамухтара и Фатуллы.

Сафура и Кямала тоже ушли, после войны уже. Такая вот жизнь... От Сафуры и Кямалы у Алиаббаса было семеро внучат, и у всех семерых сейчас дом, дети, семья. Но вот ведь в чем беда: как ни велико было семейство Алиаббаса-киши, а все же был он в общем-то один.

Дело было в том, что свою Тубуханум Алиаббаса-киши похоронил ровно три года назад и ночью этого субботнего дня, когда хар-туту исполнилось сто лет, лег он в постель, закрыл глаза, а Тубуханум пришла и встала перед ним как живая, не та, уже старая и седая, нет — перед ним была юная Тубуханум, какой она вошла когда-то в этот дом.

Припомнились Алиаббасу четыре строчки, которые прежде произносил он иногда в шутку и в которых теперь от шутки и следа не осталось:

*Лежу — недужится телу,
Встаю — тоскует душа.
Когда ты ушла — для меня
Не стало ни ночи, ни дня.*

* Агыз — обращение к девушке (азерб.).

** Уста — мастер (азерб.).

лет двадцати пяти, приблизившись к Алиаббасу, посмотрел оценивающе на инструменты, потом, так и не поприветствовав старшего, спросил:

— Почем, киши, будет этот пробойник?

Услышав обращенный к нему вопрос, Алиаббас-киши неожиданно для себя самого первым делом взглянул на руки парня, и тот верно понял значение этого взгляда, не пришедшегося ему по душе:

— Что, киши, на руки мои смотришь! Хочешь узнать, действительно ли я уста? Не сомневайся! Уста я, и даже неплохой, как раз на твой вкус. Ну, а на ладонях у меня, и правда, погляди, ни одной мозоли нет. В перчатках я работаю — с электричеством. А пробойник этот твой никому теперь не нужен, в магазинах полно электрических дрелей...

— Ступай, сынок, ступай. Пойди купи себе электрическую дрель. Тебя кто-нибудь заставляет покупать этот пробойник? Ступай себе, — сдержанно ответил Алиаббас парню.

Не сказав ни слова, тот махнул рукой и ушел.

Возможно, парень этот и был мастером, и вполне возможно, как раз на его, Алиаббаса, вкус! Но только сердце у него не было сердцем мастера.

За все три дня парень оказался единственным, кто проявил интерес к молотку и пиле Алиаббаса-киши.

Наступил четвертый день. Алиаббас-киши, выйдя поутру во двор, открыл сарай, взял, как обычно, свой мешок. Анаханум и Месме, торчащие каждая у своего окна, высматривая, что происходит во дворе, многозначительно переглянулись. Понимающие взгляды обеих означали, что той и другой известен слух, распущенный гнусавой Фирузой — наипервейшей сплетницей квартала, что-де сыновья и невестки уста Алиаббаса содержат его в черном теле, вот старик и вынужден распродавать свои молотки да щипцы.

Конечно, если бы Анаханум и Месме могли предугадать, что сегодня произойдет, они не переглядывались бы так многозначительно.

Едва выйдя со двора, Алиаббас-киши вместо того, чтобы привычным путем двинуться в направлении сквера, опорожнил содержимое мешка и, засучив рукава, принялся мастерить начатую когда-то, да так и не законченную скамью у ворот. И что было самым удивительным, гвозди шли в древесину ровно, топор выполнял свою работу исправно, а молоток, рубанок и щипцы вновь послушно повиновались тонким, как сухие ветки, рукам Алиаббаса-киши. Час-полтора спустя скамья была готова, и Анаханум и Месме, которые оторвались от своих кастрюль и снова воссели у окон, на мгновение показалось, что свекор их все тот же Алиаббас, каким он был лет двадцать — тридцать тому назад.

Несколько следующих дней Алиаббас-киши посвятил осмотру дома, тщательно обследовал окна и двери, привел в порядок застекленную веранду во дворе, потом навестил соседей. Он обновил где надо перила, поправил оконные рамы, починил деревянную лестницу, ведущую со двора на второй этаж. За этими делами незаметно прошло лето, уступив свой черед осени. Мужчины по ночам спали теперь уже на женской половине, молодежь перебралась с крыши в дом, ягоды столетнего хар-тута давным-давно были съедены, листья его стали покрываться обильной желтизной, а руки Алиаббаса-киши работали проворно, как и встарь, движения их были точны и ловки. Уж не шайтан ли попробовал было сбить мастера с пути истинного, мол, брось-ка ты свою работу, сядь, успокойся и жди своего срока — попробовал, да и отступился перед крепостью

старика. Весь квартал, в том числе собственные сыновья и внуки Алиаббаса-киши, диву давались, до чего внезапно произошло это перерождение мастера, и даже Алигулу был так ошеломлен приключившимся, что принялся писать во славу старика поэму. И однажды по кварталу разнеслась весть, что отрывок из поэмы Алигулу помещен в газете. Алигулу и раньше грешил рифмачеством, многим приходилось слышать отрывистые, рубленные строки, сочиненные им. В квартале было принято смотреть на эти занятия Алигулу сквозь пальцы, но когда люди увидели его фамилию напечатанной в газете, а в нескольких строчках поэмы — имя Алиаббаса-киши, всеобщее уважение к молодому поэту явно возросло. Анаханум и Месме аккуратно вырезали из газеты стихи Алигулу и поместили эти вырезки в альбомах среди фотографий детей и родственников. Алиаббас-киши тоже подержал в руках газету со стихами и неопределенно покачал головой.

Жена мясника Баладжаханум, пощелкивая семечки, стояла возле ворот своего дома и подмигивала окружающим ее молодым девушкам:

— Что ни говорите, а старик здорово ожил! Того и гляди, завтра возьмет себе молодую жену...

Алиаббасу-киши уже реже — по ночам, когда сон не шел к нему, — вспоминались те четыре строчки:

*Лежу — недужится телу,
Встаю — тоскует душа.
Когда ты ушла — для меня
Не стало ни ночи, ни дня.*

Всеобщее мнение было таково, что Алиаббас-киши, как и тутовое дерево у них во дворе, перешагнет, пожалуй, за добрую сотню лет.

Баладжаханум приходила иногда к дому Алиаббаса-киши и усаживалась у ворот на сделанную им скамью, как всегда, в окружении девушек со всех концов квартала, которые, урвав от дел хотя бы пять — десять минут, с удовольствием слушали ее веселую болтовню. Баладжаханум, громко похохатывая, изгрызала столько семечек, что вся мостовая вокруг сплошь покрывалась шелухой. А как-то раз, перехватив сердитый взгляд Алиаббаса, Баладжаханум успокоила старика:

— Подмету, подмету, дядя Алиаббас. Все подмету. Что поделает, если ты не догадываешься соорудить скамейку и перед нашим домом!..

И Баладжаханум засмеялась, щедро выставив золото, которое сверкало у нее во рту. Баладжаханум на все свои совершенно здоровые зубы надела золотые коронки, и гнусавая Фируза просто выходила из себя от зависти к этим золотым зубам.

Сама Баладжаханум не придавала значения своим последним словам и уж тем более не ожидала услышать в ответ от Алиаббаса:

— А что ж, сколочу скамью и перед твоим домом.

— Правда? Большое спасибо, дядя Алиаббас! — Баладжаханум как будто никогда в жизни не радовалась так искренне. — Но только такую сделай, чтоб в целом квартале не было ни одной похожей! И маленький навес пусть будет, ладно, дядя Алиаббас? Чтобы летом было куда от солнца спрятаться, — стрекотала без умолку Баладжаханум.

В летнее время, с утра до самого вечера, пока мясник Аганаджаф не возвращался с работы, Баладжаханум только и делала, что, стоя у ворот, чесала язык то с одной, то с другой соседкой. Никому неведомо было, кто и когда готовит еду на пирьих ее, мал-мала меньше, ребятишек. Впрочем, гнусавая Фируза утверждала, будто мясник Аганаджаф — вот бедолага! — днем на колхозном рынке мясо продает, а вечерами потаенно от соседей стряпает обед на завтра; по этому поводу нам трудно что бы то ни было сказать, но уж что правда, то правда — все в округе почитали за благо попадаться пореже суровому мяснику на глаза, а вот сам Аганаджаф определенно побаивался Баладжаханум.

— Невелика мудрость, — сказал Алиаббас-киши, — сделаю и навес. — Суть была, конечно, не в том, чтобы Баладжаханум было удобно просиживать юбки на этой скамье под навесом и болтать без умолку, а в том, что еще одно изделие выйдет из-под рук уста. — Досок нужно немного...

— А-а, чего там доски! — воскликнула Баладжаханум. — Аганаджафу скажу — целый вагон досок раздобудет тебе.

И дня не прошло, а Алиаббас уже приступил к работе: сколотил перед домом Аганаджафа скамью, обтесал опоры для небольшого навеса, и работы ему оставалось еще на день — собрать навес. И тогда Баладжаханум назло таким, как гнусавая Фируза, усядется, вырядившись, словно на свадьбу, на этой отменной, с навесом, скамье.

Все в квартале решили, что новая скамья — вершина мастерства Алиаббаса-киши.

В то октябрьское утро как будто снова вернулось лето, и эта ненароком наступившая теплынь никак не вязалась с рассыпавшимися по двору листьями столетнего хар-тута. Чиркнув спичкой над газовой горелкой и поставив чайник на огонь, Анаханум привычными движениями колола на лотке сахар и посматривала в окно. Взгляд ее задержался на закрытом сарайчике свекра, потом на двери комнаты, где старик спал, и сердце Анаханум охватило смутное беспокойство.

Обычно Алиаббас-киши в этот час уже крутился во дворе.

Прошло какое-то время, проснулись мужчины, дети торопливо, чтобы не опоздать в школу, принялись за завтрак.

Алиаббас-киши все еще не выходил во двор.

Анаханум робко спросила о свекре у собиравшегося на работу Агамухтара. Агамухтар посмотрел в глаза жены, ни слова не сказал и, спустившись во двор, вошел в комнату, где спал отец.

Алиаббас-киши умер ночью, когда спал.

В тот день весь квартал до глубокой темноты ходил во двор Алиаббаса-киши. Люди тихо присаживались на стульях, табуретках, поставленных под столетним тутом, каждый выпивал стакан чаю и выражал соболезнования Агамухтару. Фатулле.

Многолюдный, обжитой двор как-то сразу осиротел, когда не стало старика. И столетнее дерево хар-тута в тот жаркий осенний день еще больше подчеркивало эту сиротливость.

А наутро жители квартала оказались свидетелями нежданного зрелища: над скамьей перед домом Баладжаханум красовался ладно сбитый навес.

Весь квартал, и мясник Аганаджаф, и Баладжаханум с покрасневшими от плача глазами, и все родные Алиаббаса-киши были крайне изумлены этим происшествием.

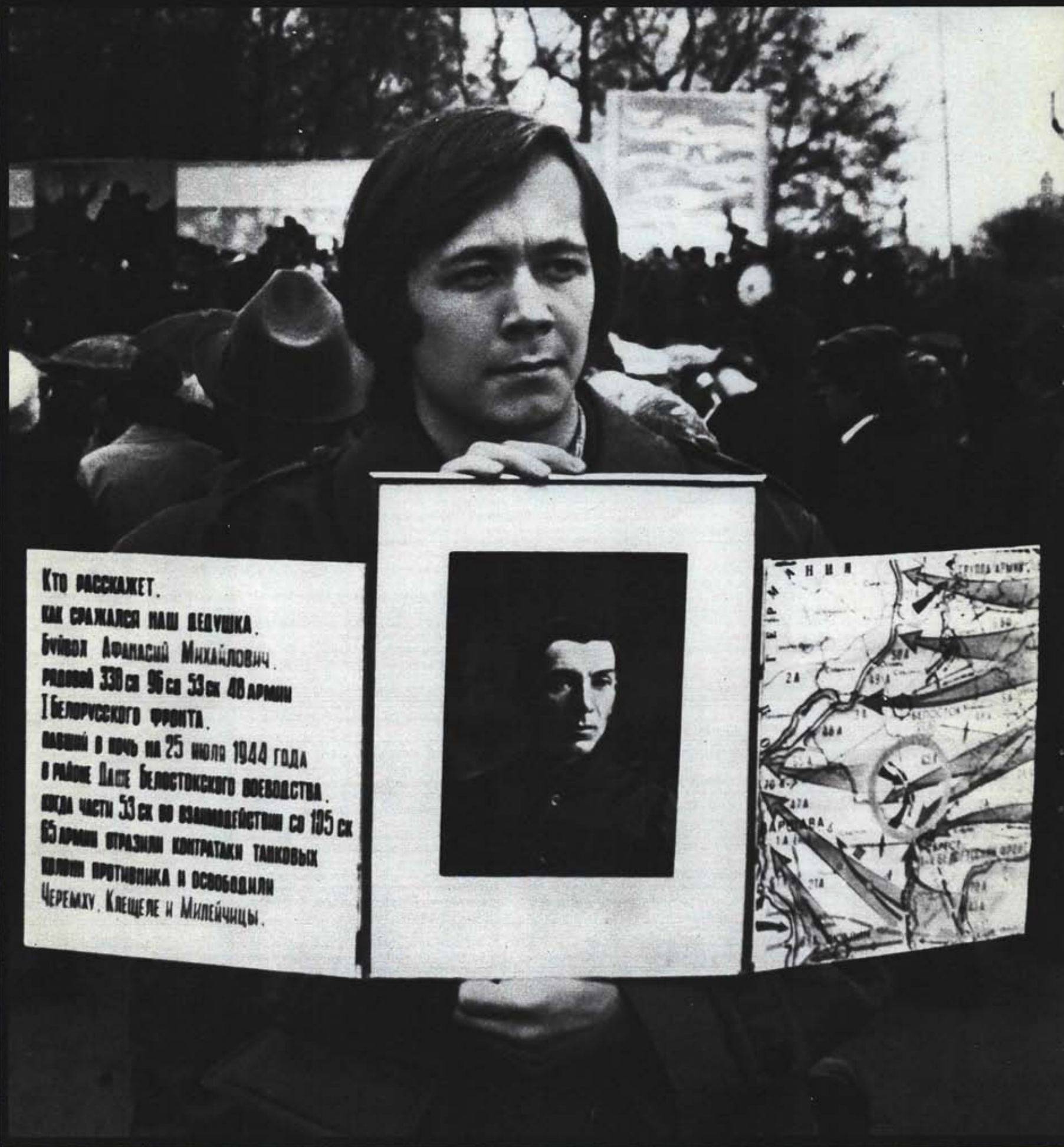
Малые ребятишки и старые женщины — те поверили слуху, который распространился по всему кварталу, что молоток, пила, рубанок и щипцы Алиаббаса-киши сами собой пришли ночью и довели до конца то дело, которое не успел завершить уста.

Перевел с азербайджанского Николай САРАФАННИКОВ.

«МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ»

Фотоконкурс «СМЕНИ»,
посвященный 60-летию Великого Октября

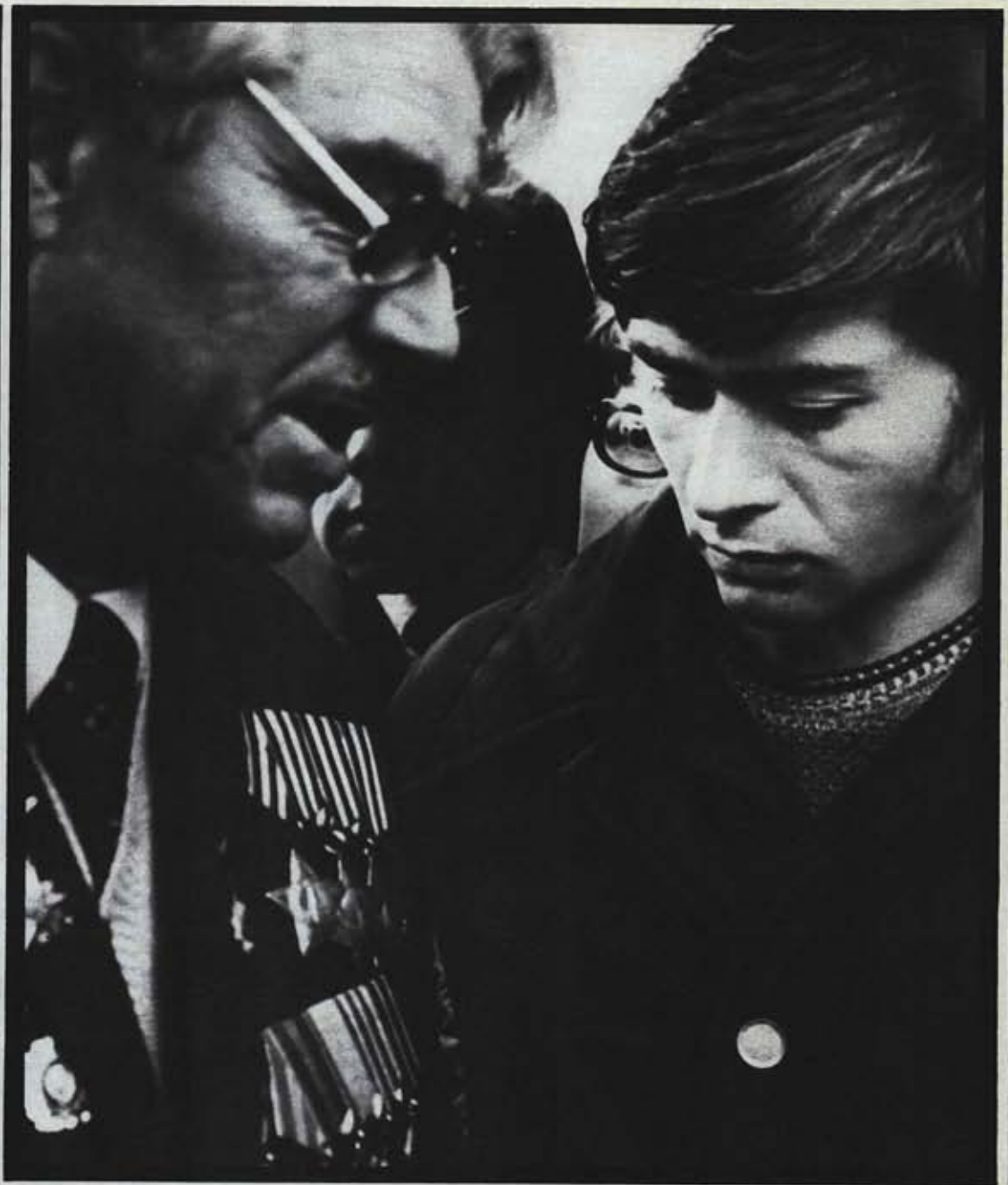
КТО РАССКАЖЕТ,
как сражался наш Дедушка,
бывших Афанасий Михайлович,
риловской 330 сд 96 сд 53 сд 48 армии
[Белорусского фронта,
павший в ночь на 25 июля 1944 года
в районе Даше Белостокского воеводства,
когда части 53 сд во взаимодействии со 105 сд
65 армии отразили контратаки танковых
колонн противника и освободили
Черемуху, Клещеле и Милейчицы.

МОЛОДОСТЬ.

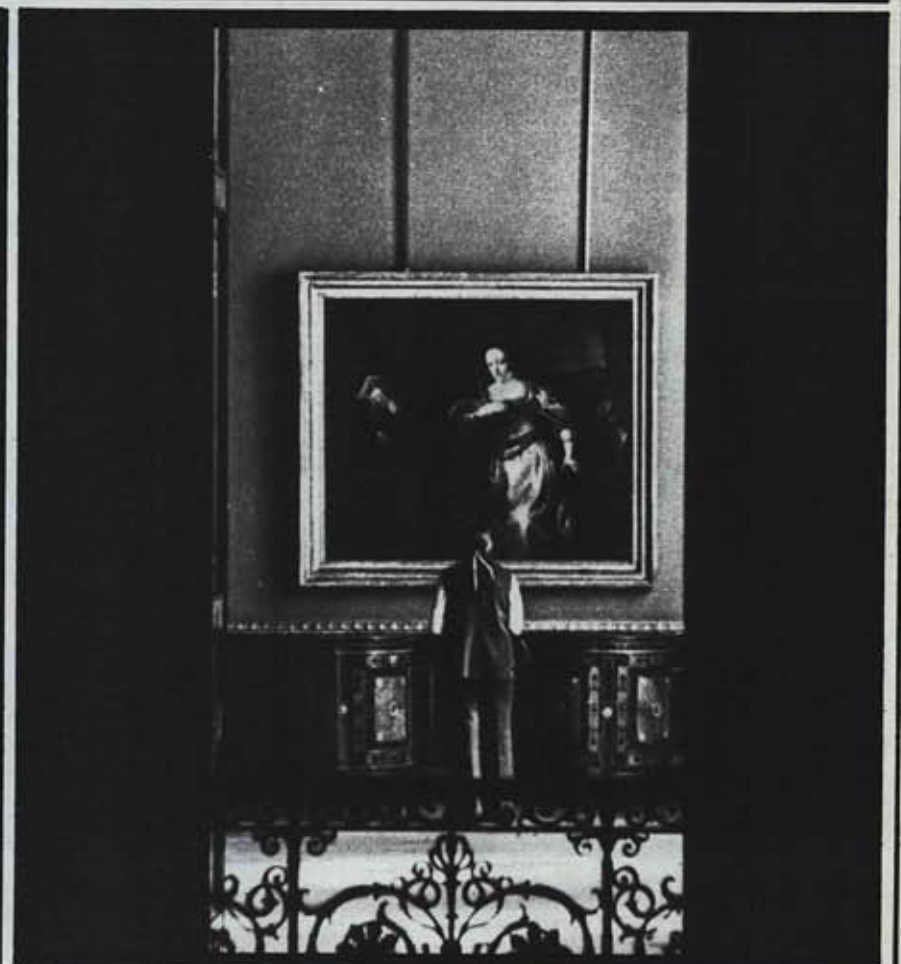
9 МАЯ. Фото Б. ДОЛМАТОВСКОГО (Москва).

СЛАВА СОЛДАТА.

ЮНИЙ БУДЕННОВЕЦ. НАЕДИНЕ С ИСКУССТВОМ.

Фото В. ССОРИНА (Ярославль).

РЕДАКЦИЯ ЖДЕТ ОТ ЧИТАТЕЛЕЙ НОВЫХ КОНКУРСНЫХ ФОТОРАБОТ, КОТОРЫЕ ПРИНИМАЮТСЯ ДО 1 ОКТЯБРЯ С. Г.

ПАМЯТНИК НА МОГИЛЕ ВЕЛИКОГО ХУДОЖНИКА.

ТАКИМ ЭТОТ ДОМ БЫЛ И ПРИ ЖИЗНИ РЕШИНА.

Жемчужины отечественной культуры

ЕРЕДИ ДЕСНЫХ ОЗЕР

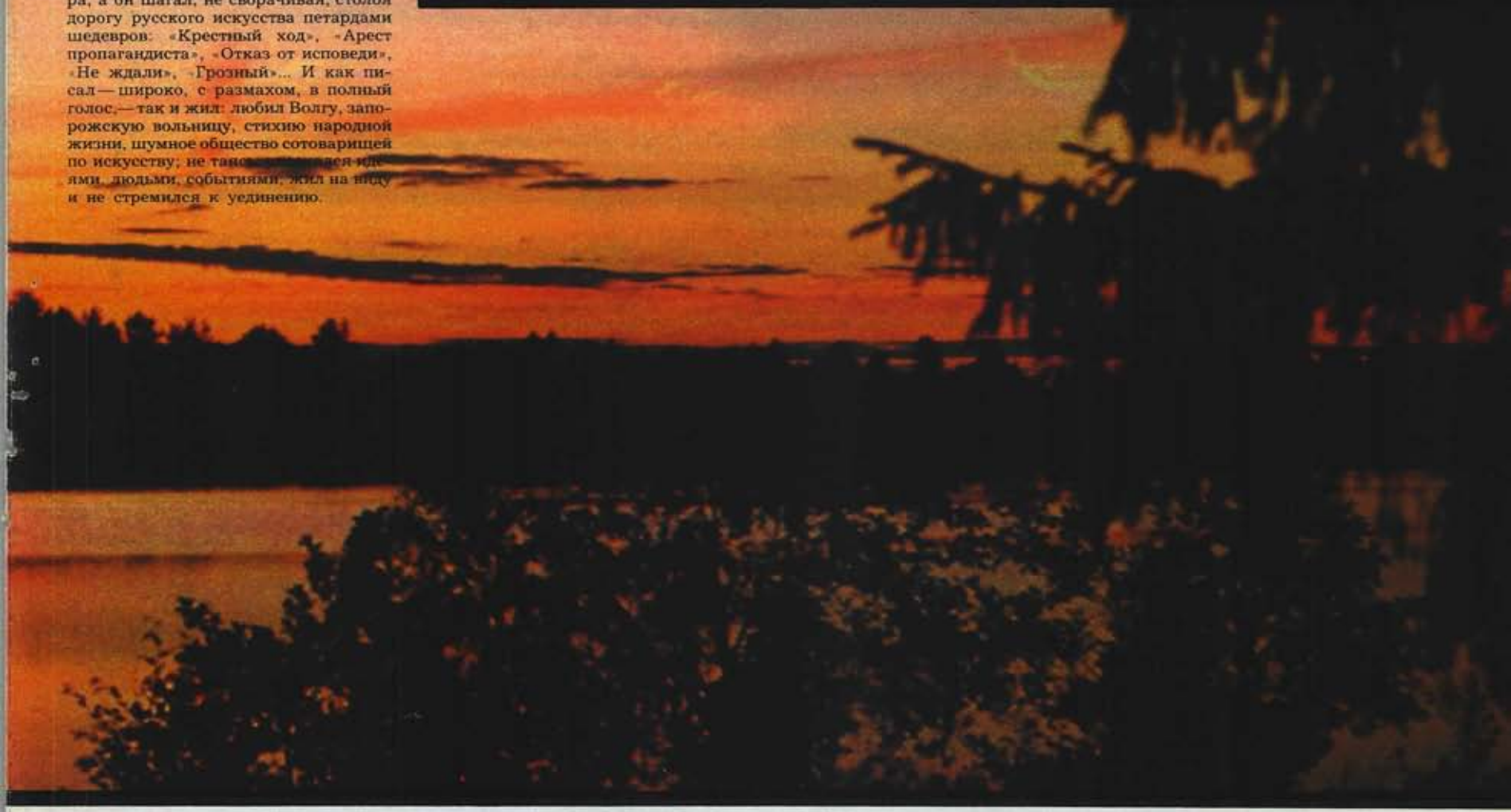
Алексей НИКОЛАЕВ
Фото Василия МИШИНА
Специальные
корреспонденты
«Смены»

Хоть и не скрыто ничто в судьбе Ильи Ефимовича Репина соблазнительным флером загадочности и жизнь его, как Волга по России, текла широко, открыто — не прячась в берегах, не таясь простора, — одну все же загадку задал он современникам, задал, словно нарочно, с хитровой мужицкой простотой...

Кому из русских художников выпадала при жизни столь обильная доля заслуженной славы и искренних почестей! Не было ему тридцати, когда впряглись в лямку «Бурлаки» и пошла с ними подъяремная Русь к исторической своей судьбе, так прозорливо угаданной молодым художником; и ни царям, ни всеильным министрам сразу не по зубам стал этот орешек. Гнев ли, лезть ломали многих; он ломил в открытую, позволял себе то, о чем другие его собратья и помыслить не смели. Щетинилась, но трещала цензура, а он шагал, не сворачивая, столбя дорожку русского искусства петардами шедевров: «Крестный ход», «Арест пропагандиста», «Отказ от исповеди», «Не ждали», «Грозный»... И как писал — широко, с размахом, в полный голос, — так и жил: любил Волгу, запорожскую вольницу, стихию народной жизни, шумное общество сотоварищей по искусству; не таясь, не прятаясь идеями, людьми, событиями; жил на виду и не стремился к уединению.

МАСТЕРСКАЯ, ГДЕ ИЛЬЯ ЕФИМОВИЧ НАПИСАЛ БОЛЬШИНСТВО СВОИХ КАРТИН.

ПРОЗА

Становление личности

Вот и перевернута последняя страница книги «День и вечер» Владимира Амлинского («Советский писатель», 1976 г.). Мы расстаемся с ее героями, чтобы

спустя какое-то время вновь к ним вернуться. Владимир Амлинский ставит своей главной задачей проанализировать формирующийся человеческий характер. Чаще всего писатель рассказывает о борьбе подростка за правду и справедливость.

Главный герой повести «Тучи над городом встали» — ученик восьмого класса Сережа Островский. Сережа принадлежит к тому поколению людей, которые проходили школу жизни в тяжелые годы Великой Отечественной войны. Писатель делится с нами размышлениями обыкновенного мальчишки-москвича. Столкнувшись с чужим горем, проводив на фронт отца, Сережа понимает, что борьба — это единственное условие будущей мирной жизни. Растет человек, думает о жизни, о времени, делает первые выводы, становится личностью.

Повесть «Жизнь Эрнста Шаталова» наполнена высоким оптимизмом, верой в человека, нашего современника. Перед нами раскрывается нелегкая судьба Эрнста Шаталова. Он умер в том возрасте, когда у многих только только наступает расцвет человеческих чувств и сил. Остались жить в читателях его надежды, его борьба за жизнь, его любовь к ней.

Роман «Возвращение брата» — произведение еще об одной трудной человеческой судьбе, об умении найти в своей душе нравственную опору. Главной героиней романа — Иван Лаврухин. Его детство прошло в партизанских отрядах. С медалью

возвратился Иван домой после победы, да пошло тут все у него наперекосяк. В первый раз преступил закон — оправдали (медаль и прошлое помогли), а дальше — одна судимость за другой... Однако нашлись в человеке силы подняться над своей жизнью. Спасая избиваемого парнишку, Иван получает тяжелое ранение. Вместе с автором мы верим в будущее Ивана Лаврухина, ведь человек, порвавший с темным прошлым, достоин жить счастливо и приносить людям добро...

Очень интересны очерки Владимира Амлинского. Они заставляют читателя глубоко сопереживать вместе с писателем.

Очень показателен в этом отношении очерк «Воспоминания о революционере» — о турецком поэте Назыме Хикмете. Назым Хикмет, по мысли автора, прежде всего революционер, а потом уже поэт. Он, как тысячи людей, в морозную зиму 1924 года прощался с Ильичем, позже за каждую выпущенную книжку платил очередным сроком неволи. Но пыл борца в нем не угас, а приобрел еще больший накал. Автор делает зримыми основные черты личности замечательного поэта.

В рассказах, повестях и очерках Владимира Амлинского всегда присутствует жизнеутверждающее начало, оно заставляет решать вместе с автором многочисленные проблемы сегодняшнего дня, становится внимательнее к людям, которые нас окружают.

Игорь ЖЕГЛОВ

Воспитание добром

Прекрасная и важная тема легла в основу повести Ирины Стрелковой «Чет и нечет» («Детская литература», 1976 г.) — тема интернационализма, дружбы народов. Эта большая тема решена умело, со знанием дела на примере жизни ребят небольшого казахского поселка, в котором живут представители разных национальностей.

Название повести взято из известного восьмистишия Абая. Поэт говорит о восьми богатых, «что меряются силою своей: лето и зима, добро и зло, день и ночь, чет и нечет». Таким образом, в названии повести «Чет и нечет» заключена мысль о несхожести человеческих судеб и характеров, когда друзьями становятся люди с противоположными чертами. Так получилось и с героями повести: тихий, книжный мальчик Витя подружился с диковатым Сал-

маном, а его сестра Маша с Фаридой.

Разные приключения ожидают героев повести, особенно Витю и Салмана. Отец Салмана — вор, и несправедливое позорение падает и на мальчика.

Салману стыдно за отца, за то, что в такой нарочитой нищете живет семья. Салман мучительно хочет счастья своим маленьким сестрам. Когда в его дом пришел «черный гость», пришел ночью, сбегав из места заключения, Салман находит мужество броситься на нож преступника и задерживает его. Сцена эта полна драматизма и говорит о высоких творческих возможностях автора.

Наши дети воспитываются интернационалистами, они с малых лет учатся уважать обычаи других народов. Нередко в детской литературе жизнь ребят разных республик показывается одинаковой. Да, всюду школы занимаются по одной и той же программе, всюду идет пионерская работа, но остаются и национальные особенности, о которых не следует забывать.

Повесть «Чет и нечет» раскрывает национальные черты героев. В ней показано, какой дух царит в русской семье полковника Степанова, где растут Маша и Витя. Мы видим семью Саула, мать которой происходит из семьи ссыльного польского революционера, а отец — казах. Нам понятны устои семьи Еркина, глава семьи — чабан, а его дети — интеллигенты. Можно понять, отчего вырос безалаберным Нурлан и что сделало нелюбимым Салмана.

Ему ли было до уединения, если в искусстве и в жизни на приступ ходил с открытым забралом, царя называл «высокодержимордием», самодержавие — «отвратительной выдумкой дикого человека». В жизни нужен ему был простор, в искусстве — огромный холст. Ему ли было до уединения?!

А вот задал загадку Илья Ефимович Репин, когда, будучи на Олимпе славы, в первый год нового века, отринув обе столицы, махнул рукой на роскошные каменные квартиры и академические мастерские, поселился на самом краю России. И поселился-то не в хоромах на просторе, что, не докапываясь глубоких причин, можно было бы и уразуметь с маху, а в усадьбе, и в трех шагах невидной. Усадьба эта, интимная и скромно названная «Пенаты», была крошечный лоскуток земли в десятину с малым, и на нем тесный одноэтажный домик, который по нынешним меркам иначе как дачкой и назвать совестно.

Гадать было о чем! Схватилась пресса за отгадки и ничего не нашла иного, как «отпеть» великого художника: исписался. Если б только пресса, охочая до сенсаций, а ведь решительный этот приговор, со вздохами и в выражениях более приличных, исходил и не из враждебного лагеря. Да и мудро ли: к тому времени создано было Репиным столько и так создано, что достало бы и на три художнических жизни. Заслуженный покой в тихом уголке был с лихвой отработан гигантским трудом на ниве русского искусства — чего гадать?!

Порох в пороховницах оставался обильн и сух, когда поселился Репин на краю России, уединившись в тесном низком домике, и пока примерялись новые разгадки — а к жизни художника ни одна вপুরе не приходилась, — домика этот ждал своего звездного часа.

Перестраивался и творился он руками самого мастера — с тем же темпераментом прямой и открытой его нату-

ры. Не мог видеть он глухой стены, не испытывая желания прорубить в ней окно, и потому, как картины свои, пронизывал светом новое жилище; как в искусстве не создавал Репин ничего просто так, эффекта или красоты ради, так и обитель свою строил со смыслом, где все до мелочей было продумано для творчества и жизни, которая ему по душе и по праву. Малое время спустя вышел домик на диво — терем ли из сказки, иное ли чудо придуманное — сразу нехватишь. Со свойственным ему вкусом к русской речи называл его хозяин «городилом». Думал ли он, что это творение на берегу Финского залива станет тем, чем была уже в Тульской губернии Ясная Поляна? Так ли, этак, а вышло, что и «Пенаты» оказались Меккой русской культуры...

Возводя, впрочем, репинскую усадьбу в столь высокий и обязывающий ранг, вряд ли будем мы далеки от истины, потому что по обилию и значению имен бывших здесь в разные годы людей «Пенаты» сравниться могут разве только с яснополянским домом Толстого. Орбиты жизни великих, замечательных или просто интересных людей пересекались здесь на протяжении трех десятилетий, а пересекаясь эти давали такой фейерверк искр, осветивших живым светом русскую культуру, что и теперь, спустя годы, мы словно пересыпаем в ладонях памяти драгоценные крупички дорогих нам биографий, и чувство воссоздания эпохи, живых образов приходит всякий раз, едва переступаешь порог удивительного этого дома.

Как и тогда, стоит он в глубине небольшого тенистого парка в кругу говорливых берез, коряво-огненных к осени рябин, сине-зеленых в любую пору елей и высоких сосен, которые утром и на закате светят теплым отблеском старинной меди. Ветер с моря осыпает листья и хвою на заросшие вереском кочки, одетые плотным,

как плющ, ярко-зеленым мхом. Мох мягок и шелковист на ощупь, и когда проведешь ладонью, кажется, коснулся теплой и чистой спины лошади... В обилие парка, сада, а может быть, лесом вернее будет его называть, нет нарочитой ухоженности или старательной прилаженности, чего не терпел художник в искусстве, потому и здесь чувствуется широкий взмах репинской кисти. Небольшие вокруг дома озера Репин копал сам и с такой живописной свободой и естественностью линий, что кажутся они созданными природой. А художник повторил неуловимые очертания лесных озер, какими изобилует окрест этот край.

Озера лежат за сухими песчаными гривами, плотно закрытые лесом, отчего и в ветреный день небо отражается в них с незамутненной ясностью, а изгибы бегущих облаков с тонкими полудтонами белого читаются, как в чистом, до блеска протертом зеркале, и только штормовой порыв, чудом пробившись сквозь зеленый заслон леса, пустит по нему легким веером сразу исчезающий след.

Ветры идут с моря. Прохладный запах свежести перемешивается с густым настоем сосен, с тонким и терпким ароматом сырых ракушек на берегу. Выгнутый пологий песчаный берег с гладкими округлостями влажных камней и сидящими на них розовыми на закате чайками на русский лад называл Репин «золотым яром». Любил он писать здесь, когда ветер от Кронштадта подхватывал длинную зеленато-опаловую волну, перекачивал на просторе в ослепительном блеске отраженного солнца и, разгоняя, гнал к берегу. Коснувшись берега, волна теряла зелень и блеск, опадала, как в изнеможении после быстрого бега, и, пенаясь, с тихим шелестом уходила в сырой песок, оставляя легкие клочки пены на тонких ножках вздрагивающего на ветру этюдника. Здесь писал старый мастер удивитель-

но молодую, полную раскованной радости картину «Какой простор!»...

Но вот переменился ветер, отхлынуло море, обнажило влажные, до блеска отшлифованные камни, и согретое памятью воображение зовет дружную — живую картину с удивительно знакомой фигурой...

И в просторе взморья человек этот кажется огромным. Он широко шагает с камня на камень; тяжелые «американские» башмаки отпечатывают рельефный след на розовой поверхности базальтовых глыб. С потухшей папиросой, закушенной в углу крупного рта, отрывистым баском, весомо, зримо произносит он слова, и кажется, набегающие на берег волны приравниваются к рубленому ритму его шага и голоса. Удивленным дачникам невдомек, конечно, что огромный этот юноша сочиняет стихи.

Невдомек им было, что среди прочих гостей приехал в этот день в «Пенаты» еще не признанный, но уже всколыхнувший вздремнувшую было российскую словесность Владимир Маяковский. Гости же знали, что принадлежит он к буйному племени футуристов, которых хозяин «Пенатов» называл «футурней». Сам же он был крепкой передвигачической закованности, рвниво оберегал в искусствах ясную строгость форм, потому и прослезился, когда другой юноша, с льняными волосами и светлым взглядом ясных синих глаз, читал в этом доме изумительной свежести, чистой «русскости» певучие стихи о полях, закатах и синих рязанских далах... Эта же встреча с живым футуристом мирного исхода никак не предвещала. Хотя и гостеприимен, деликатен был Илья Ефимович Репин, но за свои убеждения постоять умел крепко.

Боя, к которому и художник и поэт были готовы, ждуть вечером в гостиную притихшие гости. При свете ламп фигура поэта, отбрасывающая огромную тень на стены, увешанные классиче-

Повесть Ирины Стрелковой «Чет и нечет» поднимает большие социальные и нравственные проблемы. Она написана на высоком профессиональном уровне и радует оптимизмом.

Вера МОРОЗОВА

Дни нашей жизни

Человек в критической ситуации, решается вопрос жизни и смерти... Эта коллизия — одна из основных в произведениях Валерия Поволева, вошедших в его сборник «Семеро отцов» («Современник», 1976 г.). Захватывающе? Очень. Но это не детективы, не научная фантастика, не военные рассказы, хотя в них есть та предельная напряженность сюжета, которая отличает эти жанры и привлекает к ним самые широкие круги читателей. Произведения Валерия Поволева посвящены будням наших современников. Место действия рассказов — тундра, деревня средней полосы России, сибирская река, таежный тракт. Но автор стремится рас-

крыть не столько созидательную силу каждодневного труда, сколько то сложное, предельное состояние человеческого духа, когда перед ним возникает необходимость выбора между жизнью и смертью, правдой и ложью.

«День как день» в жизни ремесленного училища, из которого уже не в первый раз бежит непокорный Ража. «День как день» на сибирском тракте, по которому тяжело и настойчиво ползут КраЗы, чтобы вовремя доставить оборудование на нефтеразработку... В один такой прекрасный день человек вдруг сам решает свою судьбу. Этот день становится решающим в его жизни.

Повесть «Перегон». Долгий опасный путь в пургу через коварную тундру... Командир АН-2 Костюков должен преодолеть его на своем потерпевшем аварии самолете, который можно доставить в ближайший аэропорт только на лыжах. Костюков едет один, без второго пилота, хотя от этого опасность возрастает. Но Костюков выбирает именно это, потому что за смерть Сани ему будет труднее ответить, а следовательно, жить будет труднее. Борьба за жизнь — это не просто борьба за выживание. Костюков делает именно то, что нужно ему, так как, сохраняя свою жизнь, необходимо еще и сохранить за собой право называться человеком.

Проза Валерия Поволева отличается точностью и краткостью изображения самых разнообразнейших явлений окружающего мира, будь то спуск в

провал ледника, или залитая солнцем белая тундра, или стая волков в ожидании добычи.

Сборник Валерия Поволева откроет читателю много интересных и значительных сторон нашего бытия. Познавательная и воспитательная роль этой книги несомненна.

Мария БОГДАНОВА

ПОЭЗИЯ

«Дружбе вековой я гимн пою!..»

Немалую творческую смелость проявил народный поэт Узбекской ССР и Каракалпакской АССР Тлеуберген Жумамуратов, создав роман в стихах «Красавица Макарья» — о вековых дружеских связях русского и каракалпакского народов (изд-во «Каракалпакстан»,

1975 г.). У кого в наше время хватит терпения читать роман в стихах, засомневается, быть может, скептик. Засомневается и, думается, ошибется. Острый сюжет с неожиданными, но всегда логически обоснованными поворотами понуждает читателя в конце каждой главы задаваться вопросом: что же дальше случится с героями, какие новые трудности встанут на пути русского юноши и каракалпакской красавицы Макарьи?

Продолжая традиции народных сказителей, автор рассказывает, как косность и бездушная расчетливость встали на дороге к счастью у юной, трепетной любви. Стойкость героев романа в сложнейших жизненных ситуациях служит примером самоотверженности и верности.

Но не только стремление рассказать о перипетиях любовной истории побудило поэта взяться за перо. Задача автора масштабной и важной. Сам Т. Жумамуратов сформулировал ее так: «Нашей дружбе вековой я гимн пою!» О боевом товариществе русских и каракалпакцев, отражавших плечом к плечу посягательства недругов, о торговых и дружеских связях наших народов свидетельствуют русские летописи и более поздние исторические документы. В самые тяжелые времена каракалпакцы обращались за помощью к великому северному соседу. «Народная память! Помнит доброе она!» — справедливо утверждает поэт.

Изучение документов и богатейшего фольклорного наследия помогло Т. Жумамуратову

воссоздать в романе психологически верную атмосферу давних времен, когда укреплялось братство наших народов, что придает всему роману актуальное звучание.

Тепло и сочувственно показывает Т. Жумамуратов нелегкую жизнь кочевого народа. Бесстрашный Аяз, юный Баки, женственная Карлыгаш — они помогают нам лучше понять, что на протяжении многих веков питало силы каракалпакцев. «Народ страдал. И виделись ему чудовищным драконом силы зла». И символично, что победить «чудовищного дракона» джигиту Аязу помогает русский богатырь Парамон.

Современные поэты редко, к сожалению, пытаются творчески переосмыслить фольклорное наследие. Уже хотя бы поэтому опыт Т. Жумамуратова, создавшего самобытное произведение по мотивам народных сказаний, заслуживает внимания и изучения. Не подражание безвестным мастерам поэтического слова минувших веков, но продолжение и развитие традиций создания многопланового и сложного по построению художественного полотна — вот что отличает новую работу поэта, отметившего недавно шестидесятилетие. И, думается, к сказанному необходимо добавить доброе слово об уважительной, творческой работе над переводом «Красавицы Макарьи» на русский язык московского поэта Аркадия Канькина, бережно сохранившего дух и букву оригинала.

Людмила КИСЛОВА

ской живописью, на слепок Венеры Милосской, кажется особенно воинственной. И когда в тишине, словно прислушиваясь к ней, хрипло бьют старинные шварцвальдские часы с кукушкой, молодой бас перекрывает все возможные в этом доме звуки:

*В терновом венце революций
глядит шестнадцатый год!..*

Должно быть, самым подвижным в эти мгновения было гипсовое лицо греческой статуи; все застыли в ожидании взрыва. И взрыв последовал.

— Bravo! Bravo! — вскричал Репин, влюбленно глядя на Маяковского. — Еще! Пожалуйста, еще!

Маяковский дочитывает поэму до конца. Читает другие стихи. Им не нашлось пока издателя, но, переполненный новой, ошеломившей его поэзией, открыто восхищаясь ее мощью и темпераментом, Репин, к удивлению всех присутствующих, сравнивает молодого поэта с великим и нежно любимым им Мусоргским!..

Запомнившие это событие по-разному объясняют неожиданный его исход: одни — хорошим настроением Репина, другие — повышенной эмоциональностью, ему свойственной. Но, взяв во внимание сказанное, позволим, однако, добавить к этому еще одну немаловажную, как нам кажется, деталь — искусство самого Репина, которое по внутренней своей сути, несмотря на традиционную классичность форм, всегда было бурным и пламенным. Не это ли пленило старого мастера и в новой, такой хлесткой поэзии молодого бунтаря?!

— Ну какой вы к черту футурист! — говорил он ласково Маяковскому. — Вы же матерый реалист! Я должен писать ваш портрет.

В устах Репина было это высшим расположением к человеку: он любил писать тех, кого любил. Такими людьми любовался Репин страстно, с не-

скрываемым наслаждением. Бывало, прикатит в «Пенаты» на велосипеде молодой Куприн, сидит тихо в дальнем уголке гостиной и, глядя умными, чуть раскосыми глазами, слушает маститых. Тут Горький, впервые читающий пьесу «Дети солнца», величественный, похожий на библейского пророка Стасов, красавица и умница Мария Федоровна Андреева, именитые художники, ученые с мировой славой, а Репин, прищурившись по обыкновению, сверкая быстрыми молодыми глазами, с обожанием смотрит на тишайшего Куприна. Кажется он художнику похожим на молодого Вахха: «Какая силища, какая мускулатура! Такие формы бицепсов и дельт не спрятать под рубашкой!» И будущая модель уже видится ему на холсте.

Бывало, не выдерживал он этого внутреннего напора, извинившись перед гостями, тащил модель в мастерскую и тут же принимался писать.

Об удивительном этом явлении оставлено современниками множество свидетельств. Удивительном — потому что процесс, который числим мы по традиции великим таинством, становится открытием для всех, кому повезло видеть Репина в мастерской во время работы. Здесь был весь мастер — с его страстностью, темпераментом, какой-то особенной, ему одному свойственной любовью к натуре, к пластическому ее воплощению. Слово шагу из ножен, выхватывал он кисть. И кисти у него были единственные в своем роде, «репинские» — широкие, щетинные, на длинных аршинных черенках. Палитра лежала на полу, он придерживал ее ногой, когда нагибался, чтобы взять краску. Краски смешивал, не глядя на них, точно знал палитру наизусть, как музыкант клавиатуру. Как в барабан, ударял он кистью в свой «репинский» крупнозернистый холст, и, как барабан в оркестре, холст гудел от этого страстного, темпераментного напора.

Стремительный фейерверк мастерства поражал еще и потому, что с первого сеанса, в подмалевке, был точно схвачен характер...

Так рождалась в «Пенатах» галерея знаменитых репинских портретов — Горький, Серов, Леонид Андреев, Короленко, академик Павлов, Бехтерев... И все же глубоко заблуждалась те, кто, будучи свидетелем подобных сеансов, полагал, что легкость, кажущийся браваурным артистизм даны мастеру «милостью божьей». Единственное, пожалуй, что таила от постороннего взгляда открытая репинская натура, был каждодневный тяжкий труд. Несмотря на неизбывный свой оптимизм, Репин говорил, что прикован к искусству, как каторжник к тачке. Только из случайных обмолвок в интимной переписке знаем мы, какой ценой давалось искусство этому художнику. Случалось, работал он до обмороков. Месяцы, годы, бывало, и десятилетия, писал над одним замыслом: писал, переписывал, бросал, чтобы снова начать...

В одну из зим, когда все в «Пенатах» пронизано ослепительным, будто граненым хрустальным светом, приехал к Репину Федор Иванович Шалапин.

Любил Репин великого артиста безмерно, знакомство их было давним, а о модели своей знал он, кажется, все, что нужно, чтобы постичь глубину образа. Острым глазом художника отметил «горделивую осанку, жесты и поступь вельможи екатерининских времен», которыми так естественно владел «этот пролетарий, сын казанского сапожника». Быть может, никогда еще не был мастер так подготовлен к портрету...

Неделю, по многу часов ежедневно, позировал Шалапин. Несколько раз менял Репин композицию, искал единственную; снова и снова прописывал фигуру, фон, добивался внутреннего сходства, но соскребал написанное и опять писал. Почти год дораба-

тывал портрет после отъезда Шалапина; в белые ночи работал до утренних зорь. Кажется, закончил, но доволен не был, и только поддавшись уговорам (что случилось с ним крайне редко), отослал на выставку... и забрал в мастерскую. Еще два года труда, тяжелого, до изнеможения. А однажды утром поднялся в мастерскую... и записал холст другим сюжетом.

Горькая, невосполнимая потеря для русского искусства, но как точно и ярко говорит это о бескомпромиссной взыскательности мастера! И, перебирая теперь в памяти «пенатские» годы Репина, мы так близко, словно вплотную, приближаемся к повседневной его жизни и творчеству, что можем видеть и то, чего никогда не увидели бы в музеях один на один перед его картинами. Не тем ли и дороги нам «пенаты» великих творцов русской культуры?..

Вполне возможно, что при такой колоссальной и всепоглощающей работе, обилии оставленного от «пенатских» лет художественного наследия может сложиться впечатление, что вся жизнь Репина здесь заполнена была исключительно живописью. Но при всей убедительности подобных примеров — а к этому разряду придется отнести едва ли не каждую большую работу мастера — это будет одностороннее впечатление. Личность Репина, его темперамент и убеждения не могли вместиться в границы одного только искусства. Это обстоятельство определяло жизнь художника и весь быт в «Пенатах».

Став домом, известным всей России, «Пенаты» никогда не походили на барскую усадьбу. Не потому только, что рожден был хозяин в семье малограмотного военного поселенца, учился на медные деньги, а демократические его убеждения произросли на почве народной. В силу глубоко личных качеств, став и всемирно известным художником, не мог Репин оста-

ПОБЕРЕЖЬЕ ФИНСКОГО ЗАЛИВА.

ваться наблюдателем и, хотя и блестящим, но только выразителем жизни народа. Практическая философия, духовные его стремления простирались дальше служения искусству. Потому и дом этот, будучи святилищем Аполлона, столь же действенно выполнял и другую миссию — народного университета.

Народным университетом называли «Пенаты» без тени иронии. Лекции для народа читали здесь блистательные представители русской науки и культуры. Впрочем, трудно назвать лекциями в строгом смысле доверительные беседы и жаркие диспуты, в результате которых знания усваивались слушателями как опыт собственной жизни. Аудитория, состоявшая из крестьян, мастеровых, железнодорожных рабочих, постигала здесь основы экономики, научного ведения сельского хозяйства, литературы, искусства. Можно представить, каков был и общественный характер лекций, если песни, бурные, страстные речи, переходившие — особенно в предреволюционные годы — в стихийные митинги, заключали обычно эти «воскресные чтения». Рассказывают, что донесения местного исправника, добросовестно составляемые по долгу службы, минуя губернскую субординацию, шли прямо в Петербург. А когда «в терновом венке революции» грянул год, предреволюционный поэт в этом доме, в «Пенаты» он пришел ожидаемым праздником. «Слава! Слава! — писал Репин. — Русский народ удивил весь мир... Дай бог быть достойным и удержать то, что добыто народом!»

Здесь, на этой поро, должны мы раскрыть другую, трагическую, страницу репинской жизни. Да и как, если не трагедией, назвать то, что человек, всегда к сердцу принимавший судьбы России, чувствующий и переживавший народную жизнь, как свою собственную, оказался оторванным от народа и Родины в их судьбоносные дни? Но, оказавшись за чертой тогдашней границы, этот русский человек не разделил участи многих, не стал озлобленным эмигрантом, несмотря даже на более чем решительное настроенное окружение. Стоит перечитать репинские письма последних лет, чтобы понять, глубоко почувствовать, что все эти годы, несмотря на европейскую и мировую славу, художник жил только мыслями о России. Старый этот человек не мог, по свидетельству очевидцев, скрыть переполнявшей его радости, когда слушал московское радио или получал письма из Москвы. Но так же не скрывал он горькой своей тоски, иногда до слез, читая и по многу раз перечитывая письма близких друзей, оказавшихся, как и он, не на Родине. «Тоска здесь, — писал ему Куприн. — Знаете ли, чего мне не хватает? Это двух-трех минут разговора с половым из Любимовского уезда, с зарайским извозчиком, с тульским банщиком, с володимирским плотни-

ЭТИ СТУПЕНИ ПОМНЯТ ШАГИ МАСТЕРА...

В КАБИНЕТЕ ХУДОЖНИКА.

ЗДЕСЬ, В ЛЕТНЕЙ СТУДИИ, БЫВАЛИ МНОГИЕ ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННИКИ РЕПИНА.

НА ЭТОМ БЕРЕГУ ПИСАЛ РЕПИН КАРТИНУ «КАКОЙ ПРОСТОР!».

ком, с мищевским каменщиком. Я изнемогаю без русского языка!..»
До боли, до сердечного волнения тяжело читать эти негромкие, но исполненные щемящей тоски и неизбывной горечи слова одного русского к другому. Что чувствовал Репин, читая эти строки, постигаешь с пронзительной остротой, глядя на автопортрет, написанный в «Пенатах» в те годы. Стоит только вспомнить автопортреты прежних лет, чтобы увидеть в этом трагизм одиночества.

А кроме работы, не было и не могло быть для него иного средства превозмочь страшную эту болезнь. Ничего, кроме служения русскому искусству, которому он отдавал себя свято и истово многие десятилетия и не изменил до последнего дня.

Отныне работа была для него обречением Родины. Только теперь каждый день у мольберта равен подвигу. Правая рука не повиновалась художнику — он писал левой; не было сил держать палитру — он привязывал ее ремнями к поясу. Казалось бы, что может быть для мастера страшнее физической немощи, но волей и преданностью искусству он побеждал этот недуг.

В мыслях все чаще обращался Репин к Волге, к русским просторам, к истории Отечества своего. Совершив

ГОДАМИ СОБИРАЛ ХУДОЖНИК МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СВОИХ ПОЛОТЕН.

за долгую жизнь гигантский труд во имя России, к концу понял он, что не сказал о ней всего, что мог и должен был сказать. Это невысказанное давало, казалось, силы теперь, просилось на огромный приготовленный в мастерской холст. «Признаюсь вам, что я опять взялся за Запорожье!» — пишет он старинному другу, когда задумал и начал лебединую свою песню — «Гопак». Должны были в ней, по замыслу художника, выплеснуться бурным потоком непобедимые жизненные силы народа, неизбывный его оптимизм, вся мощь России — той России, которую «бык не сжует и собаки не сожрут!»...

Писал он с тем упоением страсти, которое в прежние годы только ему и было по плечу. Но, творя этот труд в полном напряжении духовных и физических сил, чувствовал мастер не «тяжесть лет преклонных», а то, над чем не властны ни воля, ни любовь. Чувствовал, что «надо... окунуться в светлые воды Днепра, пронестись через шумные, грозные пороги стрелой, потом пройти пешком до Сечи, упасть и поклониться матери Сечи до земли. Только после того можно писать картину не холодеющей и слабой, а сильной и уверенной рукой...»

Только после того, как окунешься в воды живительного ключа, зовущегося народной жизнью...

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ

В годы Великой Отечественной войны я служил в Кронштадте и был свидетелем множества героических поступков, совершенных моряками-балтийцами. Расскажу о нескольких боевых эпизодах.

ЦЕНОЮ ЖИЗНИ

Это произошло в конце августа 1944 года на Ладого. Караван грузовых судов, везущих снаряды и продовольствие для защитников Ленинграда, атаковали девять фашистских истребителей.

Моряки самоотверженно отбивались. Однако силы были неравными. Чувствуя свое превосходство, фашистские летчики усилили натиск. И вдруг неожиданно к советским морякам пришла помощь. В азарте боя никто не обратил внимания на маленький тендер, шедший встречным курсом.

Экипаж тендера — комсомольцы Владимир Малафеевский и Александр Гребешков понимали, что помощь их невелика, ведь фашисты имели десятикратное превосходство в вооружении, но тем не менее вступили в бой и принялись расстреливать фашистских стервятников из пулемета. Тогда все девять истребителей набросились на крохотный и почти беззащитный тендер, у штурвала которого стоял отважный комсомолец, старшина 2-й статьи Володя Малафеевский.

При очередной атаке две пули прошли грудь Гребешкова, осколок попал в голову Володе Малафеевскому, его лицо заливала кровь. Но Володя продолжал управлять тендером. Корабль маневрировал, уходя от огня фашистских летчиков. Тут случилось непоправимое. Осколок снаряда перебил стартерную кнопку, и катер вышел из строя. Управлять кораблем, получившим более ста пробоин, стало невозможно. До последней минуты комсомолец стоял у руля.

И стойкость моряков победила. Израсходовав весь боезапас, самолеты противника улетели, и караван с хлебом и снарядами благополучно прибыл в порт назначения.

ТОРПЕДЫ ИДУТ В ЦЕЛЬ

В предполагаемой точке кораблей противника не оказалось. Подойдя ближе к береговой кромке Данцигской бухты, гвардии старший лейтенант летчик Петр Чистяков увидел, что в один из домов под красной черепичной крышей вбежала группа фашистских солдат. Он снизился и ударил из пулемета по крыше. Дом вспыхнул. На сердце стало легче. Но где же все-таки корабли? И Чистяков продолжил поиски.

Наконец он нашел их: 2 легких крейсера, 16 транспортов, 12 сторожевых кораблей, 4 эсминец, конвой из кораблей охранения и еще 2 сторожевика.

Черная громадина транспорта отчетливо выделялась на фоне бушующего моря. Высота торпедоносца мгновенно падала. Чистяков даже прочел на борту транспорта: «Порт приписки Бремен».

Залп.

Серебристое тело торпеды несет к неприятельскому кораблю. Чистяков ясно видит боковую часть палубы, черное отверстие трюма, якорные лебедки. По палубе мечутся ошалевшие фашисты. Сильный взрыв потряс воздух, над транспортом взметнулся столб желтого огня. Еще взрыв, и все кончено. Там, где был фашистский транспорт, бушевало море. Это был всего второй бой комсомольца Чистякова.

ЕГО ИМЯ БЕССМЕРТНО

В 10 часов 4 августа 1941 года, с последними ударами корабельных склянок над большим Таллинским рейдом, над островами Нарген и Вульф поплыла мелодия «Интернационала» — сводный отряд балтийских моряков с лидера «Минск» и других кораблей уходил воевать на сухопутный фронт, защищать главную базу Краснознаменного Балтийского флота, находящуюся тогда в Таллине.

Время отодвигает от нас Великую Отечественную войну все дальше. Но нет такой силы, которая могла бы стереть в нашей памяти события тех лет. Никогда не забудутся подвиги известных и неизвестных героев, проливших кровь в борьбе с фашизмом.

Выполняя просьбу читателей «Смены», мы публикуем несколько писем, рассказывающих о мужестве комсомольцев в годы войны. Их авторы — бывшие фронтовики, комсомольцы сороковых годов, люди, прошедшие через все испытания Великой Отечественной и сохранившие в сердце своем память о сверстниках, вернувшихся и не вернувшихся с поля боя.

Упорные бои шли недалеко от города. Гитлеровцы бросили против балтийцев и бойцов Эстонского истребительного батальона танки и самоходные орудия. Моряки заняли оборону у хутора Харку.

В ночь на 19 августа 1941 года торпедному электрису с лидера «Минск» Евгению Никонову с матросами Ермаченковым и Антохиным было приказано идти в разведку.

Матросы отряда не спали, дожидаясь возвращения разведчиков. Вдруг издали донесся приглушенный крик:

— Товарищи, отомстите! Бейте фашистских гадов!

Балтийцы и бойцы эстонского рабочего батальона бросились туда, откуда прозвучал голос. Фашистских часовых сняли без единого выстрела — ножами. Первыми ворвались на хутор Харку моряки. Оставшихся врагов добились прикладами и штывками.

Когда ветер с моря развеял дым, моряки увидели

СИЛЬНЫ

страшную картину: на дереве висел человек с обуглившимися ногами. Моряки узнали в нем комсомольца Евгения Александровича Никонова.

Внизу догорал огромный костер.

Героя бережно опустили на землю. Он был уже мертв.

Над могилой Никонова моряки дали суровую клятву — беспощадно мстить фашистским палачам за смерть своего боевого друга. Как боевое знамя, с честью пронесли моряки «Минска» имя отважного комсомольца через всю войну.

Родина не забыла подвиг Евгения Никонова. 9 августа 1957 года останки героя с хутора Харку были перенесены на гору Маарь-ямяги. Сюда же было пересажено и дерево, под которым фашистские палачи казнили Евгения Никонова.

Владимир ВИРЧИК,
лейтенант запаса, штурман

БАТАРЕЙЦЫ

Недавно мне на глаза попался мартовский номер журнала «Смена» за 1944 год. С листа смотрели хорошо знакомые лица боевых товарищей. В памяти воскресли события теперь уже далекой зимы 1943 года, мои друзья — артиллеристы первой батареи 731-го истребительно-противотанкового дивизиона...

Осенью того года соединения 3-й Ударной армии внезапным ударом выбили фашистов из старинного русского города Невеля. Продолжая наступление на запад, они сделали «вмятину» в линии фронта. Постепенно безобидная на вид «вмятина» превратилась в узкий и длинный мешок с еще более узким «горлом». Этот мешок на языке армейских острологов получил название невелинского «аппендицита».

Третий день шло наступление, а 1-я батарея 731-го иптада еще не участвовала в боях. Это были артиллерийский резерв, охраняющий левый фланг и тыловые коммуникации танкового корпуса.

Батарея старшего лейтенанта Василия Мазеева

заяла огневые позиции по обеим сторонам деревни Халявки, контролируя не только развилку дорог и подходы к ней со стороны противника, но и сам большак на значительном расстоянии.

Пушки были приведены в боевую готовность: расчехлены, поддомкрачены, закреплены клиньями. В открытых ящиках лежали, тускло поблескивая маслом, снаряды. А из сараев, что стояли рядом с огневыми позициями, раздавался веселый перезвон котелков и ложек: расчеты завтракали. Командир огневого взвода Камиль Юмагузин стоял на орудийной платформе, внимательно глядя в даль, и машинально помешивал ложкой в котелке.

Вдруг послышался отдаленный гул моторов.

— Идут!

Все сорвались со своих мест. Задвигались жерла орудий, высккивая цели. Где-то впереди злобно твкнули «сорокапятки», раздался автоматные очереди, завел свою скороговорку станковый пулемет. Потом на несколько минут все смолкло.

На гребень большого холма выползла голова колонны.

— Что видите в прицел, Перминов? — спросил Юмагузин у наводчика 3-го орудия.

— В голове колонны танки, бронетранспортеры, автомашины.

Дальше было пока трудно разобрать: машины, повозки, сотни людей в ненавистной серо-зеленой форме.

— Похоже на психическую атаку, — проговорил подошедший комбат.

Бронированная голова колонны выползла из роци и устремилась к развилке дорог.

— По головному танку бронейными...

И в ту же секунду стальными челюстями клацнул затвор, проглотив почти пудовый снаряд.

— Прицел 00, вправо полтанка...

— Готово, — докладывает заряжающий Забелин.

— Огонь! — кричит командир орудия Богомолов. — Откат нормальный!

— Правее 002!

И вновь клацают челюсти затвора, а у орудия со следующим снарядом уже застыл 5-й номер — рядовой Кучеренко...

Вспыхнул танк, на дороге образовалась пробка. Голова колонны остановилась, напорившись на препятствие. Задние напирали, сворачивали в стороны, растекались по полю, другие повернули назад, в спасительную рошу.

— По пехоте, осколочным... батареей, — команду-ет Василий Мазеев.

— Десять снарядов, беглый огонь!

Один, второй, третий... десятый выстрелы. Огонь переносится на новые цели, стреляют одновременно все орудия батареи, посылая во врага осколочные, фугасные снаряды, чередуя их с гранатами, рвущимися над головами врага.

Сквозь бешеный ритм стрельбы доносится хлопание «сорокапятки». Вдруг к этим игрушечным хлопкам добавилось завывание мин и снарядов гитлеровцев. Они пришли в себя, установили орудия и минометы и теперь пытались нащупать пушки батареи. Замолкли навсегда подавленные огнем «сорокапятки», отходят остатки расчетов, а вместе с ними и отдельные уцелевшие бойцы роты ПТР.

А фашистские танки и бронетранспортеры все продолжают приближаться к развилке дорог. Еще немного, и они, выйдя на большак, перережут его.

Вдруг из-за кустов, точно из-под земли, вырвались немецкие кавалеристы. Батарейцы, словно это было делом обычным, подпустили их на близкое расстояние и в упор открыли огонь. После первого же залпа образовалась гора из человеческих и лошадиных трупов.

Остальные повернули обратно. А слева на батарею уже шли автоматчики.

— Осколочными по пехоте!..

— Нет осколочных. Кончились дистанционные гранаты. Остались лишь бронейными и подкалиберными, но и они на исходе, — докладывает подносчик. Ни бронейными, ни подкалиберными снарядами

не разрываются — стрелять ими по пехоте бессмысленно, но другого выхода нет.

— Бронбойным! — командует младший лейтенант. И кричит, чтобы кто-нибудь бежал за снарядами. Пушки стреляют бронбойными, а фашисты, в свою очередь, засыпают артиллеристов ливнем автоматного огня.

Через несколько минут справа от реки в атаку пошла еще одна группа немцев, поддержанная огнем танков. И пока орудие Михаила Першукова с наводчиком Буянкиным расправлялось с танками, пока был уничтожен «тигр» на левом фланге, немцы подползли близко к деревне. Страшен был этот последний натиск гитлеровцев. Они, не считаясь с потерями, лезли под огонь наших орудий и пулеметов.

Бой кончился так же внезапно, как и начался. Стало ясно, что стрелять уже не в кого. И в доказательство артиллеристы «сорокапятки» подвезли большую группу пленных.

— Построить! — приказывает комбат.

Так окончился последний бой на невеликом «аппендиците». Свыше тысячи солдат было уничтожено батарейцами, около двухсот сдались в плен. И все это за три часа.

Эту давнюю историю я и вспомнил, когда раскрыл пожелтевший журнал «Смена» с фотографией командира батареи, старшего лейтенанта Василия Мазенина и командира огневого взвода, младшего лейтенанта Камиля Юмагузина.

Бой, о котором я рассказал, произошел накануне 1944 года.

Были и другие бои. Много боев. Командир орудия Михаил Богомолов потерял в Латвии ноги, в одном из боев погиб неунывающий силач Кучеренко; вместе с орудием, чтобы не сдаться в плен, взорвал себя старший сержант Михаил Першуков. Недалеко от Риги погиб командир батареи старший лейтенант Мазенин.

укрыл собой. Мне было темно и душно, а потом стало еще и нестерпимо тяжело. Кое-как я выкарабкалась на свет, но «разбудить» дядю не смогла.

Поезд уже уходил, набирая скорость. Между ним и мной лежала степь. Огромная и плоская, она занимала весь мир. Рыжие, колючие травы казались непроходимой чащей, они цеплялись за ноги, мешая бежать, и от этого хотелось плакать...

Тридцать лет подряд может ли сниться одно и то же?!

А. ПУГАЧЕВА

Ленинград

ЗА «ЯЗЫКОМ»

Памятен мне один разведпоиск. Было это в 1944 году. Войска 3-го Украинского фронта готовили Яско-Кишиневскую операцию. Наша 333-я стрелковая дивизия занимала оборону на Копанском плацдарме, южнее Бендер. Противник находился на более выгодной позиции, заранее подготовленной в огневом и инженерном отношении. Перед передним краем у него были минные поля, завалы и проволочные заграждения со всевозможными «сюрпризами». На правом фланге нашей дивизии лежало густо заросшее камышом озеро Ботню. Командование решило послать разведгруппу в тактическую глубину обороны противника через это озеро. Требовались смелые, бывалые разведчики.

Узнав об этом, Фатых Динеев, опытный, обстрелянный боец, предложил командиру свою кандидатуру. Ему поручили подобрать группу; он назвал четырех разведчиков, с которыми не раз ходил в поиск. — Косарева, Колотова, Лушников, Колесникова. Учитывая важность и трудность задачи, командиром группы назначили лейтенанта Казбека. Командование настойчиво требовало «языка».

Два дня группа вела подготовку: продумали вооружение, одежду группы.

Утром, на второй день, мы услышали в тылу немцев стрельбу, догадывались, что это связано с действием группы, но помочь ничем не могли. Они вернулись только на четвертый день и привели с собой ценнейшего «языка» — пленный был офицером связи. Разведчики рассказали, как проходил этот поиск.

В озере немцы выкосили полосу камыша шириной до 50 метров, установили проволочное заграждение. Полоса освещалась ракетами, а вдоль нее патрулировали лодки.

Заграждение пришлось преодолевать, подныривая под него. Один из разведчиков зацепился мешком за проволоку, в нем было продовольствие и табак на всю группу. Мешок пришлось оставить. На рассвете группа вышла западнее поселка Плоп-Штубей и организовала наблюдение. Вдоль берега шла дорога. Вдруг показался мотоцикл с пассажиром в коляске. Очередью из автомата убили мотоциклиста, а седока старшина Динеев и разведчик Колотов затащили в озеро.

Вскоре на дороге показалась машина с гитлеровцами. Командир группы лейтенант Казбек принял правильное решение — отходить по озеру не в сторону нашей обороны, а дальше, в тыл противника. Увидев убитого мотоциклиста, немцы открыли по озеру огонь. Эту стрельбу мы и слышали.

Отойдя в тыл, группа тщательно замаскировалась — двигаться днем было опасно. С наступлением темноты разведчики вышли к полосе. Но она уже патрулировалась тремя лодками и непрерывно освещалась ракетами. Снова пришлось отойти в тыл. Немцы понимали, что разведчики где-то в районе озера. С обоих берегов велась интенсивная стрельба по камышам. Днем над озером долго кружил немецкий самолет-разведчик. Стоять долго на одном месте в озере было нельзя, ноги вязли в илстом дне.

Еще одну ночь и день без продовольствия разведчики провели в озере. На рассвете четвертого дня группа возвратилась. Немец оказался хилым, его пришлось нести на руках.

Уже в своей траншее, жадно кура папиросу за папиросой, Ф. Динеев весело заявил: «То, что не было продовольствия, — ерунда, вот без курева было трудно».

В Болгарии, когда подводили итоги Яско-Кишиневской операции, разведчику старшине Ф. Динееву был вручен третий орден Славы и присвоено звание младшего лейтенанта.

Василий БАРАНОВ,
бывший начальник разведки
333-й стрелковой дивизии,
гвардии майор в отставке

е дужом

Другие прошли всю войну. Она окончилась, но еще много лет мирный труд советских людей охранял Камиль Мугаттарович Юмагузин. Уволился он в запас по болезни в звании майора. В городе Балакове продолжает трудиться инвалид 1-й группы Михаил Петрович Богомолов. Батарейцы не теряют между собой связи, и не проходит года, чтобы не встретились они друг с другом и не вспомнили былое.

Виктор КИРСАНОВ,
ветеран Великой Отечественной войны

ОСЕНЬ СОРОК ВТОРОГО

Мне часто снится степь. Огромная и плоская, она занимает весь мир. Рыжие колючие травы кажутся непроходимой чащей, они цепляются за ноги, мешая бежать... Я просыпаюсь и боюсь уснуть, чтобы не пришлось возвращаться в ту осень сорок второго, в ту огромную и жестокую волжскую степь...

Поезд увозил нас на восток. Мы ехали в товарняке с узкими зарешеченными окнами, свет из которых почти не попадал на нижние нары. В вагоне было несколько офицерских семей, беженцев с самой границы, и солдаты. Военскую часть отправляли на переформирование, в тыл.

Часто раздавался крик: «Самолеты!» Поезд останавливался. Мы прыгали под откос. Когда мы с мамой убегали, то новорожденного моего брата, завернув в полушубок (вместо пеленок), запихивали под нары, а вернувшись в вагон, бросались искать полузадохнувшегося ребенка. Мама сама, по сути, была еще ребенком, росту в ней — полтора метра, а потому взять нас обеих она не могла. Теперь, став матерью сама, я могу себе представить, каково было ей делать этот немислимый выбор: кого из детей спасать.

Фашистский летчик вел свою машину низко-низко, расстреливая людей из пулемета, а когда улетал, пассажиры подбирали оставшихся в живых...

И еще помню, как однажды мама схватила брата, а меня сунул под свою шинель какой-то солдат. Мы куда-то бежали, и он упал в высокую траву, и меня

Рисунок Владимира ДЕЛБЫ

Николай Бестужев, безусловно, не раз писал Нонушку Муравьеву, единственную выжившую из родившихся в Сибири трех дочерей Никиты Михайловича и Александры Григорьевны. После кончины матери 22 ноября 1832 года, когда Нонушке исполнилось всего три с половиной года, узники Петровской тюрьмы стали относиться к сироте с особенной нежностью. А так как и от ее бабушки и от петербургских родственников поступали к Н. М. Муравьеву многочисленные просьбы прислать портрет Нонушки, то Бестужев не мог не откликнуться на них.

Написав в 1833 году для подарка Муравьеву общий вид Петровского завода, Бестужев на этом пейзажном листе изобразил рядом с собой его и Нонушку.

Созданные Бестужевым портреты Нонушки (Софьи Никитичны Муравьевой, по мужу Бибиковой) могли в дальнейшем храниться и у нее — последние десятилетия своей

АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВНА МУРАВЬЕВА.

НОНУШКА МУРАВЬЕВА.

(Публикуется впервые).

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

Далекое-близкое

Акваrelloвая повесть

НИКОЛАЯ БЕСТУЖЕВА

жизни она прожила в Москве, в собственном доме на Малой Дмитровке (ныне дом № 21). Ее внучка вспоминала: «Дом бабушки Софьи Никитичны Бибиковой был настоящим музеем». Умерла она в 1892 году. Куда разошлось принадлежавшее ей семейное собрание портретов, среди которых, безусловно, должны были быть и работы Бестужева, никаких сведений нет. Известно только, что в послереволюционные годы в Государственный исторический музей поступил от правнучки С. Н. Бибиковой бестужевский портрет А. Г. Муравьевой.

Позволю себе высказать предположение, что девочка лет трех-четырёх, изображенная на воспроизводимой здесь акварели Бестужева, быть может, и есть Нонушка. Нечто глубоко трогательное запечатлено в этом личике, во всем облике девочки. После революции акварель находилась в одном из московских собраний, откуда в двадцатых годах поступила к М. Ю. Барановской. После того, как я разыскал основное собрание исполненных Бестужевым и принадлежавших ему портретов декабристов и их жен, она

САША ИВАШЕВ. (Публикуется впервые).

КАМИЛЛА ПЕТРОВНА ИВАШЕВА.

Окончание. Начало в № 11.

ГРИША НАКВАСИН. СЕЛЕНГИНСК.

любезно подарила мне эту акварель. Справа на акварели буквами латинского алфавита проставлены вязью инициалы художника. Судя по манере исполнения, акварель следует датировать 1830-ми годами. Но, повторю, это всего лишь предположение, что на данной акварели изображена Нонушка Муравьева. В некоторой степени оно подтверждается отысканной мною в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина фотографией, на которой Софья Никитична около двадцати пяти лет. Думается, что художнику позировала именно Нонушка, которую, уже взрослую, два десятилетия спустя снял фотограф. Но окончательно решить вопрос, изображена ли на акварели Нонушка, можно будет лишь тогда, когда отыщется ее бесспорный портрет в детском возрасте или описание ее внешности тех лет.

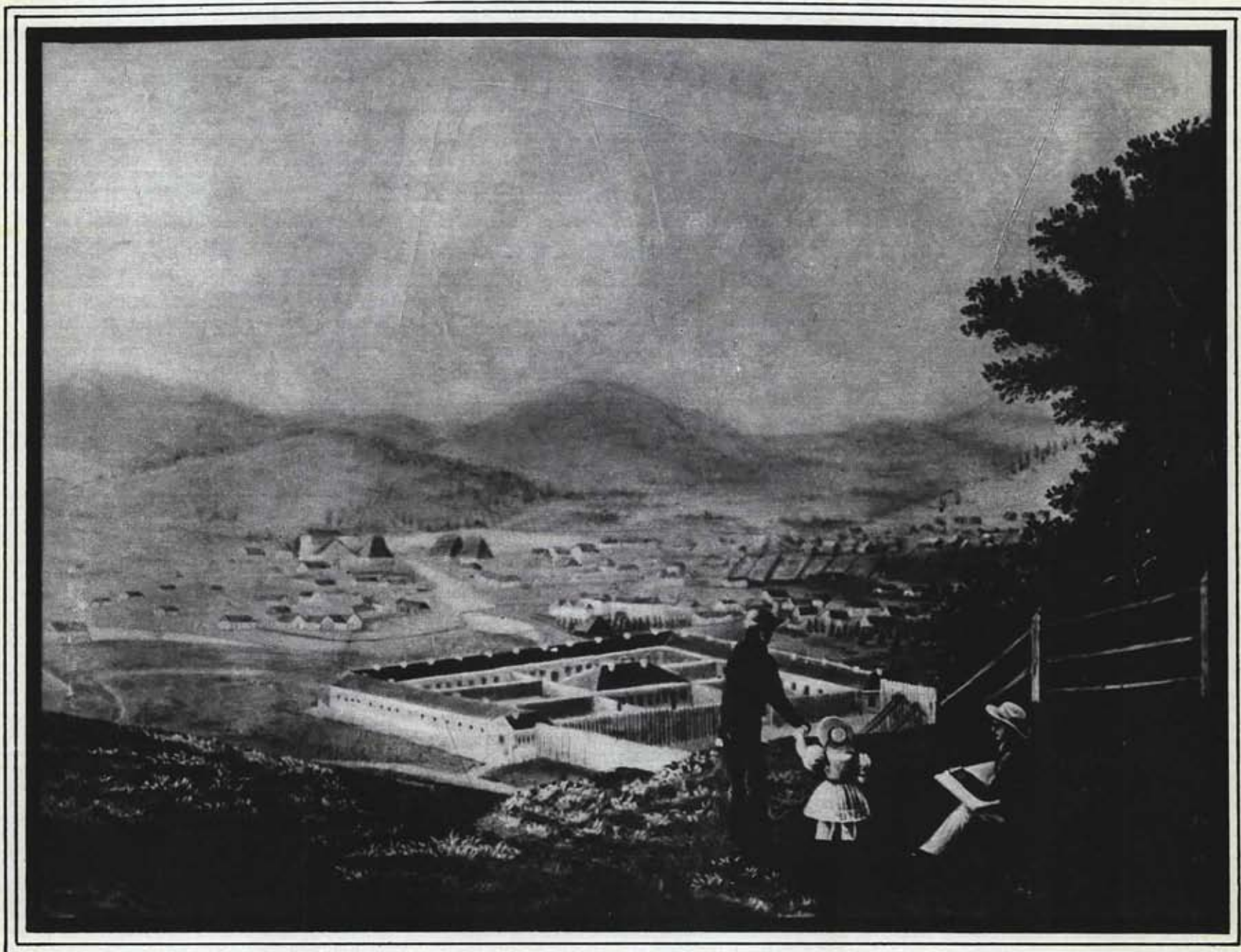
Если Федор Михайлович Достоевский, встретив дочь Анненковых в трагическую пору своей жизни, навсегда запомнил ее сердечное участие и заботу, то для другого великого русского писателя, Льва Николаевича Толстого, знакомство с дочерью Александры Григорьевны и Никиты Михайловича Муравьевых было памятным в ином отношении. В начале 1860-х годов Толстой задумал роман «Декабристы». Познакомился он с Софьей Никитичной Бибиковой (Нонушкой) в 1862 году, приехав в Москву для собирания материалов к этому произведению. Документальных свидетельств об этих встречах почти нет. Зато имеются данные об их беседах в 1878 году, когда Толстой вновь вернулся к своему замыслу.

Сообщая жене 9 февраля 1878 года из Москвы, что он встретился с «двумя декабристами» (А. П. Беляевым и П. Н. Свистуновым), Толстой далее пишет: «...а вечер был у Бибикова, где Софья Никитична мне пропась рассказывала и показывала». Тогда же Лев Николаевич взял у нее для прочтения несколько книг. Не вернув их в обещанное

СЕРЕЖА БАСНИН. ИРКУТСК.

ОБЩИЙ ВИД ПЕТРОВСКОГО ЗАВОДА.

время, он отправил С. Н. Бибиковой письмо (не сохранилось), на которое она ответила ему 11 марта того же года: «Сейчас только что получила, граф, Ваше любезное письмо от 14 марта и спешу отвечать Вам. Разумеется, Вы можете оставить книги у себя и не спешить их возвращением. Еще когда Вы были у нас, муж мой и я просили Вас навещать нас, Вы обещались побывать у нас и мы ждали Вас. Вы всегда доставите нам истинное удовольствие, бывая у нас; и я никогда не откажусь говорить с Вами об отце моем, память которого я свято чтю. Чем более Вы узнаете его, тем только более можете оценить его. Одно только смущает меня — я боюсь, что не сумею передать Вам во всей полноте характер отца моего и воспоминания моего детства о его товарищах. И потому заранее прошу Вашего снисхождения».

К сожалению, роман «Декабристы» не был завершен Толстым. До нас дошли лишь три главы, написанные осенью 1863 года, четыре «плана», семнадцать вариантов «начал», подготовительные наброски к роману в записных книжках и на отдельных листах, а также пометы Толстого на копии списка декабристов.

Кисти Бестужева, вне сомнений, принадлежал портрет Вани Фонвизина, родившегося 21 ноября 1832 года в семье декабриста и умершего в феврале 1834 года в Петровском заводе. М. П. Алухтина многократно просила дочь Н. Д. Фонвизину прислать портрет внука: «С нетерпением ожидаю Вавин портрет», — писала М. П. Алухтина 1 января 1835 года. В следующем письме к дочери от 8 января та же просьба: «Не забудь, мой друг Наташа, прислать Вавин портрет». Наталье Дмитриевне было, очевидно, трудно расстаться с этой дорогой для нее памятью о сыне. И все же она отправила портрет матери.

Вот что написала ей в ответ М. П. Алухтина 20 мая 1835 года: «С каким восхищением получила я портрет милушки моего ангела Вавы — точно слово ангел ему одно свойственное, незабвенному и милому дитяти нашему — какая любезность и прозрачность, как ты говоришь, друг мой Наташа, в этом милом ребенке. Портрет так хорош, что же он был существом? Глаза по твоему описанию не сходны, ты говоришь темные, блистательные, а тут томные и как будто уже болезненные! Я хочу закрыть портрет в двух стеклах, с одной стороны портрет, с другой его волосы. От сердца тебя благодарю, моя душа, за этот драгоценный подарок. Он заставил меня от избытка чувств пролить много слез, много... Я нахожу, что Вавинка, как все мы находим, очень похож на Михаила Александровича был, черты, разумеется, нежнее — прелестное дитя!» Далее идут строки, которые могут служить косвенным подтверждением того, что автором портрета Вани Фонвизина был Бестужев: «Я к тебе писала, Наташа, что я давно уже благодарю любезнейшую княгиню Катерину Ивановну [Трубецкую] и Н. А. Бестужева за твой драгоценный портрет. Теперь у меня в драгоценной моей коллекции недостает только одного, а именно твоего портрета, друг мой сердечный Михаил Александрович, — как бы ты меня утешил-порадовал присылкою его. Если это возможно, не откажи, пожалуйста, мне в этом и пришли... Пришли, мой друг Наташа, вид Петровского, с большим удовольствием приму его».

Бестужев к тому времени хорошо овладел акварельной живописью, как портретной, так и пейзажной. С Фонвизинскими его связывали дружеские отношения, и он не раз писал их портреты. К тому же М. П. Алухтина уже получила портрет дочери, исполненный Бестужевым. Поэтому есть все основания предположить, что она имела в виду работы Бестужева, когда просила прислать портрет М. А. Фонвизина и вид Петровского завода.

Посаженным отцом и матерью на свадьбе В. П. Ивашева и К. П. Ле Дантю, состоявшейся 16 сентября 1831 года в Петровском заводе, были С. Р. Лепарский и М. Н. Волконская. Участие Лепарского в свадебном обряде объясняется тем, что, прослужив полвека в армии, он неоднократно встречался с отцом декабриста, Петром Никифоровичем Ивашевым, в частности и на поле брани. Так, С. Р. Лепарский и П. Н. Ивашев 11 декабря 1790 года были активными участниками взятия штурмом города Измаила, и обоих наградили за мужество, проявленное в этом сражении.

На протяжении восьми лет П. Н. Ивашев был начальником штаба у А. В. Суворова, а затем стал командиром Таганрогского драгунского полка и генерал-майором. С. Р. Лепарский дослужился до того же чина, командир Северским конно-егерским полком. Сохранилась связь писем Лепарского к П. Н. Ивашеву, свидетельствующая о том, с какой заботливостью командант острога относился к декабристу Василию Петровичу Ивашеву и к жене его Камилле Петровне. В одном из этих писем, датированном 10 апреля 1833 года, Лепарский извещал П. Н. Ивашева, что 8 апреля Камилла Петровна родила мальчика. Спустя неделю после первого письма Лепарский шлет второе, в котором сообщает, что мать и ребенок здоровы. Для декабристов, заключенных в Петровской тюрьме, это событие стало общей радостью, так как они принимали близко к сердцу судьбу самоотверженной молодой девушки, решившей разделить участь любимого человека. Н. В. Басаргин, один из тех, кто был особенно близок с Ивашевыми, писал в своих мемуарах: «У них родился сын, мой крестник, и это событие, можно сказать, удвоило их счастье».

Не мог остаться равнодушным к радостному событию в жизни своих друзей и Николай Бестужев. Исполненный им акварельный портрет ребенка Камиллы Петровны отправил в подарок своей сестре Сидонии Григорович в Петербург. У нее, а затем у ее потомков в общей сложности около ста лет хранился портрет Саши Ивашева; в 1930-х годах он поступил в Государственный литературный музей, но так как на акварели отсутствовала пояснительная надпись, она оставалась неопознанной и неопубликованной. И лишь в недавние годы Е. К. Решко, правнучка Ивашевых, установила, что это изображение их сына Саши.

В личике большезлого мальчика как бы светится все то прекрасное, что может проявиться в таком младенческом возрасте. Выразительны глаза ребенка, его пухлые розовые губки. Вся акварель написана в нежных тонах, которые гармонируют с внешностью мальчика.

При всем том изображение не разработано. Весьма возможно, что перед нами всего лишь первый набросок, сделанный в считанные минуты с тем, чтобы затем использовать его для создания законченного портрета. На акварели справа внизу обычные для художнических работ Бестужева инициалы «NB», написанные вязью.

Легко себе представить, с какой гордостью отправляла Камилла Петровна даже этот эскизный набросок в Россию, сколько радости принесло родным это изображение. Но недолго продолжалось счастье матери и отца: в августе 1834 года Саша умер, прожив всего шестнадцать месяцев. На следующий день после смерти ребенка Лепарский отправил гонца с письмом в Ундоры — имение П. Н. Ивашева в Симбирской губернии. 30 августа Петр Никифорович по дороге из Ундор в город встретил гонца. И хотя Лепарский в письме своем старался ободрить стариков Ивашевых, это был для них жесточайший удар.

Горе Камиллы Петровны и Василия Петровича разделяли декабристы и их жены. А когда летом 1836 года Ивашевы были отправлены на поселение в Туринск, ее подруги по изгнанию, продолжавшие оставаться в Петровском, ухаживали за могилкой умершего малютки. Так, спустя две недели после отъезда Ивашевых, М. Н. Волконская первая отправляет Камилле Петровне письмо, начинающееся словами: «Дорогой и добрейший друг, я только что вернула с могилы вашего ангелочка, где отслужила панихиду. Миша [четырёхлетний сын Волконских] по собственному побуждению положил букет к его ногам... Я с Марией Казимировной Юшневской нарвала незабудок, которые она вам перешлет». Через неделю Ивашевой пишет Юшневская. Сообщая, что вместе с Волконской «были мы у Саши», и посылая «незабудки от этого ангела», далее она пишет: «У Сашеньки лилий желтых и саран (полевых лилий) множество, много и разного сорта цветов, все так же, как было при вас, и будьте уверены, что пока у меня здесь, буду все исполнять, как исполняли Вы сами».

Спустя еще месяц Юшневская вновь пишет Камилле Петровне: «Иван Иванович [Пушкин] здоров, третьего дня ходил к Саше и сказал мне, что хочет посадить деревья. Вчерась я была у Сашеньки; все там исправно, цветов много; он молит о счастье своих добрых родителей». А через пять недель М. Н. Волконская отправляет Ивашевой еще одно письмо: «Решетка [на могилке Саши] выкрашена в цвет железа, и деревья скоро будут посажены. Сергей [С. Г. Волконский] хочет сделать деревянную ограду, кроме большой стены, которая должна окружить все кладбище, и мысль его очень удачна, так как тогда деревья и цветы будут в большом порядке. К будущей весне Вы получите вид этой местности, столь дорогой Вашему сердцу».

Так, друзья Ивашевых, их союзики по Петровскому всячески старались облегчить горе молодых супругов, не имеющих возможности ухаживать за могилкой сына, так как находились от нее за много сотен верст. Что же касается вида той местности, обещанного Марией Николаевной, то его, конечно, должен был выполнить и, думается, выполнил Бестужев.

Бестужев, по-видимому, писал портреты еще одного ребенка Камиллы Петровны. Когда в августе 1834 года она хоронила Сашу, то уже знала, что ей вскоре предстоит стать матерью вторично. Действительно, 6 января 1835 года у Ивашевых родилась дочь Маня. И снова Лепарский шлет своему бывшему боевому соратнику П. Н. Ивашеву одно письмо за другим, сначала о рождении девочки, а затем о состоянии здоровья ее и матери. У Петра Никифоровича были, как видим, все основания называть Лепарского благородным и даже образцовым человеком! Говоря в своих воспоминаниях о рождении Мани, Н. В. Басаргин пишет: «Потеряв сына на втором году, Ивашевы испытали все, что родительская нежность может испытывать в подобных случаях, но вскоре рождение дочери, тоже моей крестницы, утешило их и мало-помалу залечило их сердечные раны». Кстати сказать, крестной матерью новорожденной девочки была шестилетняя Нонушка Муравьева, ставшая после гибели Александры Григорьевны общей любимцей декабристов, находившихся в Петровском. Когда Ивашевы 13 июня 1836 года были отправлены на поселение в Туринск, их дочери было около полутора лет. Трудно себе представить, что Бестужев не исполнил ее портрета: не говоря уже о родителях, у Ивашевых было столько родственников, желавших иметь изображение ребенка! В дальнейшем Мария Васильевна, в замужестве Трубинова, стала видной общественной деятельницей (она скончалась в 1897 году).

По всей вероятности, кроме детей Волконских, Давыдовых, Анненковых, Муравьевых, Фонвизинных и Ивашевых, художник исполнил портреты детей и других декабристов, находившихся в Чите и в Петровском заводе, например, Трубецких, у которых было пятеро детей.

В конце 1841 года Николай Бестужев из Селенгинска, где он жил на поселении, отправился на время в Иркутск, чтобы писать портреты для заработка. По просьбе декабристов, в частности Трубецких, живших в селениях Иркутской губернии, он ездил и к ним писать портреты их близких. Делаясь с братом своими планами, Бестужев, в частности, сообщал: «...еду в Оёк к Трубецким, где меня тоже просили сделать с детей портреты». Следовательно, есть основание предположить, что если Трубецкие, обрадовавшись приезду Бестужева в Иркутск, просили его заехать к ним и исполнить портреты детей, то в Чите и в Петровском заводе, где Трубецкие жили рядом с художником на протяжении двенадцати лет, таких портретов было им написано немало.

Таковы документальные свидетельства, которые удалось отыскать об исполненных Бестужевым портретах детей декабристов в годы их пребывания в Чите и в Петровском. Эти свидетельства, а также ряд бесспорных предположений лишь в слабой степени отражают созданное им в данной художественной области. Таким образом, из многих написанных Бестужевым в этот период акварельных портретов детей декабристов дошло до нас всего лишь три.

Характерно, что, сообщая родным 10 августа 1839 года об отъезде на поселение своих товарищей по изгнанию, Николай Бестужев в этом письме упоминает и их детей: «Мы с братом, проводя и простиаясь со всеми нашими союзниками и с добродетельными дамами и с малыми их детьми, остались одни, на берегу Селенги, в самом печальном расположении духа. Дружба, приязнь, привычка, все связи, соединявшие сердца наши, были разорваны; наше положение не оставляет никакой надежды возобновить их, и потому судите, больно ли было нам, и как кровенились сердца наши...» День спустя Михаил Бестужев, который вместе с братом находился в заключении сначала в Читинском остроге, а затем в Петровской тюрьме, вспоминает в письме к родным о том же: «Двое суток прошло с тех пор, как мы простились с ними, и я, как теперь, вижу этот корабль, стоящий у берега роскошной Селенги, нагруженный экипажами, из которых высовываются херувимские головки детей наших женатых товарищей, — их детский лепет, заботливые хлопоты матерей, прощальный привет товарищей, слезы и благословения бедных, пришедших издалека, чтобы проводить их; наконец, корабль сорвался с последней веревки, привязывавшей его к берегу, и быстрое течение реки понесло в даль. Мрак наступающей ночи поглотил его... Он исчез, как призрак, от взоров наших, отуманенных слезами, и мы остались одни. Вы понимаете это слово? Довольно!»

Эти два отрывка из писем Николая и Михаила Бестужевых дают представление о том, с какой нежностью они относились к детям декабристов, родившимся в неволе.

Чтобы завершить рассказ о детских портретах, написанных Бестужевым в Сибири, расскажем о тех из них, что были исполнены в годы его пребывания на поселении (1839—1855).

Находясь в качестве поднадзорного поселенца в Селенгинске, Бестужев стал для заработка выполнять портретные заказы, на которые богатые сибиряки не скупились. Естественно, его часто просили изобразить детей. С такими же просьбами к художнику обращались и сибиряки, с которыми он подружился. Едва ли не первым из них был купец Н. Г. Наквасин, в доме которого и поселились братья Бестужевы в Селенгинске. Семья Наквасиных отнеслась к сыновьям декабристам с большим радушием. Бестужевы старались отплатить, чем могли. Михаил стал воспитателем их единственного сына, девятилетнего Гриши, Николай оказывал хозяину всяческую помощь в его делах и, несомненно, исполнял портреты Наквасиных.

По-видимому, с этой семьей и был связан один из первых детских портретов, написанных Бестужевым на поселении. Этот портрет относится к началу его пребывания в Селенгинске и изображает обаятельного мальчика. Таким и был Гриша Наквасин. И хотя на акварели фамилия изображенного не указана, я убежден, что перед нами портрет, написанный Бестужевым для родителей Гриши. Перпендикулярно изображению на левой стороне акварели художник подписался: «N : Bestougeff», а на правой стороне написал: «1840. Koût 11. Selenguinsk». Под портретом карандашная пометка известного литературоведа и библиографа прошлого века П. А. Ефремова: «Работа декабриста Н. А. Бестужева, в Селенгинске. 11 авг. 840 г. П. Е.». Тот факт, что художник написал на портрете свою фамилию полностью и указал дату и место, свидетельствует о его удовлетворенности своей работой. И действительно, эта акварель является убедительным доказательством того большого мастерства, которого порой достигал художник в детских портретах.

Спустя месяц с небольшим после того, как был написан этот портрет, семью Наквасиных постигло тяжелое горе: купаясь в Селенге, Гриша утонул. Родителей, не чавявших души в сыне, его гибель потрясла настолько, что они решили продать дом со всем хозяйством и уехать в Россию. Сохранилось письмо Николая Бестужева к сестре, в котором он обо всем этом рассказывает. Строки, посвященные

гибели мальчика, полны скорби. «Кажется, мы тебе писали, что живем в доме Наквасиных,— говорится в письме.— Этот Наквасин, чрезвычайно добрый человек, но не изменяя назначению всех добрых людей, очень, очень несчастлив». Рассказывая далее о ряде невзгод, постигших Наквасина, Бестужев пишет: «Я не стану их пересчитывать и расскажу тебе последний удар, нанесенный судьбою. У Наквасиных был сын, прекрасный собой 9-летний мальчик, который при рождении едва не стоил жизни матери своей, и, как обыкновенно случается, что дорого купленное мы более ценим, то любовь родителей к ребенку была безмерной. Сверх того, он был один: первый и последний. Ныне летом отец уехал в Удинск за кое-какими посылками, матери понадобилось переехать за реку; мальчик остался один дома. Мишель [Михаил Бестужев] был на Торсоновском покосе. Гриша целое утро был со мною. Когда я пошел обедать к Торсону, простился с уходившей матерью и хотел не запирая своей квартиры, чтобы он оставался у меня, но он сказал мне, что поиграет с мальчиками, которые его звали на улицу. Когда я выйдет из ворот Торсона, отобедав, я увидел несколько человек, Наквасина работников, бегущих мимо. И когда я спросил их, куда так спешат, они отвечали мне, что нищая старушка пришла им сказать, что нашла на берегу Гришино платье, а его самого нигде не видела. Мы все бросились туда, на берег, в воду, бродили, наконец бросили невод и через полтора часа поисков нашли мертвое тело утонувшего мальчика. Между тем мать только что успела переехать, как ей закричали с нашего берега, чтоб она вернулась. Она переехала снова и встретила меня. Материнское сердце тотчас угадало все: «Гриша утонул!» — были первые слова! Я увел ее домой, отдал на поечение Катерине Петровне [сестра декабриста К. П. Торсона] и поспешил к тому месту, где искали его. Все предписанные опытами и благоразумием меры приняты были, чтобы помочь ему, но два с половиною часа наших трудов прошли в напрасных усилиях. Мы тогда только отказались от надежды, когда тело начало терять свою гибкость...»

По этим скорбным строкам можно себе представить, какой тяжелый след оставила в душе Бестужева бессмысленная гибель «прекрасного собою 9-летнего мальчика», которого, как мы считаем, художник запечатлел за несколько недель до его смерти.

К сожалению, из портретов детей, исполненных Бестужевым на поселении, ныне известны весьма немногие. Так, уцелело и находится в Историческом музее изображение Сережи Баснина, сына богатого купца В. Н. Баснина, сначала жившего в Кяхте, а затем поселившегося в Иркутске, где он впоследствии, в конце 1849 года, был избран городским головой. Еще тогда, когда декабристы томились в Петровском, Баснин имел возможность видеться с ними, так как привозил туда для продажи чай, ткани, вино и многое другое. Очевидно, к тому времени и относится его знакомство с Бестужевым. А когда художник уже находился на поселении и получил возможность ездить из Селенгинска в Иркутск, чтобы зарабатывать писанием портретов, он в 1842 году исполнил изображение Сережи Баснина.

То был заказ особого рода. Художнику предстояло воссоздать облик мальчика таким, каким родители видели его день-два назад: веселым, шустрым, улыбающимся, хотя теперь он уже лежал на смертном одре. Вот что написал отец на бумаге, в которую вложил этот лист:

«Акварельный портрет умершего апреля 28, 1842 г. пятилетнего сына моего Сергея Васильевича Баснина, чудно-милото малютки. Вечно останется в памяти моей воспоминание мое об нем и тот невыразимо-поразительный вид умершего, чрез несколько минут после кончины. Это было как бы изящнейшее мраморное изваяние величайшего художника. Портрет писал Николай Александрович Бестужев (брат известного русского писателя Марлинского) уже с усопшего; и надобно сознаться: не совсем был потрафлен...»

Неудовлетворенность отца этим портретом вполне объяснима: как бы Николай Бестужев тогда ни старался выполнить эту работу получше — а она все-таки представляется, учитывая сложность задания, вполне удачной, — «потрафить» отцу, обожавшему умершего сынишку, даже «величайшему художнику» было бы трудно. Ведь воскресить кистью облик умершего — задача сверхтрудная!

Акварель хорошо сохранилась, не выцвела, благодаря этому можно судить о ее качествах. Хорошо переданы одухотворенное личико мальчика, жест правой ручки, как бы выражающий удивление от того, что на его руку села бабочка. Бестужев, возможно, изобразил символ мимолетности: бабочка гибнет, успев недолго просуществовать, — так и этот ребенок, совсем немного проживший на свете, ушел в небытие. На мальчике светлое платье с кружевным воротником, подпоясанное розовым шнурком, завязанным бантом. Все в акварели пленяет теплой отношением художника к этому ребенку, только начавшему познавать жизнь и уже угасшему. На листе справа внизу монограмма «NB».

¹ Речь идет о находившемся на поселении в Селенгинске декабристе К. П. Торсоне, однокашнике Николая Бестужева по Морскому корпусу, его товарище по выпуску и до конца дней любимом друге.

В недавние годы в Москве находился исполненный Бестужевым акварельный портрет Алеши Лушниковой, сына другого кяхтинского купца, М. М. Лушниковой. Как свидетельствует в своих воспоминаниях Михаил Бестужев, брат его учил Алешу рисованию. Он же в одном из своих писем того времени сулил юноше незаурядную будущность. Это предсказание сбылось. А. М. Лушников стал видным общественным деятелем Сибири. Большую роль в этом сыграло его общение в юные годы с Бестужевыми. Встречи с ними, а затем и с другими декабристами способствовали развитию прогрессивных взглядов А. М. Лушниковой. Впоследствии на его дочери Вере Алексеевне женился известный революционер И. И. Попов. В своих мемуарах он подробно охарактеризовал положительные качества А. М. Лушниковой. У Веры Алексеевны Поповой, скончавшейся в 1927 году в Москве, и хранился портрет ее отца в юношеском возрасте, исполненный Бестужевым. Где находится эта акварель сейчас — неизвестно.

Одновременно или почти одновременно с портретом Алеши Лушниковой художник написал Клавю Кондинскую, дочь кяхтинского купца Х. Х. Кондинского. Со временем она стала женой Лушниковой и вместе с мужем принимала самое деятельное участие во всех его прогрессивных начинаниях. Бестужеву этот портрет удался: ему явно пришлось по душе необычайно высокая для девушек ее круга образованность, любознательность. На портрете она была изображена в светлом платье. Ее красивые вьющиеся волосы спадают до плеч. Но особенно тщательно было выписано обаятельное и умное лицо девушки. Обо всем этом сейчас приходится судить лишь по сохранившейся фотографии, так как где теперь эта акварель — неизвестно. Еще недавно она находилась в Москве у Н. И. Стечкиной, внучки К. Х. Кондинской-Лушниковой.

По приезду в Селенгинск Бестужевы полтора месяца жили у местного купца Д. Д. Старцева. Их приняли в этом доме с таким радушием и душевностью, что с той поры Бестужевы и Старцевы стали близкими друзьями. «Брат Николай очень любил все это семейство, крестил почти всех их детей... учил всех крестниц и крестников французскому языку, рисованию и проч.» — вспоминал позже Михаил Бестужев. И, конечно же, добавим, писал их портреты. Куда же делись все эти акварели?!

Многим Николай Бестужев был обязан В. Я. Руперту, на протяжении десяти лет — с 1837 по 1847 год — состоявшему генерал-губернатором Восточной Сибири. И в благодарность, как свидетельствует тот же Михаил Бестужев, «брат сиял портреты очень похожие» со всего семейства Руперта. В дальнейшей части своих воспоминаний мемуарист пишет: «В Удинск брат ездил единственно по просьбе жены Руперта, чтоб кончить начатые портреты с ее детей». А было их немало — пятеро сыновей и дочерей. Но из этих акварелей в настоящее время ни одна не известна.

Приехав в 1855 году на несколько месяцев в Иркутск, художник остановился у своего большого друга доктора И. С. Персина. Еще за несколько месяцев до того, как Бестужев отправился в Иркутск, Персин написал ему 23 ноября 1854 года о «пламенном» желании показать своих сыновей — четырехлетнего Сережу и двухлетнего Мишу — и о готовности ради этого привезти детей в Селенгинск. Нет сомнений, что когда Персин решил предпринять такое утомительное путешествие, он не только хотел похвалиться своими детьми перед Бестужевым, но и просить его сделать их портреты. Вероятно, портреты были исполнены, и художник, конечно, вложил в эту работу все свое умение. Приходится жалеть, что эти акварели, видимо, погибли. А сколько других такого же рода работ художник создал по просьбе своих друзей, обретенных им на поселении! Неужели все это кануло в Лету?

Ряд детских портретов Бестужев исполнил в те годы для заработка. Он писал их не только акварелью, но и маслом, к тому же немало. До нас дошли лишь таких работ маслом не дошли. Сейчас известны два полотна, являющиеся копиями, оригиналы которых, ныне утраченные, приписываются Бестужеву. На них изображены взрослые вместе с детьми.

Созданная Николаем Бестужевым на каторге портретная галерея декабристов и их жен воспринимается как проникновенная акварельная повесть о судьбах лучших сынов и дочерей России. В творческом наследии художника портреты детей занимали скромное место. Ныне известны лишь единичные образцы бестужевских детских портретов. Но если бы все они сохранились, то получилась бы еще одна портретная галерея — детей и внуков декабристов, а также детей и внуков людей, ставших друзьями Бестужева во время его пятнадцатилетнего пребывания на поселении. А то, что Бестужев проявлял порой большое мастерство в этом жанре, можно судить по портрету Гриши Наквасина. Хочется надеяться, что эти работы еще обнаружатся и расширят наши представления о декабристе-художнике Николае Бестужеве — мастере акварельных портретов.

Что касается дальнейшей судьбы отысканных мною семидесяти шести исполненных Николаем Бестужевым акварельных портретов декабристов и декабристок (основное собрание), то это собрание, как и вся моя коллекция произведений русского и западноевропейского изобразительного искусства, станет собственностью Родины, возраставшей меня и сделавшей возможным развитие того, что стало потребностью моего сердца.

Алексей МИХАЙЛОВ

Стихи о Южной Якутии

*Где западный ветер
Пургою вас встретит,
Куда-то несаясь без дорог,
Где КраЗов гуденье —
Сигнал к наступленью
В назначенный вовремя срок;*

*Где в синих просторах,
Сквозь мари и горы,
Как памятник нашим годам,
Останется врезана
Дорога*

*железная
С названием, как колокол, БАМ;*

*Где строится город,
Рассветами молод —
Соперник окрестных высот,
Где каждый строитель
Тайге — не воитель:
Он каждую ель бережет;*

*Где углем помечен
Почти каждый встречный —
Гость, новичок, старожил,
Где к зданью горкома
Из каждого дома
Прямая дорога лежит;*

*Где в буднях заснеженных,
Под выгонами свежими
Республики Завтра встает,
Где, песнями дружная,
Якутия Южная —
Там сердце мое
поет!*

*Предзакатные, лебединые
Очертания облаков
Приоткрыли мне тайну линии,
Чудо музыки, диво слов.*

*Но гроза, ее молнии длинные,
Словно битва рогов и клыков,
Обозначили точность линии,
Смысл музыки, силу слов.*

*Прошу тебя, сосну не погуби.
Смотри, как к солнцу тянется она.
Но если строить дом — тогда руби.
Пусть твоя крыша будет всем видна.*

*Прошу тебя, березу не губи.
Пусть на ветру шумит своим листом.
Но если печь топить — тогда руби,
Живи в тепле, друзей встречай теплом.*

*Зима и лето, осень и весна —
Составят вместе года времена...
Пусть в твоём доме дети подрастут,
Любя сосны с березой высоту.*

Пушкой посадят их...

Якутская лошадь

*Мохнатая, с большою головою,
В сосульках, словно в древнем серебре,
Потряхивая гривой седою,
Копыта снег, пасется в январе.
Каких пород, каких веков отживших
Она потомок — житель тех широт,
Где океан, с пургою породнившись,
В снегах лелеет зиму круглый год?
Приземистая, с крепкими ногами,
По грудь в сугробе стоя, вдруг заржет,
И ржанье, над белыми полями
Рассыпавшись, недалеко замрет,
Где в проводах, над тундрой летящих,
Неся огонь, светящийся и горящий,
Через туманы и хребты — вперед,
Опора ЛЭП, как мезозойский ящер,
Стоит и что-то нежное поет.*

Алексей КАПЛЕР

ЧЕХОВОВСК

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «НЕОКОНЧЕННАЯ ПЬЕСА ДЛЯ МЕХАНИЧЕСКОГО ПИАНИНО».

Никита Михалков... Впервые я услышал это имя много лет тому назад от дочери-пятиклассницы, она жаловалась:

— Этот Никита меня с полки стащил за ногу... ну я его, правда, первая брыкнула, когда он по проходу шел, а он меня за ногу с полки, а я его ка-ак стукну, и бегом... а тут проводница с чаем, я в нее, чай на пол, а я под полку, а он за мной, а я ногой...

Зная нрав дочери, я понимал, что происшествие в поезде Москва—Рига, который вез ребят на каникулы, полностью на ее хулиганской совести.

В таком вот контексте я впервые узнал о существовании некоего Никиты Михалкова.

Прошли годы, и в картине «Я шагаю по Москве» я увидел юного актера, который сразу же покорила зрителей не только талантом и обаянием юности, но и каким-то необычайно современным почерком своего экранного существования. Полностью, однако, это свойство актера Никиты Михалкова проявилось в картине «Переключки». Роль солдата, сыгранная в ней Михалковым,—истинное новаторство в актерском искусстве. Вот уж где смелость, эстетическая дерзость, полное пренебрежение к правилам игры и своеобразнейший образ на экране...

Это было не просто появлением яркого актера, а очень симптоматическим событием—новой, современной манерой игры в кино.

И после того мы видели, как крепнет, мужает, развивается дарование Никиты Михалкова из роли в роль: «Дворянское гнездо», «Красная палатка», «Песнь о Маншук», «Свой среди чужих», «Неоконченная пьеса для механического пианино»—17 интереснейших ролей.

Наряду с этим происходило то, что бывает, когда художнику мало одного только актерского участия в картине, чтобы сообщить своим зрителям все, что он должен высказать...

И вот мы узнаем Никиту Михалкова в новом, режиссерском качестве.

Его первая картина «Свой среди чужих» была более всего интересна как свидетельство яркого режиссерского таланта, утверждение художника в своем искусстве.

Затем «Раба любви»—тонкое, умное произведение, в котором найдены новые средства выразительности, где Александр Калягин открылся как замечательный артист «михалковской школы».

И, наконец, Чехов...

Никого из классиков—русских ли, иностранных—не «эксплуатировали» в нашем кино так много, так часто, как Антона Павловича Чехова.

Результаты получались самые различные—был когда-то давно-давно очаровательно, поводеильному сыгранный Ольгой Андровской и Михаилом Жаровым «Медведь», была обывательски «картинная», совершенно не понятая постановщиком «Анна на шее», был «Человек в футляре», где замечательный актер Хмелев вместо Беликова почему-то сыграл злодея, чуть ли не фашиста...

Был ярко талантливый «Дядя Ваня» Кончаловского со Смоктуновским и Бондарчуком, была «Дама с собачкой».

Много, очень много поставлено картин по Чехову. А еще больше играли Чехова театры. И сколько же было провалов и неудач, как трудно оказалось найти верный ключ к чеховской драматургии!

Но зато с какой силой, как пронзительно звучало слово Чехова, когда находился этот ключ, когда Чехова играли не как Шекспира, не как Островского, не как Ибсена и не как Скриба. Как Чехова.

Очень часто и в наше время Чехова играют как этого сумеречного певца печали, как дозволенно скучного автора, не поняв ни огромной силы его любви к человеку, ни страстной ненависти к пошлости и мещанству, не поняв ни его веселости, ни его пронзительности.

Ну, а что касается формалистических, бездушных «выпендриваний», режиссерского «самовыражения» на материале чеховских пьес, что, увы, случается на театре, то это, на мой взгляд, относится не столько к искусству, сколько к области этики, моральной ответственности за нарушение авторской мысли, за искажение чеховских произведений.

К несчастью, Антон Павлович не может заступиться за своих детей—за свои произведения, а наша критика что-то не торопится это сделать.

Но вот недавно я стал свидетелем большого, радостного события—на экране появилась чеховская картина Никиты Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино».

Глубина проникновения в сущность творчества Чехова, неповторимо чеховская интонация, истинно чеховская атмосфера—всем этим отмечен новый фильм, произведение высокой культуры, строгой формы и безупречного художественного вкуса.

Восьмидесятые годы прошлого столетия, помещичья усадьба, сборище нелепых персонажей: смехотворные намерения одних приносят благо простому народу, одаривая крестьян своими старыми костюмами, ненависть других к «чумазому», страх перед ним, и на фоне распада дворянского быта и падения интеллигенции судьба бывшего студента Платонова. Казалось бы, прошлое, тени прошлого, какое это имеет отношение к нам, чем может быть для нас важно, интересно хотя бы...

Почему же с таким напряженным вниманием смотрит зрительный зал эту картину?

Да в том-то и чудо Чехова, гениальность Чехова, что произведения его, намертво будто бы прикреплённые к своей эпохе, к своим проблемам, к героям своего времени, общечеловечны так же, как шек-

спировский мавр, Ромео и Джульетта, байроновский Дон-Жуан или Хлестаков Гоголя.

бывает потом... Это только кажется, что все еще впереди, что жизнь длинна и счастлива, что сейчас можно прожить так, начерно, а потом все поправить... никогда это потом не наступает... Никогда...»

В новаторской драматургии Чехова, по его собственному определению, нет ни ангелов, ни дьяволов, все у Чехова многозначно, и это в полной мере получилось в картине Никиты Михалкова.

Николай Трилецкий, которого необыкновенно интересно играет сам Михалков,—при всех отличиях, в сущности, другой вариант Платонова.

Вот жалкий человек—контрщик Горохов с фабрикой просит Трилецкого, который совершенно свободен, поехать к большой жене.

«Трилецкий: Ну, вы знаете, я сегодня приехать никак не смогу. Завтра к вечеру.

Горохов: Понимаю, понимаю... а то, может, все-таки поедем, господин доктор?

Трилецкий: Что?

Горохов: Я говорю, может, все-таки поедем... лошади хорошие, хозяйские...
Трилецкий: А-а-а...

Горохов: И потом, к обоюдному согласию... вы очень обяжете...
Трилецкий: Я понимаю, но вы знаете... Господин Горохов, я сегодня приехать никак не смогу. Завтра... В крайнем случае... послезавтра.

Горохов: Понимаю, господин доктор... Николай Иванович! Ради Христа, я вас очень прошу, может, поедем? А? Понял. Понял. Прошу простить...»

И позже Платонов говорит Трилецкому: «Бездельник! Ты единственный доктор на всю округу, а у тебя как милостыню просят того, что ты давать обязан...»

Все роли в этой картине сыграны блестяще. Поразительно интересен Шербук—Олег Табаков, но Платонов Александра Калягина и доктор Трилецкий Никиты Михалкова—явления особые.

Если верна по отношению ко всему решению картины формула «отражение сильнее луча», то в самой полной мере это относится к ролям Платонова и Николая Трилецкого.

Об этой формуле луча и отражения говорил мне режиссер, и она необычайно верна применительно именно к чеховской драматургии.

ладно, один раз сдамся, от одного раза ничто не изменится... А дальше оказывается бесконечный путь отступлений, компромиссов...

Нужна была большая художественная дерзость, чтобы позволить себе с такой свободой обращаться с произведениями Чехова—черпать материал для картины в ранней, малоизвестной пьесе «Платонов» и в рассказе «В усадьбе», в «Учителе словесности», в «Трех годах», в «Моей жизни»... и чтобы в итоге мы увидели нечто совершенно органически цельное и бесконечно чеховское, шемаше-чеховское, трогательное по-чеховски, смешное по-чеховски, по-чеховски жалкое...

Как смело введен Михалковым в картину мальчик Петя, как он «работает» в финале картины... Вот завершилось действие, позорным фарсом обернулось неудачное самоубийство Платонова, собираются вокруг него все эти никчемные люди... И вдруг мы видим спящего мальчика, безо всяких символов, без всякой многозначительности нам показывают спящего мальчика, и этим открывается перспектива истории—мальчик напоминает нам, что все эти люди, эти жизни уже не будут существовать в будущем мире, где станет жить этот мальчик, все уйдут, и наступит совсем другая жизнь, про которую мы знаем...

На просмотры в Доме кино я хожу с двойственным чувством: с этим домом связана вся моя жизнь в кино, здесь мои друзья и недруги, здесь происходят все хорошие и нехорошие события на экране...

Но здесь же, в этом зале, случается то, за что я готов возненавидеть Дом кино,—здесь обыватели от кино, пошляки от кино принимаются аплодировать

АЯ НОТА

спировский мавр, Ромео и Джульетта, байроновский Дон-Жуан или Хлестаков Гоголя.

Не будь этого, разве ставили бы Чехова, играли бы Чехова во все времена не только по всей нашей стране, но и во всем мире?

А ведь Чехов сегодня любимый «играемый» автор в Великобритании и Франции, в США, в Австралии и в Западной Германии, в Венгрии, Польше и Японии...

Жизнь чеховских образов, их непреходящее нравственное значение для нас в том, что они будоражат мысль, понуждают по-новому взглянуть на сегодняшние моральные ценности и на те процессы, что происходят и в сегодняшнем нашем обществе и в среде нынешней молодежи.

Михаил Платонов—человек замечательный, одаренный, умный, человек, чья юность обещала так много и чья жизнь так обидно не состоялась... Падение личности, неспособной на поступок, на действие,—ведь это история ТИПА и это так же современно сегодня, как было современно и в прошлом веке, в иных общественных условиях.

Да и не один только Платонов страдает этой болезнью бессилия...

«Войничев: ...Бедная Россия, добрая страна.

Платонов: Да оставь ты Россию-то, наконец!

Войничев: Но, Мишель, я хотел сказать...

Платонов: Что ты хотел сказать? Пятнадцать лет талдычишь эту таинственную фразу. Пора бы уж кончать, говорим, говорим! Русская душа, благо народа, надежды, эмансипации, призывы! Как языки-то еще не отошли... Мухи дохнут от наших мудрых мыслей! Вон, лампы коптеть начинают! Говорим, едим, спим, опять говорим...»

А вот Платонов уже не о других, а о самом себе:

«Теперь я знаю наверное—достаточно один раз солгать тому, во что верил и что любил,—уже не выбраться из цепи предательства, лжи, уже не выбраться...»

И вот что он говорит женщине, которую некогда любил:

«Я любил тебя, я любил тебя больше всего на свете, родная моя! Ты знаешь, никогда ничего не

Совершенно неожиданные актерские ходы у Калягина и Михалкова суть не просто оригинальные решения (хотя они бесконечно оригинальны), а выражение подтекста, выражение личности героя и авторского отношения к нему, и даже в тех случаях, когда актер произносит самый прямой текст, всегда находится непрямо решение—отражение луча.

Вот пример «отраженного луча».

Платонов раздражен своей женой и Софьей. Он входит, мы видим, как его рука наливает водку в рюмку. Но мы не видим, как он пьет. Вместо того нам показывают мальчика Петю, который смотрит на Платонова: мальчик сморщился, и мы понимаем, что сморщился Платонов, и понимаем, что ему противна эта водка, и знаем, почему он пьет, то есть режиссер не напрямую, а отраженно продолжает рассказ о состоянии Платонова, и рассказывать так—гораздо сильнее, чем напрямую показывать Платонова и его состояние.

Чеховская, необычайно чеховская картина, где драматическое то и дело разрешается комедийно, а комическое вдруг оборачивается драмой...

Картина, которая начинается с рассказа о том, как глухая старуха по ошибке не тому, кому следовало, поставила клистир, а продолжается пронзительно драматической судьбой несостоявшегося Платонова, картина о человеке, которому много было дано природой, но который предал самого себя, свои способности, свой ум, о человеке, который всю жизнь думал, что ему просто не представляется случай совершить нечто большое, честное...

И так незаметно уговаривает он себя, что все еще впереди, что когда представится случай, он покажет, на что способен...

Но вот он, случай: вот женщина, которую я любил, она не любит своего мужа, я не люблю свою жену, ты говоришь этой женщине: зачем она вышла замуж, вот случай быть счастливым, совершить решительный шаг, изменить сложившийся, привычный ход жизни... но он не способен ни на что, и он обвиняет в этом других, других, но не себя...

Да, стоит только раз, закрыв глаза, сказать себе:

эффектному ракурсу, в котором снят умирающий герой...

Но вот—редкое чудо! От вступительных титров до последнего кадра картины Никиты Михалкова зал сидел, замерев, и никто не аплодировал режиссерским и актерским находкам, хоть их было много множество.

И только в конце, как бы очнувшись, зал, как принято писать в восторженных рецензиях, «взорвался аплодисментами».

С огромным интересом и вниманием я наблюдал за рождением нового поколения кинематографистов, по сути дела, за возникновением нового советского кинематографа.

Я свидетель великих взлетов нашего искусства в прошлом—то были всегда картины молодых режиссеров начиная с Эйзенштейна и Пудовкина.

При мне возникли шедевры тридцатых годов—«Чапаев» молодых братьев Васильевых, «Трилогия о Максиме» молодых Козинцева и Трауберга, при мне начинал свой путь в искусстве с «Пышки» молодой Михаил Ромм.

Так—поколение за поколением—именно молодые создавали те вершинные произведения, что определяли путь советского кино, ибо именно молодости, более всего молодости, свойственна дерзость поиска, новаторство.

Новые эстетические идеи, новые направления искусства всегда являлись в облике молодых художников.

Не говорю, конечно, о массе пусть тоже молодых, но «среднеарифметических» режиссеров, усвоивших только ремесло и заполняющих экраны великим множеством картин, которые могут быть, а могут и не быть. Часто даже лучше, если б их не было.

Речь о единицах—о тех, чьи фильмы и есть новое советское киноискусство.

И я хочу поздравить своих товарищей-кинематографистов и наших зрителей с замечательным, радостным событием—утверждением на экране нового большого художника—Никиты Михалкова.

Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

ПОВЕСТЬ

Следователь с участковым инспектором прибыли на старый кордон, когда солдаты уже очистили поляну от мелко-лесья. С ними приехал и лесник — коренастый мужик лет пятидесяти пяти, седой, но с лицом румяным, как помидор, и таким же гладким. За всю дорогу он вымолвил лишь одно словечко: «Удумали». Зато курил непрерывно. Курил он какую-то удивительно ядовитую смесь самосада с сигаретным табаком, самокрутки завертывал в палец толщиной, и стреляли они, как поленья. «Ты уж переходил бы на опилки», — сказал Миша, когда уголек из лесниковой самодельной сигареты угодил ему за воротник. Мужик не отреагировал, но, видно, фраза эта его задела, потому что, вылезая из машины, он вроде бы ни с того ни с сего проворчал: «Небось, не подожгу».

— Доходит, как до того верблюда, — сказал Миша. — Он и за год поляну не разметит.

Но мужик, хоть и думал туго, действовал не в пример проворнее. Через час поляна была затянута шнурами, и мужик по-прежнему немногословно, но толково объяснил, где стояли дом, сарай, погреб, где находился огород, а где сад. Потом уселся в сторонке на пенек и занялся кисетом с гремучей смесью.

Солдаты лениво разобрали лопаты. Молодень-

Анатолий ЖАРЕНОВ

кий, новенький, блестящий, как только что отчеканенная монета, лейтенант деловито осведомился у Кириллова:

— Будем начинать?

— Пожалуй, — согласился тот, подумав, что нет смысла дожидаться приезда комиссии и экспертов. Будет даже лучше, если они подольше задержатся. Ему уже изрядно надоели недоверчивые взгляды и вопросы типа: «А тут ли, Кириллов? Ведь если что и было, так оно могло быть в любом другом месте».

Да, «оно могло быть в любом другом месте». Но было здесь — в этом он уже перестал сомневаться. Он верил в Мямлина. И он поверил в Гришудурачка, поведение которого — учитывая разыгрываемые им мистерии, — стало наконец понятно. Мямлин был первым человеком, разгадавшим то, мимо чего проходили многие умные люди. Кириллов, правда, не знал, что подтолкнуло Мямлина к разгадке. Но то, что он первым увидел в Грише свидетеля давнего преступления, представлялось несомненным. Впрочем, как свидетель Гриша был бесполезен. И Мямлин понимал это и был осторожен. Едва ли удалось бы Мямлину добиться того, чего добился Кириллов. Организовать раскопки в лесу было не так-то просто. И все-таки добился этого Мямлин — смертью своей добился...

Лейтенант построил солдат и снова подошел к Кириллову. Лейтенанту были нужны указания.

— Огород и сад пока исключим, — решил Степан Николаевич, оглядывая поляну, расчерченную

ВЫСТРЕЛ

ИЗ ПРО

шнурами на прямоугольники и квадраты. — Дом и надворные постройки тоже оставьте в стороне. А вот двор...

Двор был огромен. Одним концом он примыкал к лесу. Когда-то примыкал. Когда еще был двором... Когда тут разыгралась трагедия... Через пять лет после нее в дом вернулся лесник. И прожил в нем около девяти лет.

— Миша, позови лесника, — сказал Кириллов инспектору, стоявшему рядом.

Румяный старик неохотно сполз с пенька и приблизился, треща самокруткой. Вряд ли он умел читать мысли на расстоянии. Но он был догадлив.

— От леса идите, — сказал он. — Помойки там были. Кроме как в помойках, нигде не должен быть.

Он имел в виду труп. Вернее, то, что могло

остаться от трупa. Помойки здесь не чистили. Просто засыпали землей.

И они пошли от леса...

Это был тяжелый труд, но не бесполезный. К пяти часам дня все было кончено. Члены комиссии, прибывшей к этому времени, окружили яму. Заклад затвором фотограф.

В яме лежал скелет, окруженный ржавыми жестянками из-под консервов, осколками бутылок, какими-то истлевшими лохмотьями. Поперек грудной кости, чуть наискось, уходя концами в не вынутую еще землю, висела тонкая черная пепочка.

Миша Востриков шумно дышал за спиной Кириллова. Тот оглянулся и тихо сказал:

— Доставь-ка сюда Семена Спицына. побыстрее и без шума. Так, чтобы в Нылке никто ни сном ни духом... Понимаешь?

— Понимаю,— сказал Миша.

Тайну раскопок надо было во что бы то ни стало сохранить до утра.

IV. ДОБЫЧА

Он сидел на стуле, отодвинутом к стене. Рядом с ним сидели еще двое. Нифонтов, Выходцев и Андрей Силыч Леснев были приглашены на спектакль в качестве зрителей. Режиссуру осуществлял Кириллов, роли исполнили Анюта и трое знакомых зрителям мужчин. Спектакль назывался следственным экспериментом.

— Задача у нас скромная,— сказал Кириллов, выходя на середину комнаты.— Мы сделаем попытку восстановить ход событий, которые произошли в этой комнате в течение часа в день, предшествовавший убийству Мямлина. Расследование,— он оглядел зрителей,— вступило сейчас в решающую фазу. Мы многое знаем и о многом догадываемся. Но кое-что продолжает оставаться непроясненным. Следственный эксперимент поможет нам продвинуться на пути к установлению истины. Я попрошу вас,— он кинул зрителям,— отнестись к делу серьезно и внимательно. Если кому-нибудь из вас покажется, что наши статисты,— он указал на трех знакомцев,— поступают не в соответствии с тем, что происходило в действительности, прошу внести поправки. На первом этапе настоящего эксперимента я, как известно, опросил каждого из вас по отдельности. Сейчас мы посмотрим с часами в руках, как эти ваши показания вписываются в общую картину. Прошу, Анна Семеновна.

Анюта бросила беспомощный взгляд на Кириллова. Она явно забыла, что ей нужно делать.

— Невозможно представить,— пробормотал Андрей Силыч.

Выходцев выпятил губы. Он не скрывал иронического отношения к происходящему. Нифонтов смотрел в пол.

Кириллов усмехнулся, подошел к открытому сейфу, вынул из него желтую книжку и подал ее Анюте.

— Это ведь вы принесли с собой,— сказал он.— Что еще было у вас в руках?

— Сумка,— сказала Анюта.— И... И зеркало...

— Итак, вы вошли сюда в четыре часа дня. Вы принесли с собой сборник стихов, зеркало и сумку. Кто находился в комнате?

стных поэтов. Анюта считала деньги. Потом она и тот, кто играл Выходцева, склонились над бумагами. Прошло с полчаса. Наконец Анюта собрала со стола все бумаги и отправила их в сейф. Взглянула на книжку и тоже бросила ее туда. Деньги уже были там. Анюта закрыла сейф, опустила ключи в сумку (другие, изготовленные вскоре после пропажи прежних) и поднялась со стула. Тот, кто играл Выходцева, извлек из стола принадлежности для опечатывания сейфа и принялся за работу. Анюта отошла к зеркалу и занялась своей прической. Кириллов, сидевший до этого рядом со зрителями, молча наблюдая за происходящим, вдруг поднялся и стал ходить по комнате. В дверь заглянул тот, кто играл Нифонтова. В правой руке он держал зеленый чайник. Он постоял с минуту в дверях, потом повернулся и скрылся в коридоре. Анюта покрасила губы, подошла к столу, кинула тюбик с помадой в сумку. Щелкнул замок.

— Пять часов,— сказал Кириллов, поворачиваясь к зрителям.— Все так и было?

Трое молчали.

— Невозможно представить,— откликнулся наконец Андрей Силыч.— Не понимаю, чего вы добились...

— Сейчас увидите,— сказал Кириллов.— Анна Семеновна, откройте сумку.

Она открыла. Ключей в сумке не было. Анюта недоверчиво оглядела сумку, потом вытряхнула содержимое на стол. Ключи исчезли.

— Фокусы,— сказал Выходцев.

— Глупые фокусы,— возмущенно произнес Андрей Силыч.— Вы что же, хотите сказать, что кто-то из нас выкрал эти ключи?

— Эти— нет,— спокойно ответил Кириллов.— А те— да. Как видите, мы убедились, что это было возможно сделать.

— Но зачем?— прошептал Андрей Силыч.— Какое отношение эти ключи...

— Случайный фактор,— сказал Кириллов. Он сорвал печать с сейфа. Один из знакомцев— оперативник из Нальска— вынул из кармана ключи и подал ему. Кириллов открыл сейф и достал оттуда сборник стихов.— Вот эта книжка,— сказал он, бросая «Зеленое раздолье» на стол,— эта книжка и есть тот самый случайный фактор. Андрей Силыч, может быть, вы теперь соглашались сообщить нам, зачем вы ходили к Выходцеву? Или... Нет, начните уж лучше по порядку. Что вы делали возле клуба в ночь убийства Мямлина?

Кириллов знал, что теперь Леснев-старший будет вынужден сказать правду. Он страшился этой правды, он гнал ее от себя, он не хотел ей верить. Кириллову надо было его убедить. И следственный эксперимент затевался, собственно говоря, не столько для того, чтобы что-то доказать, сколько для того, чтобы показать Андрею Силычу, кто украл ключи и для чего это было нужно убийце. И проведен был этот эксперимент довольно-таки эффектно. Когда Анюта отошла к зеркалу, Степан Николаевич стал ходить по комнате и на мгновение загородил от зрителей сотрудника, который играл роль Выходцева. Он и вынул ключи из сумки, сделав это так, что никто ничего не заметил. Кроме Выходцева, конечно. Тот-то давно уже догадался, что следовательно относится к нему с недоверием. Но тут он промахнулся. Он принял следственный эксперимент за чистую монету: решил, что, не имея, в сущности, против него никаких улик, Кириллов пошел на отчаянный шаг, чтобы заставить его признаться в краже ключей, а затем и в убийстве. И у Выходцева буквально отвалилась челюсть, когда Кириллов обратился с вопросом не к нему, а к Андрею Силычу. «Добит» же он был следующим тактическим ходом: следовательно не дал Андрею Силычу возможности довести рассказ до конца. Едва лишь главбух выпутался из своих «невозможно представить» и заговорил по существу, Кириллов прервал его, сказав, что будет лучше, если Андрей Силыч изложит свои показания в письменном виде. Выходцев успел услышать только несколько слов, из которых мог вывести несложное умозаключение: в ночь убийства Мямлина главбух видел кассира. Следственный эксперимент был только началом. За ним последовали допросы, допросы, допросы. Свидетели говорили в общем-то то же самое, что и раньше. Только раньше они не все говорили. Но ведь и следовательно тогда не обо всем их спрашивал. Потому что тогда он еще не имел возможности ставить дополнительные вопросы, он не имел понятия, как их формулировать. Когда же он наконец понял, кто есть кто, дело сдвинулось с мертвой точки, и в несколько дней был распутан клубок, в котором причудливо сплелись Алчность, Ненависть и Страх.

Ивонна Рузаева познакомилась с доктором Выходцевым в декабре 1916 года. Купец Рузаев, в то время ему было за шестьдесят, явился в Нылку отнюдь не затем, чтобы поклониться родным ме-

стам и тихо скончаться на руках юной жены. Такие мысли не приходили ему в голову. Купец испугался надвигающейся революции и решил удрать из России. Намеченный им маршрут пролегал через Нылку на Курск, Харьков и дальше— к Черному морю, на белый пароход. Но в Нылке случилось непредвиденное: купца хватил легкий удар. Отнялась нога, и он оказался прикованным к постели. Ивонна рвала и метала. Ее в общем-то волновала не болезнь мужа. Она, еще выходя замуж, знала, на что шла, знала, что все люди смертны, а старые люди и тем более. Но супруг, когда они прикатили в Нылку, совершил, как считала Ивонна, огромную подлость по отношению к ней: он спрятал куда-то саквояж с золотишком и драгоценностями, спрятал так ловко, что Ивонна при всей своей сообразительности не могла взять в толк, куда он этот саквояж дел. А Рузаев не только обезножил, он еще потерял дар речи. В дни, когда он был здоров, дом на Мызе навещали представители тогдашней нылкинской элиты. Теперь визитировал лишь врач Выходцев. Он «утешил» Ивонну, сказав после первого обследования больного, что супруг может прожить неопределенно долго. Ивонна совсем потеряла голову, бродила по дому, тщетно пытаясь отыскать тайник, кидалась на прислугу. Прислуга стала разбегаться. Дом пустел, а за стенами дома бурлила страна. Ивонна понимала, что дорогого время уходит, что не выдать ей ни Венеции, ни Парижа; она понимала это, хотела как-то действовать, но не знала как. По вечерам она усаживалась у постели мужа и спрашивала: «Где?» Она сверлила его темными, ненавидящими глазами и протягивала к его рукам грифельную доску. Но муж лишь мычал и отталкивал доску. «Отравлю»,— шептала Ивонна. «Ты уже мертвый»,— говорила она,— почему ты не хочешь дать жить другим? Отдай деньги!» Он не отдавал. Она съездила в Нальск и заказала там черный мраморный памятник. Доставили его на Мызу быстро. Ивонна велела сгрузить его перед домом, поближе к окнам. Сама передвинула мужнину кровать и, подсунув ему под голову несколько подушек, сказала: «Смотри... Видишь, это ты. Ты уже там, в могиле. Ты уже высказал свое желание быть там, об этом известно всем в доме. Я постаралась, чтобы об этом знал весь мир. Ты умрешь без покаяния и без причастия. Если же ты отдашь золото, я оставлю тебя в покое».

Старик ухмыльнулся в ответ и протянул руку к грифельной доске. «Врешь, сука»,— написал он и швырнул доску на пол. Он на что-то надеялся, этот старик. Но он был обречен. Жена изолировала его от людей, шнур от звонка в его комнате протянула к себе в спальню. Пищу ему подавали только при ней. И врач навещал больного только при ней.

Ивонна стала приглядываться к врачу. Василий Выходцев был молод. У него были жена и семимесячный сын Евгений. Врач Выходцев мнил себя аристократом духа, хотя особыми талантами не отличался. А в доме у него пахло пеленками и эфиром. Дома громко кричал младенец. В другом доме жила красивая женщина. Он отметил это сразу. Потом он начал замечать, что женщине приятно находиться в его обществе. И он затягивал визиты, пока однажды... В общем-то все это произошло довольно банально. Правда, тут был случай особый— эти двое стали не только любовниками, но и сообщниками.

Правда, о том, что сыр-бор в доме на Мызе горел из-за денег, Василий Выходцев узнал лишь в сорок первом году, когда получил письмо от Ивонны. Она впервые сообщила бывшему любовнику о золоте, спрятанном в рузаевской усадьбе. Она поняла, где тайник, лишь много лет спустя, после бегства из Нылки, совершенно случайно. Копалась в захваченных из усадьбы бумагах мужа и вдруг обратила внимание на план дома. Он и раньше попадался ей на глаза, но раньше ей было не до плана... Шел тогда семнадцатый год. После февраля зашумела даже тихая Нылка. В окрестностях поселка стали пошалаивать бандиты. Ивонне было страшно в доме, покинутом всеми. Надо было срочно убраться, но тащить с собой неподвижного мужа она не желала. И тогда она решилась. Она выполнила свою угрозу. Она отравила старика, но сделала это руками своего любовника. Она поднесла больному микстуру, которую приготовил ни о чем не подозревавший врач, а потом, когда тело старика дернулось и замерло, она, округлив свои красивые глаза, прошептала: «Боже, Базиль, что же вы наделали?! Вы же размешали не тот порошок!» Она звала его на французский манер— Базилем. И Базилем обмер...

И выправил свидетельство о смерти, происшедшей в силу естественных причин. Мадам Ивонна была особой предусмотрительной...

Похоронив старика, Ивонна махнула в Нальск, оттуда, не задерживаясь, перебралась в более отдаленные края и надолго исчезла из поля зрения

Продолжение на 30-й стр.

ИЮНЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

НОВАЯ ШКОЛА В ХОШИМИНЕ

Школа имени Ли Ту Чонга в городе Хошимине предназначена исключительно для детей, родители которых погибли во время войны. Это первая школа, где занятия сочетаются с работой, организованная в крупнейшем городе Вьетнама после его освобождения.

В прошлом учебном году здесь было около тысячи учащихся.

Школа занимает территорию площадью в пять гектаров: техническая и портняжная мастерские, лаборатория, помещение для подготовки плотников, кухни, стадион, учебные поля. Общежитие мо-

жет принять сейчас до 1600 человек. У школы есть опытное поле, расположенное в 30 километрах к западу от города.

Следуя лозунгу «Сочетать учебу с производительным трудом», школьники и учителя группами, поочередно, отправляются на десять дней на сельскохозяйственные работы.

Два ученика школы будут участниками международных детских летних лагерей в социалистических странах.

«ВЬЕТНАМ ЮФ», СРВ

НА УРОВНЕ КАМЕННОГО ВЕКА

В юго-восточной части Бенгальского залива лежат Андаманы, скопление двухсот островков общей площадью 6500 квадратных километров. Рост мужчин, живущих на островах, в среднем 150, а женщин — до 140 сантиметров. Хотя первые упоминания об андаманцах относятся к восьмому столетию, подробное описание их образа жизни было сделано англичанами лишь в конце прошлого века. Колонизаторы принесли на острова и различные болезни, которые сократили численность населения с более чем 150 тысяч до 600 человек.

Как скоординировать интересы современного мира с традициями людей, тысячелетиями привыкших жить в тропическом девственном лесу и кормиться исключительно охотой, рыбной ловлей и собиранием лесных плодов? Андаманцы во многом продолжают находиться на культурном уровне каменного века. Им неизвестны земледелие, скотоводство и даже добывание огня. Единственным источником огня у них являются молнии. Тем не менее меры, направленные на улучшение санитарных условий жизни племени, позволили спасти андаманцев.

«МЛАДИ СВЕТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ПОЕЗД НЕ ВХОДИТ В ТОННель

Когда в Нью-Йорк прибыли из Англии восемь двухэтажных автобусов, выяснилось, что у них есть один существенный недостаток: они не могут работать на тех маршрутах, на которые должны были выйти.

Все автобусы отвечали самому строгому техническому контролю, двигатели работали безупречно, но... Кто-то, ответственный за расширение автобусного парка Нью-Йорка, забыл проверить высоту тоннелей, мостов, проводов, протянутых над городскими улицами, высоту светофоров и деревьев, под мощными ветвями которых должны проходить машины. И потому бригады рабочих должны были выйти на будущие маршруты двухэтажных автобусов (их высота около четырех с половиной метров), чтобы подготовить и оборудовать трассы.

История знает немало случаев, когда забывали проверить высоту и ширину новых средств транспорта. Когда создавалось лондонское метро, пришли вагоны из Венгрии и Франции, и только после этого обнаружили, что вагоны не рассчитаны на местные тоннели: они в них просто не входили. Любопытно, что эта ошибка была повторена и сравнительно недавно, в 1975 году, когда получены были вагоны для линии Пикадилли.

А жители Нью-Йорка уже просто привыкли к просчетам отцов города. К 1968 году было запланировано создание скоростных (до ста миль в час) поездов для железной дороги Лонг Айленда. Когда поезда были получены, то стало ясно, что они не только слишком велики для тоннеля, ведущего к вокзалу в Бруклине, но и не соответствуют также и длине пассажирских платформ.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

ВЕТЕР НАПОЛНЯЕТ ПАРУСА

Для парусных судов наступают, кажется, добрые времена: конструкторы видят в них возможности, которых позавчера еще не могли видеть, вчера же — просто не хотели.

Шансы парусников возросли, однако, не по причине изменения направления ветров, а из-за последствий энергетического кризиса. Повышение цен на нефть вынудило многих судовладельцев сознательно ограничивать скорость своих судов для экономии горючего. Еще несколько лет назад грузовые трансатлантические суда шли со скоростью 33 узла, теперь же скорость понизилась до 21 узла. Правда, средняя скорость парусника составляет всего 12 узлов, но сама по себе скорость отнюдь не всегда способствует экономически выгодной перевозке грузов.

Эксперты нескольких стран разделились на три группы. Первая считает, что в конструкции парусных судов должны быть использованы все новейшие технические достижения да и сам парус следует заменить вращающимися лопастями или роторами. Вторая группа полагает, что суда следует оборудовать традиционными типами парусов, но их установка и изменение положения должны производиться с помощью бортовой ЭВМ. А третья группа во главе с известным американским инженером-судостроителем Хью Лоуренсом убеждена, что нужно вернуться к старым, апробированным многовековой эксплуатацией конструкциям парусных судов. Естественно, что в этом случае должны применяться самые современные материалы и технологические приемы, а трюмы, помещения для

экипажа и пассажиров необходимо соответственно модернизировать.

Австралийские конструкторы У. Гуд и П. Уорнер спроектировали парусное судно грузоподъемностью в 2200 тонн. Они считают, что два корабля такого типа смогут обслуживать две регулярные торговые линии — от южного побережья Новой Зеландии до островов Фиджи и от западного побережья Австралии до островов Тонга. Конструкторы представили расчеты, из которых следует, что время, затраченное парусниками на этих трассах, будет всего на один день больше того, что требуется моторным судам. Проект Гуда и Уорнера получил одобрение морского ведомства Австралии.

«МАГАЗЫН ПОЛЬСКИ», ПОЛЬША

ПОТОП: ЛЕГЕНДА И РЕАЛЬНОСТЬ

Группа ученых Флоридского университета в США, возглавляемая Чезаре Эмильями, обнаружила доказательства геологической катастрофы, известия о которой дошли к нам из мифов и легенд. Анализ осадочных пород, поднятых учеными с больших глубин в Мексиканском заливе, показывает, что 11600 лет назад началось интенсивное таяние ледников Северной Америки. На потепление климата в ту эпоху указывает, в частности, изменение соотноше-

ния изотопов кислорода-18 и кислорода-16 в раковинах морских животных, которое является отличным индикатором температуры отдаленных эпох. Отогревание ледяного щита Америки привело к поступлению огромной массы талой воды в Мексиканский залив.

Дата потопы, вычисленная геологическими методами, совпадает с временем затопления легендарной Атлантиды, описанного Платоном.

«ДЕЛЬТА», ВЕНГРИЯ

РЕКВИЕМ ДЛЯ КОВБОЯ

На киноэкранах всего света по пыльным прериям или заснеженным холмам Северной Америки в дьявольском темпе мчатся отчаянные пары — ковбои. Не страшась ни ливня, ни пули, они ищут и находят приключения.

Это вестерны. В несколько однообразных, но чрезвычайно динамичных кинодействиях прославляется некогда процветавшая романтика с дыком лагерных костров, низко подвешенными шестизарядными кольтами, бешеной скачкой коней, истинной (или мнимой) доброжелательностью к слабым...

Ну, а где же теперь сами ковбои? Герои прошлого устали и притихли, а их ранчо давно уже присвоили себе расчетливые дельцы, для которых ковбои являются сегодня только рекламой, ибо то, что делали прежде эти отчаянные ребята, теперь успешно исполняет безотказная техника. Да, и в эту, некогда романтическую область вторглись вездесущий технический прогресс. Работу ковбоев пригляди на себя вертолеты и самолеты, а стада пасут хорошо подготовлен-

ные, дипломированные специалисты, предпочитающие держать в руках микрофон портативной радиации, нежели старое, доброе лассо. В лошадях они почти не нуждаются, зато в их распоряжении юркие «джипы»-вездеходы и мощные трузовики-фуруны для перевозки скота.

На потребу туристам ковбойская романтика должна, однако, существовать, и в Техасе, например, она не только существует, но и процветает. Последние мозаики уходящей в прошлое профессии и их нынешние хозяева прекрасно поняли, что прославленный ковбойский антураж таит в себе немалые возможности для бизнеса. Приезжающим в Техас со всего света простакам демонстрируется «истинно ковбойская жизнь». Здесь в обилии представлен полный реквизит ушедших времен: кольты, лассо, сбруя, выдавшие виды сковородки (на них у лагерных костров жарились сочные бифштексы), торшеры для варки традиционных бобов...

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

«СЛУЖИТЕЛЬ ОКЕАНА»

На судовой верфи голландской компании «Вийсмиллер» построено необычное судно для перевозки барж, плавучих кранов и других вспомогательных судов. Общая длина «Служителя океана», как называли судно, 120 метров, а мостик имеет размеры 10 метров в длину и 22 в ширину. В результате заполнения водой двух специальных камер судно погружается так, что на поверхности остаются лишь корма и капитанский мостик. Погруженную часть судна подвоят под объект, который надо перевозить. Затем вода из камер вытесняется, и «Служитель океана» постепенно поднимается до ватерлинии вместе со своим грузом, вес которого может составлять 80 тысяч тонн.

В первом своем рейсе — из Японии в Персидский залив — «Служитель океана» перевез гидравлический земснаряд, буксир и две баржи.

«ШТИЙНЦЭ ШИ ТЕХНИКЭ», РУМЫНИЯ

ВСЕМОГУЩЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Пациент сломал лодыжку. Перелом оказался настолько тяжелым, что кости не срослись и два года спустя. И тогда доктор Брайтон и доктор Фриденберг из отделения ортопедической хирургии больницы университета штата Пенсильвания сделали то, чего никто и никогда прежде не делал. Они подсоединили к лодыжке электрод и обеспечили постоянное поступление слабого тока. Спустя девять недель лодыжка зажила.

С тех пор прошло шесть лет. Доктор Брайтон и его помощники применили электростимуляцию к ста одиннадцати пациентам, которых мучили переломы костей. Более чем в семидесяти процентах случаев курс лечения оказался эффективным.

Девять научно-исследовательских групп, работающих в разных районах страны, приезжали в университет для изучения техники электростимуляции и теперь применяют этот метод лечения в различных медицинских центрах. Для тех, кого много лет беспокоят плохо срастающиеся после переломов кости, открытие еще одного аспекта исцеляющей силы электричества возрождает надежды на полное выздоровление.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

РИСУНКИ НА СТЕКЛЕ

Доктор Ева Фродль-Крафт, которая руководит Австрийским исследовательским институтом искусств, провела подробнейшую инвентаризацию средневековых рисунков на стекле. Выяснилось, что в Австрии более трех тысяч таких произведений искусства. Тщательный анализ этой статистики показывает, что искусство рисунка на стекле достигло кульминации в XIV—XV веках. От этого периода в Австрии сохранилось примерно полторы тысячи стекол, тогда как XIII век представлен только 95 рисунками, а от XII века остался всего лишь один рисунок.

Этот вид искусства после XV века пришел в упадок. Эпоха Возрождения отражена в Австрии в этом отношении только рисунками на окнах приходской церкви в Штейре в Верхней Австрии, а также церкви старинного замка Винер Нейштадт в Нижней Австрии.

Самыми красивыми из всех обнаруженных в Австрии рисунков на стекле принято считать рисунки в соборе Святого Стефана в Вене, которые восходят к XIV веку и отображают сцены из библейской жизни и легенды о святых.

«НОИ ДОННЕ», ИТАЛИЯ

ЗАПРЕТ НА ПРОФЕССИИ

В 1973 году Дорис Шверт с отличием окончила Франкфуртский университет, потом два года преподавала в школе. За это время ее несколько раз вызывали в так называемый «правительственный президиум» в Дармштадте для «допроса». Руководитель президиума Рихесек выяснял: «Вы член компартии? Что вы делали в студенческой организации «Спартак»? С какой целью посетили вы ГДР? Пропагандировали ли вы ратификацию Московского соглашения?»

Итак, бюрократическая машина закрутилась, и 1 августа 1975 года Дорис вместе с другой учительницей той же школы была уволена. Впредь им было запрещено учить детей. Основание? «Баруфсфербот» — запрет на профессию. Такое же объяснение получили тысячи других граждан ФРГ. Среди подвергшихся преследованиям за прогрессивные взгляды — ученые, журналисты, адвокаты, художники. «Баруфсфербот» вызывает возмущение широкой общественности как в ФРГ, так и за ее пределами.

Прогрессивно мыслящие преподаватели увольняются, а в стране ощущается острая нехватка педагогических кадров. В десятках школ с самого начала учебного года не было ни одного урока немецкого языка, математики, биологии, физики и музыкального воспитания. В Гессене, например, не хватает пяти тысяч учителей, и поэтому из программы выпадает 20—30 процентов часов.

В Западной Германии была проведена «Неделя действий против запрета на выполнение работы по профессии». Это — одно из многих мероприятий протеста, проводящихся в ФРГ.

«НОЙЕ БЕРЛИНЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ», ГДР

Обзор зарубежной печати. Материалы печатаются в изложении.

ВЫСТРЕЛ ИЗ ПРОШЛОГО

Начало на 26-й стр.

доктора. Сам он остался в Нылке. Дом на Мызе пустовал недолго. Сначала в нем пьянствовали местные бандиты, потом их оттуда выкурили, потом...

Потом стала складываться легенда о черном памятнике, о звонке с того света и о неутешной молодой вдове, которая не выдержала напряженного общения с загробным миром. Внес свою лепту в сочинение этого сюжета и врач Выходцев. Он понимал, что Ивонна обманула его. Но что он мог сделать? Комплекс вины мучил его, он стал испытывать по ночам приступы удушья. Спасался опиумом и сильными снотворными. А у неутешной вдовы рос сын Валентин — его, Выходцева, сын.

Через двадцать лет Ивонна снова появилась в Нальске. Мысль о том, что где-то близко, только протяни руку, закопано золото, мысль эта мешала ей жить. И вот, перебирая бумаги, оставшиеся после мужа, она задержала взгляд на плане дома. Нет, там не было никаких крестиков и иных подобных пометок... Просто, рассматривая план, она вдруг отчетливо поняла, где именно купец мог спрятать саквояж, спрятать быстро и надежно, так надежно, что если бы даже дом на Мызе сгорел или обрушился, все равно сокровище осталось бы в целостности. И самое главное — извлечь его можно было настолько просто, что Ивонна, вероятно, застонала, поняв это. Не надо было даже входить в дом — подход к тайнику был снаружи. Нужно было только подкопаться на три четверти метра под фундамент, и в стене открывалась неглубокая ниша. Три таких ниши были обозначены на плане. Зачем они были сделаны, Ивонну не интересовало. Мало ли бывает архитектурных причуд. И сомнения ее не мучили. Она была уверена, что клад там, в одной из этих ниш, где же еще ему быть? Ведь она в свое время тщательно обшарила весь дом от чердака до подвалов, она даже балки выстукала. Она нашла бы тайник. Она отлично помнила, что саквояж исчез из спальни супруга в ночь их приезда на Мызу, а в эту ночь старик никуда не отлучался надолго. Ей показалось даже, что она точно знает, какую именно нишу использовал купец для тайника. В том месте у стены дома стояла скамья. Она и скрыла следы подкопа. Полчаса нужно было копать, чтобы закопать клад. А извлечь его можно было и за пятнадцать минут.

Приехав в Нальск, Ивонна произвела глубокую разведку. Доктор Выходцев процветал. Жена у него умерла, сын учился в Нальске, овладевал основами науки о финансах. Сам же «аристократ духа» работал в Нылке в больнице и слыл толковым врачом. О нем писали иногда в местной газете. Давнее преступление было забыто, о нем напоминал лишь невроз, от которого доктор по-прежнему спасался опиумом и снотворными. Модное нынче словечко «аллергия» тогда еще не было в ходу. Да и не аллергия душила доктора Выходцева по ночам. Ему снилась Ивонна...

И вдруг она возникла наяву.

В ту пору ей уже исполнилось сорок, ему было около пятидесяти. Она встретила его на набережной в Нальске. Доктор Выходцев возвращался в гостиницу с какого-то совещания. Ивонна подстерегла его на пути. «Зачем?» — спросил он. «Я хочу показать тебе твоего сына, Вазиль», — сказала она. Он промолчал. «Я хочу, чтобы Женечка и Валя познакомились, они же братья», — сказала она. «Зачем?» — спросил он. «У меня есть возможность устроить их жизнь», — сказала она. «Нам не о чем говорить, Ивонна», — сказал он. «Будет лучше, если мы сейчас расстанемся и обо всем забудем». «Ты все-таки подумай», — сказала она. «Есть вещи, о которых забывать нельзя».

Это была прямая угроза.

Ночью ему привиделся труп старика.

Для того, чтобы заставить доктора Выходцева поработать на себя, Ивонна избрала тактику шантажа. Ни он сам, ни тем более его сын Ивонну не интересовали. Ей нужны были подходы к детдому. О том, чтобы проникнуть на территорию бывшей усадьбы днем, не могло быть и речи. А ночью там торчал сторож. Кроме того, дом на Мызе был уже не «одиноким домом». Он был окружен «собратями» поменьше. Она не знала, как подступиться к тайнику.

А шел уже сорок первый год. Май...

Как ни противился доктор Выходцев, Ивонна настояла на своем. Она устроила так, что ее Валечка и его Евгений все-таки познакомились. Евгений стал часто бывать у Рузаевых. Парни не знали о том, что они братья. И, уж конечно, не имели ни малейшего понятия о том, какие цели преследовала Ивонна. Она же осторожно, но настойчиво готовила их к выполнению предназначенной им роли. Ее Валентин, впрочем, был уже достаточно настигиван прописями о том, что «жизнь одна и ее нужно использовать себе во благо» что «не ты для людей, а люди для тебя», и прочими премудростями из купеческого кодекса. А Евгения Выходцева «аристократ духа» вскормил на идее «изначальной предназначенности интеллигента» — этикетки на упаковке подобных идей сочинялись в свое время земскими врачами и прочими уездными философами. Так что семена, которые щедро бросала Ивонна, попадали на подготовленную соответствующим образом почву.

В июне сорок первого Ивонна написала доктору Выходцеву, чтобы он встретил мальчиков, которые готовы «биться за металл». Это не ее слова, но мысль была именно такой. Она написала доктору, что «они все знают», но им «надо помочь». У доктора глаза полезли на лоб: о металле он не имел представления. «Ты обязан это сделать, Вазиль», — писала она, — не только ради нашего прошлого, но и ради их будущего. Если ты этого не сделаешь, я уничтожу тебя, ты потеряешь все: авторитет, наконец, место. У меня есть возможность доказать, что ты преступник, и доказать так, что меня это не заденет. Да если и заденет, терять мне больше нечего. Я хочу, чтобы ты помнил об этом».

Письмо Ивонна написала по-французски, но закончила его постскриптумом из непечатных выражений на родном языке. Не удержалась.

Доктор на письмо не ответил. Началась война. Ивонна снова рвала и метала.

Мальчики ждали повесток. «Я не хочу, чтобы вы погибли», — сказала как-то Ивонна. — Золото спасет нас, оградит от войны. Вы будете жить. Мы сумеем перебраться за границу. Мы...»

Она говорила о четверых, но подразумевала двоих — себя и сына.

И когда началась эвакуация нылкинских детдомов, Ивонна сказала: «Пора».

Мальчики не хотели умирать, мальчики грезили об Австралии.

— Ну, так что же было дальше, Выходцев?

Выходцев уже не выпячивал губы. Сидел мешком на стуле. Жалкий комок старого мяса и костей, небрежно всунутый в серый костюм... Убийца...

— Мы выкопали саквояж с золотом ночью. И пошли на развилку дорог...

— Продолжайте...

— Саквояж был тяжелый... Думали дождаться попутки, но машин не было... Где-то около пяти утра показался фургончик. Мы остановили его. Анна Тимофеевна сидела за шофера.

— Она не сказала, почему?

— Нет. Сказала только, что торопится. Ей надо было возвратиться за сыном и забрать остатки имущества.

— Почему она поехала лесной дорогой?

— Потому что... Это мы сказали...

— Что вы сказали?

— Она должна была ехать по шоссе. Но саквояж открылся...

— И она увидела золото? Так, что ли?

— Так. Валентин сел за руль, а ее...

— Что?

— Ее мы оглушили. Она...

— Звала на помощь?

— Да. Кричала, что мы... воры... Не хотела ничего слушать...

— Потом?

— Около избушки Валентин остановил машину.

— Вы решили ее убить?

— Мы не хотели... Решили связать и оставить в избушке... А она... Она стала сопротивляться. Ударил Валентина гаечным ключом...

— Кто из вас убил ее?

— Он, Валентин. Вырвал у нее ключ и... А тут еще ребяташки...

— Что?

— Пырыгивали из кузова... Стали разбегаться... Кричали...

Да, все кричали, кроме Гриши-дурачка. Он забился под крыльцо, и убийцы его не нашли. Да они его и не искали. Просто не заметили исчезновения мальчонки. Не до него было. А он видел, как они сбрасывали труп женщины в помойку, как закапывали его. Все он видел, Гриша-дурачок. Но он был дурачком и понимал поэтому далеко не все. А они торопились. Они были ошеломлены, испуганы. Никто из них не догадался снять медальон с шеи убитой.

Случайности. Нагромождение случайностей. Случайно у одного из братьев не мелькнула мысль, не протянулась рука, чтобы снять медальон. Случайно никто из преступников не хватился Гриши.

А через три с лишним десятилетия в случайном разговоре подвыпивший Семен Спицын рассказал Мямлину про Гришу и про материн медальон.

Да, но в этой цепи случайностей просматривается железная логика закономерности, думал Кириллов. И то, что после разговора с Семеном Спицыным Мямлину пришло в голову проверить, не сохранились ли какие-то воспоминания о том дне в сумеречном сознании поселкового дурачка, было закономерно и логично. Мямлин видел Гришины «игры» с веревочкой и раньше. Но раньше Мямлин мало знал, пожалуй, даже ничего не знал. А к тому дню, когда Леснев застал его за проведением «психологического эксперимента», Мямлин многое знал и о многом догадывался... Недаром он так старательно вымарывал из своей «Истории Нылки» все упоминания о докторе Выходцеве... Вот только откуда он это знал, на чем строил свои догадки? Это и предстоит сейчас выяснить, подумал Степан Николаевич, обращаясь к Выходцеву:

— Продолжайте.

— Мы доехали до окраины Нальска. Машину бросили. В город вошли пешком.

— Чтобы не привлекать к себе внимания? Дальше.

— Когда проходили мимо военкомата, нас увидел Нифонтов. Он стоял у подъезда.

— И что же? — равнодушно обронил Кириллов, подумав: вот где скрестились пути этих людей — Вам не удалось проскользнуть мимо? Он окликнул вас...

— Да. Он спросил: «Женя, ты сюда?» Я остановился. У меня была повестка. У Валентина тоже. Но его Нифонтов не знал. Валентин сказал: «Догонишь». И ушел.

— И Рузаевых вы уже больше не встретили. Так? Долго их искали?

— Всю ночь.

— Когда же поняли, что они вас надули?

— К утру. Утром я пошел в военкомат.

— И возненавидели Нифонтова. Нифонтова, а не Рузаевых. Так?

— Их тоже.

В ту ночь Рузаевы благополучно выбрались из города. А за границу им ударить не удалось. Об этом Выходцев узнал после войны, вернувшись в Нальск. Самого его от передовой спасло финансовое образование. В начале пятидесятых годов ему стало известно, что Рузаевы обосновались в Баку, там, где после войны осел и Нифонтов...

Вряд ли неврозы передаются по наследству. У Выходцева был стойкий благоприобретенный невроз. Он выдумал себе аллергически-генетическое заболевание. Не запах асфальта душил его. Злоба. Злоба мешала ему жить, работать. Злоба, а не болезнь гоняла его по морским курортам страны. Он не сразу узнал, что Рузаевы живут в Баку. Он слышал, что «где-то у моря», и искал. А в Баку он действительно оказался проездом. У него уже выработался условный рефлекс наводить справки. Он и здесь наведалься в адресный стол. Но когда узнал, что Рузаевы в тюрьме, и узнал за что, и услышал фамилию Нифонтова, им овладела злобная радость. Он подумал, что Нифонтов тоже в тюрьме, и ему захотелось навесить жену Нифонтова, сказать фальшивые слова сочувствия и поздравить втайне. Узнать адрес Нифонтова было делом простым. У дома на скамейке сидела женщина со шрамом на щеке. На коленях она держала годовалую девочку. Выходцев спросил женщину, как пройти к Нифонтову. И вот тут-то... Словоохотлива была Дарья Михайловна Синицына, которую удалось-таки Хусайнову разыскать! Она-то и рассказала Евгению Васильевичу, что у Нифонтова бежала жена, что сам он на свободе и собирается уезжать на родину. Выходцев был потрясен — как?!

И снова сработал невроз. В поезде Выходцев придумал, как напасть на Нифонтова. Приехав в Нылку, он рассказал Андрею Сильчу о женщине со шрамом, назвав ее Анной Тимофеевной Спицыной. Может, созвучие фамилий Спицына-Синицына родило ассоциацию, может, тут действовали другие причины, но как бы там ни было, чудовищная ложь пошла гулять по поселку. Он намеревался сделать и второй шаг: связать фамилии Спицын-Нифонтов одной веревочкой, но испугался, когда женщиной со шрамом заинтересовались следственные органы.

Тогда, двадцать три года назад, эта история заглохла. Но неожиданно всплыла вновь после убийства Мямлина. И Кириллов понял, что кто-то из двух лжет: Нифонтов или Выходцев. О том, что лжет Выходцев, следователь догадался, когда Леснев-младший произнес слово «здравоохранение». Этот едва уловимый намек сразу вырос до размеров косвенной улики, когда Степан Николаевич после разговора с Лесневым позвонил Хусайнову и попросил его узнать, не сохранилось ли свидетельство о смерти старика Рузаева. Хусайнов назвал фамилию доктора Выходцева. Это его подпись стояла на свидетельстве о смерти. И тогда стало понятно, кто убил Мямлина.

«Он прикоснулся к чему-то взрывоопасному», — сказал Кириллов в одну из первых встреч Выходцев. Он пообщался со своим убийцей, предположил еще в начале следствия Степан Николаевич.

— Да, он приходил ко мне, — ровным, бесцветным голосом рассказывал Выходцев.

— Скажите, Выходцев, когда вам пришлось в голые руки убит Мямлина?

— В июне, когда я узнал, что у него письмо Ивонны к отцу.

— Письмо?

— Да. Он пришел и стал расспрашивать, кто такой Базиль и о каких деньгах идет речь. Я пожал плечами: ничего не знаю. Но он мне не поверил. Я понял это.

Вот оно, взрывоопасное. Вот в какой момент судьба Мямлина была решена. Судьба Сашки Мямлина, бескорыстного парня, решившего написать историю маленькой Нылки.

— Как попало к нему письмо?

— Все бумаги, оставшиеся после отца, валялись у нас в чемодане на чердаке. Я ими никогда не интересовался и не знал, что это письмо отец сохранил. Когда Мямлин пришел к моей жене и спросил, не осталось ли чего в семье, что могло бы помочь ему лучше осветить роль отца в становлении нылкинской медицины после Октября, жена выдала ему ворох разных документов, в том числе и это письмо. Оно было написано по-французски, но с русской припиской. Мямлин нашел переводчика в Нальске...

— Во внутреннем кармане пиджака Мямлина была бумажка с машинописным текстом. Это был перевод письма Ивонны Рузаевой к вашему отцу, так, что ли?

Выходцев не ответил, только опустил голову.

— А сделал его переводчик, телефон которого был записан на обложке поэтического сборника?

— Да. Анна Семеновна пришла принимать кассу с этой книжкой.

Вот он, случайный фактор. Убийство уже было замыслено, уже в чайник Нифонтова была заброшена доза снотворного, уже был подготовлен шприц с дозой посылнее. И тут Анюта приносит книжечку, на обложке которой (внутри) написано рукою Мямлина: «перевод с фр. 5-17-25, Селезнев». Перевод с фр. был уже сделан.

— Вы выкрали ключи...

— Да. Купил в магазине такой же сборник и ночью заменил.

Он все предусмотрел. Он уничтожил все улики. И все зря...

Андрей Силыч запомнил номер телефона, и когда Мямлин исчез, позвонил Селезневу. Тот вкратце пересказал содержание письма. Андрей Силыч задумался. И решил навестить Выходцева «с бутылкой коньяка». Он, кроме того, в ночь исчезновения Мямлина видел Выходцева у клуба. После неудачного сватовства Андрей Силыч приобрел привычку бродить по ночам. Нет, тогда он ни о чем таком не подумал. Но позднее стал подозревать Выходцева.

Да, тигров в Нылке не было.

Жалкая добыча билась в сетях следствия.

— Вы решили воспользоваться оружием Нифонтова? — Выходцев обреченно молчал. — Где вы взяли снотворное? Впрочем...

Этот вопрос Кириллов задал себе давно, еще в тот день, когда Люська, глядя на него с недоумением, сообщила, что на следующий день после убийства отец много пил, прямо из колодца. Простудился даже...

Выходцев признался, что в наследство от «аристократа духа» ему досталась аптечка, в которой имелся изрядный запас опиума и сильнейших снотворных.

— Я так и думал... — скучным голосом проговорил Кириллов. — А скажите, Выходцев, не оно ли, содержимое этой аптечки, навело вас на мысль о возможности воспользоваться наганом Нифонтова? Ведь другим оружием, не огнестрельным, вы бы не справились с Мямлиным.

Кассир молчал. Он чудовищно, смертельно устал. Пот заливал глаза, туманил стекла очков. Он сидел полуслевой, не в силах сделать ни одного движения, снять и протереть очки, вытереть пот.

А Кириллов держался так, словно и не было этого длительного, измотавшего их обоих допроса. Он

снова и снова спрашивал, уточнял, удовлетворенно кивал головой.

— А вот поясните, как это ни аллергия, ни стенокардия не помешали вам по-быстрому съездить за чемоданом Мямлина? — И, помолчав, ворчливым, будничным голосом добавил: — Бабуку вот тоже заперли... заставили старуху в окно вылезать... Чемодан-то пешком тащили или, как и наган, у Нифонтова еще и велосипед позаимствовали? Выходцев молчал.

— Так как?

— Пешком, — прошептал кассир.

Арестованного давно увели. А Кириллов все еще сидел за столом. От резкого электрического света болели глаза. Он только сейчас понял, как устал. И вдруг, ощутив приступ голода, усмехнулся, подумав, что, пожалуй, обильный ужин Натальи Ивановны был бы сейчас весьма кстати. Но Наталья Ивановна давно спала.

Шагая по темным тихим улицам поселка в опостылевший номер гостиницы — сегодня он Кириллову не казался уже таким постылым, — он вспоминал последние слова Выходцева.

Кириллов спросил:

— Еще вопрос, Выходцев. Для чего вы вязали фашины из водопроводных труб? Хотели бросить тень на Андрея Силыча?

— Я... Я не думал, что пуля попадет к вам в руки...

Вот, значит, как. Он рассчитывал, что пуля пройдет навылет. Он не хотел стрелять из прошлого. Он боялся прошлого. Но старенький наган подвел. И «убийства из ревности» не вышло.

С тех пор, как Степан Николаевич узнал о гибели детей в домике лесника, его не оставляла мысль: кто же эти люди, что решились на такое? Позднее, когда связь этой трагедии с гибелью Мямлина стала для него очевидной, мысль трансформировалась: «Как могли решиться эти люди, этот человек?..» И сегодня, допрашивая Выходцева, он все время искал в его словах, манере говорить, держаться, в жестах, взгляде, каждом движении, оттенке голоса — во всем облике — ответ на этот вопрос.

Но этот вопрос он не задал Выходцеву. Он искал на него ответ сам.

Их ослепил блеск рузаевского клада...

Все началось с уроков «аристократа духа» и Ивонны Рузаевой. Впрочем, нет. Раньше. С рузаевского клада и смерти купца. Нет, еще раньше. С брака юной Ивонны со стариком Рузаевым. А потом на все это наслонились и скоротечный роман Ивонны с доктором Выходцевым и смерть купца... Да, много всего было. И были дети. Семнадцать ребятишек. Они погибли от голода и жажды. И была убита гаечным ключом Анютина бабка... Все это было. А кончилось... Кончилось полтора месяца назад на дорожке между Нылкой и Мызой, на безымянном болоте. Сколько людей заплатили жизнью за рузаевские сокровища... Сколькими искалеченными жизнями оплачена погоня за ними! Выходцев более тридцати лет жил двойной жизнью. Ведь даже жена — единственный близкий человек — не была допущена им в тайное тайных, не знала о золоте, за которым он упорно продолжал гоняться, не знала о волнениях и надеждах, о постоянном страхе и осторожности и обо всем том, что составляло содержание и смысл его жизни... Они ведь и детей не имели потому, что он всегда и всего опасался, боялся, что дети могут стать помехой... Впрочем, жене он объяснял свое нежелание иметь детей слабым здоровьем. А она ему и верила и не верила. И всегда чувствовала в нем что-то скрытое, отчужденное. Так, затаившись друг от друга, и жили. А здоровье... Его и правда не было. Тайная погоня за призраком рузаевских драгоценностей, яростная, бессильная злоба на тех, в чьих руках оказался клад, на тех, кто помешал ему схватить «свой» куш, злоба на весь мир иссушили душу и разрушили тело.

И, может быть, только сейчас, когда обе жизни — тайная и явная — слились, он почувствовал освобождение от постоянного страха и осторожности, от всего того, что съело его жизнь, его незаурядные способности. Ведь были же они... Сегодня Кириллов опять вспомнил слова Леснев-старшего о Выходцеве. «Он мог бы далеко пойти, заправлять отделом в министерстве»... Вспомнил и поверил. Да, были у этого человека и способности, и цепкий ум, и сила характера. Были... Но все ушло как вода в песок... Все постепенно было разрушено, изъедено ложью, преступными делами и помыслами:

Понял ли он, что жизнь его могла бы быть иной — интересной, яркой, умной, деятельной? Понял ли он, что вся жизнь прошла словно в подполье? Об этом Кириллов решил спросить его завтра. И еще он ему завтра скажет, что если бы пуля и прошла навылет, все равно убийства из ревности ему, Выходцеву, не удалось бы подстроить. Ведь стрелял он из прошлого... А мосты в прошлое нельзя ни сжечь, ни взорвать, ни обойти.

После выступления «Смены»

В седьмом номере журнал выступил с подборкой материалов на тему «Сервис и молодежь». На примере работы торговых предприятий ряда городов Российской Федерации были поставлены вопросы подготовки рабочих кадров для торговли. В статье «В удобное для вас время» рассказано о положительном опыте службы предприятий бытового обслуживания населения объединения «Радуга» города Новосибирска и поставлены общие проблемы, с которыми сталкивается развивающаяся отрасль бытовых услуг.

Редакция обратилась в Министерство бытового обслуживания населения РСФСР с просьбой высказать мнение по вопросам, поставленным журналом.

Вот что ответил нам заместитель министра тов. ЧЕРНЯЕВ А. И.:

«Министерство бытового обслуживания населения РСФСР за последние годы уделяет большое внимание развитию и внедрению новых видов разнобытовых услуг. В результате получили развитие такие виды услуг, как обслуживание новоселов, проведение семейных торжеств, посреднические и мелкие хозяйственные услуги, а также консультации по оформлению интерьера квартир, по уходу за зелеными насаждениями, по организации праздничного вечера. Министерство постоянно расширяет виды разных бытовых услуг, которые, по мнению статистических органов, можно отнести к бытовому обслуживанию. Кроме этого, министерством приняты меры по разработке тематических планов и программ для курсовой и индивидуально-бригадной подготовки рабочих бюро услуг, а затем при учебно-производственных комбинатах на местах будет организована подготовка таких специалистов».

Редакция надеется, что, несмотря на некоторую неточность и широту формулировок в ответе, министерство добьется действительных и конкретных успехов в работе современного сервиса.

По письму читателя меры приняты

Наш читатель МИЛУШКИН В. А. из г. Новокуйбышевска обратился в редакцию с письмом, в котором рассказал о неполадках в благоустройстве города. Председатель горисполкома тов. ШЛЫКОВ М. Ф. ответил редакции, что на заседании исполком рассмотрел заявление тов. Милушкина по вопросам дальнейшего благоустройства и озеленения города.

За последние пять лет внешний облик города значительно улучшился.

Новокуйбышевск принимает участие во Всероссийском социалистическом соревновании «За лучшее проведение работ по благоустройству и санитарное содержание населенных пунктов», где добился определенных успехов. Так, по итогам второго и третьего кварталов 1976 года он занимал призовые места. В городе ежегодно проводятся 2—3 общегородских субботника по благоустройству, озеленению и санитарной очистке территории.

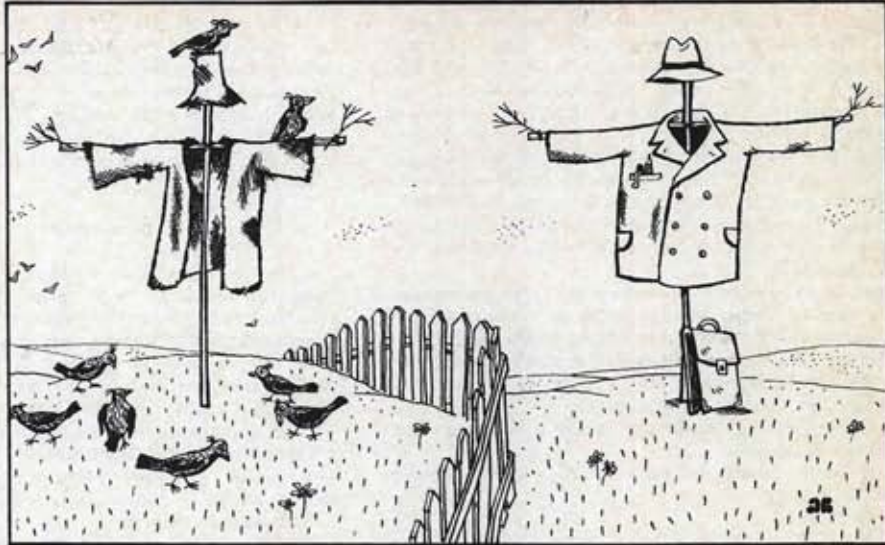
Коллективом ордена Ленина треста № 25 проделана большая работа по строительству сквера: высажено несколько тысяч различных пород деревьев и кустарников, заасфальтированы пешеходные дорожки, установлены скамейки, весной высаживаются цветы. Работы по благоустройству сквера будут продолжаться.

В городе проделана определенная работа и по улучшению обслуживания населения пассажирским автотранспортом. На заседании исполкома утверждена новая схема движения пассажирского автотранспорта. Об изменении маршрутов движения жителей города сообщалось на рабочих собраниях коллективов и через местную печать.

Дорожные знаки в городе установлены в соответствии с требованиями безопасности уличного движения в местах дорожных развязок. В 1976 году произведена частичная замена дорожных знаков на объемные. Все объемные знаки освещены. Дальнейшая замена дорожных знаков на объемные будет производиться по мере их поступления из областного управления ГАИ. Кроме того, в городе намечено установить несколько светофоров.

Рисунок
Николая ЖИГОЦКОГО

Рисунки Александра ВОЛОШИНА

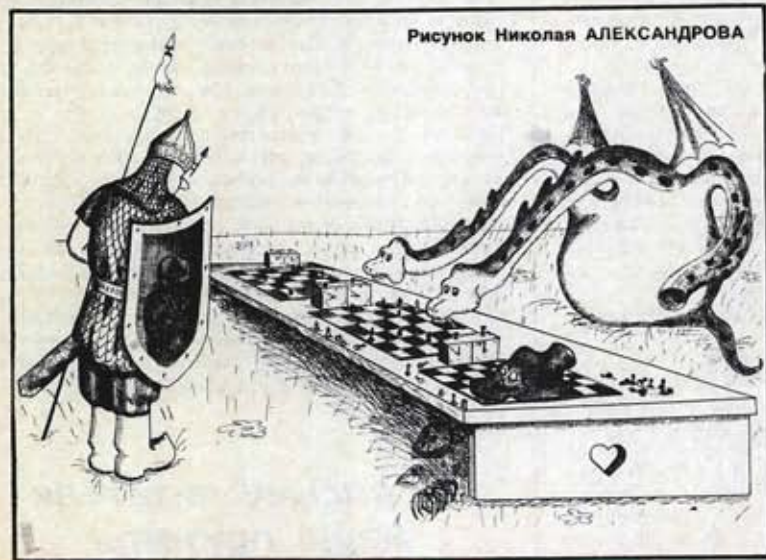
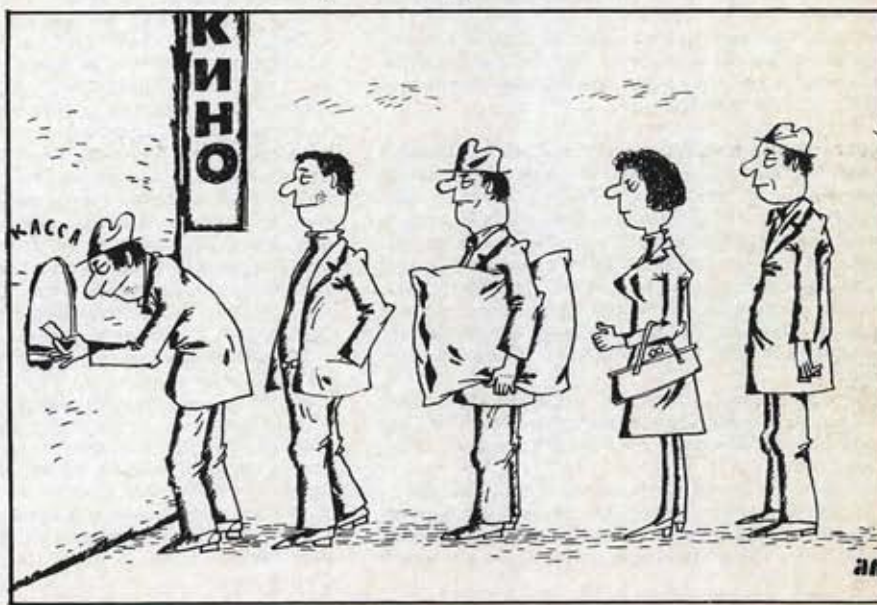

Рисунок Николая АЛЕКСАНДРОВА

АТЪ ШАХМАТЪ ШАХМ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЪ ШАХМАТЪ

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЧЕМПИОНАТ
ВЫИГРАН!

Финал командного первенства Европы по шахматам в нынешнем году состоялся в Москве. Семь стран делегировали в нашу столицу своих сильнейших мастеров и гроссмейстеров. «Хозяева поля» — советские шахматисты, ведомые чемпионом мира Анатолием Карповым, не дали своим именитым соперникам ни малейшего шанса. Опередив гостей на солидную дистанцию, наша сборная в шестой раз подряд (впервые это случилось в 1957 году) завоевала почетный титул чемпиона континента. У победителей, удостоенных золотых медалей, 41,5 очка из 56 возможных, 31 очко и серебряные медали у шахматистов Венгрии, 30 очков и «бронза» у шахматистов Югославии.

Приятно отметить, что, кроме 26-летнего чемпиона мира и ветеранов (Тигран Петросян, Лев Полугаевский, Михаил Таль, Ефим Геллер), в сборную СССР была приглашена целая группа нашей шахматной молодежи из разных городов страны — москвич Юрий Балашов, лвовяне Олег Романишин и Иосиф Дорфман, Виталий Цешковский из Омска и челябинец Евгений Свешников.

Предлагаем читателям «Смены» несколько фрагментов из партий, сыгранных в VI европейском командном чемпионате.

К такому положению пришел после 36-го хода белых поединок Карпова (у него были черные) с лидером югославской сборной гроссмейстером Любомиром Любоевичем.

Основное преимущество черных не в лишней сдвоенной пешке, а в активной дислокации их фигур, которые могут опасно угрожать недостаточно защищенному королю белых.

36. ... Kd3—f4! 37. Фе3:f4?

Любоевич отнюдь не случайно отдает ферзя за ладью и коня. Его, понятно, не привлекал размен ладей, в результате чего уж очень ненадежным выглядело бы лишнее пешечное прикрытие убежище его короля.

37. ... Фf5:f4 38. Лd2:d5

Фf4—g4+ 39. Kf1—g3 Фg4—c4! 40. Лd5—d8+ Kpg8—h7 41. b2—b3 Фc4—c2 42. Kpg1—g2 g6—g5! 43. Лd8—d6 Фc2:a2.

Неспешное, но полное глубокого смысла маневрирование чемпиона мира всегда оставляет большое впечатление. Теперь он приступает к сбору пешечного урожая на ферзевом фланге, а вскоре осуществляет стремительный марш своей проходной по коневой вертикали.

44. Kg3—e4 Фа2—a5! 45. Kpg2—f3 Фа5—f5+ 46. Kpf3—e3 Фа5—b5 47. Кре3—d4 g5—g4 48. Kpd4—e3 Фb5:b3+ 49. Кре3—f4 Фb3—f3+ 50. Kpf4—e5 Фf3—f8! 51. Ке4—g5+ Kph7—g8 52. Kg5—e4 б6—b5! 53. Лd6—e6 б5—b4, и белые сложили «оружие».

Перед вами обоюдоострая позиция, возникшая после 28-го хода

черных в партии Михаила Таля с Драголюбом Велимировичем из того же матча СССР — Югославия.

Игравший белыми экс-чемпион мира с присущей ему тактической изобретательностью искусно склоняет чашу весов на свою сторону.

29. Kd3—f4! Ле8—e5 30. g3:h4 Лa8—e8 31. Kf4—d3 Kc3:a2 32. Фd2:a2 Фb5:d3 33. Ле1—d1! Фd3—a6 34. Лd1:d4 Ле5—e1 35. Лd4—c4 Cg7—b2 36. Лc1:e1 Ле8:e1 37. б3—b4 Cb2—e5 38. h4—h5!

Этой невзрачной на вид пешке суждено сыграть важную роль в расшатывании устоев неприятельского короля.

38. ... Ле1—a1 39. Фа2—c2 a3—a2 40. h5:g6 Лa1—g1+ 41. Kpg2:g1 a2—a1Ф+ 42. Kpg1—g2 Ce5—f6, и черные калитуровали, так как их оба ферзя не в состоянии прийти на помощь своему королю. Поистине драматическая ситуация!

На диаграмме изображено положение, создавшееся в матче Венгрия — Великобритания между гроссмейстером Золтаном Рибли (он играл черными) и Уильямом Хартстоном. На очереди 27-й ход черных.

Энергичным пешечным прорывом на своем правом фланге венгерский шахматист быстро развивает инициативу и форсированно добивается выгодного эндшпиля.

27. ... c4—c3! 28. Фc2—e2 Фd7—a7 29. Kd1—e3 Фа7—a6 30. Фе2:a6 Лa8:a6 31. b2:c3 б4—b3! «Соль» стратегического замысла черных в образовании мощной проходной пешки, которая в конце концов окажет существенное влияние на судьбу схватки.

32. Лf1—b1 Ле8—b8 33. Лf4—f1 Лa6—a2! 34. Ке3—g4 Ке5—c4 35. Cg5—h6 Kc4—d2 36. Ch6—f4 Лb8—d8!

Лишая английского мастера последнего шанса на получение контригры, концовку черные проводят с предельной четкостью.

37. Cf4:d2 Лa2:d2 38. c3—c4 h7—h5 39. Kg4—h2 Лd2—c2 40. Лf1—f3 б3—b2 41. e4—e5 d6:e5 42. Kg3—f1 e5—e4 43. Лf3—f4 Kc5—d3!, и белые сдались.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/IV 1977 г. А 05495. Подписано к печати 19/IV 1977 г. Формат 70x108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 1266. Заказ № 540. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

МЕТОПОЛЖЕНО, ЗАТЪВЕРЖЕНО.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Слова Михаила ТАНИЧА

Музыка Серафима ТУЛИКОВА

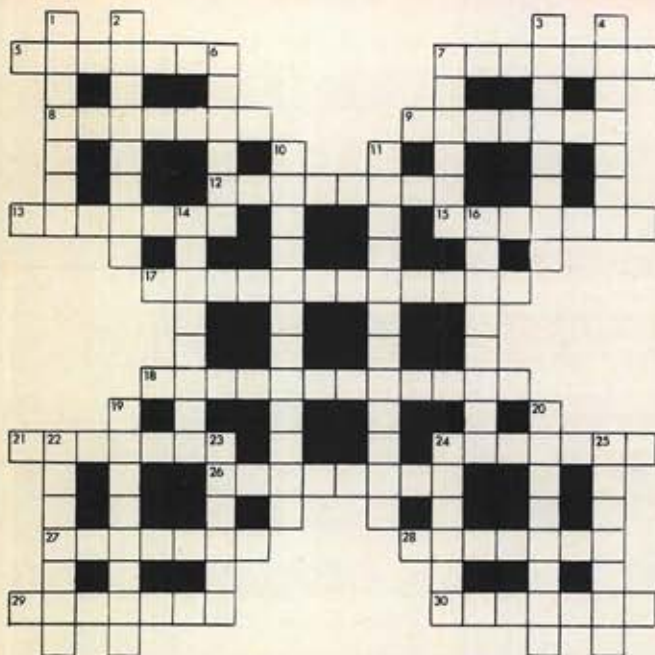
Будет слов как раз
Не много и не мало—
Только те слова,
Что на душу легли:
Родина моя,
Хочу, чтоб услышала
Ты еще одно
Признание в любви.

Тихо—не слышать,
А громче—не умею,
Может, потому
Я песню берегу.
Может, потому
Так долго я не смею
Спеть ее тебе
Негромко, как могу.

Родина моя,
Что будет и что было—
Все я пополам
С тобою разделю.
Вовсе не затем,
Чтоб ты меня любила,
Просто потому,
Что я тебя люблю.

КРОССВОРД

Составил В. ШУМСКИЙ,
Москва

По горизонтали:

5. Инструмент альпиниста. 7. Рассказ А. П. Чехова. 8. Центр государства. 9. Советский летчик-космонавт. 12. Сложный вопрос, требующий изучения. 13. Луковичное декоративное растение, цветок. 15. Матросский танец. 17. Симфония Ф. Шуберта. 18. Краткость, выразительность слога, стиля. 21. Пианист, Герой Социалистического Труда. 24. Песня на слова А. Прокофьева. 26. Искусный подражатель, артист. 27. Одно из Великих озер Северной Америки. 28. Оркестровый музыкальный инструмент. 29. Сорт яблок. 30. Приток Амазонки.

По вертикали:

1. Словарный состав языка, диалекта. 2. Прозрачная часть оболочки глаза. 3. Декоративное вечнозеленое травянистое растение. 4. Сельскохозяйственное орудие. 6. Двуглавая мышца. 7. Героиня пьесы К. Тренева. 10. Наука о верхнем слое Земли. 11. Общественная, педагогическая, научная работа. 14. Французский писатель XIX века. 16. Единение, сотрудничество. 19. Циклический ускоритель заряженных частиц. 20. Глубоководный аппарат для океанографических исследований. 22. Наука о развитии человеческого общества. 23. Басня И. А. Крылова. 24. Порт в Италии. 25. Герой романа И. С. Тургенева «Накануне».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

1. Лезгинка. 4. Коперник. 8. Робот. 9. Алтайка. 10. «Ариадна». 12. Отранто. 15. «Иоланта». 18. Рупия. 19. Тулик. 20. Брамс. 21. Уравнение. 22. Атолл. 23. Рюми. 24. Эскиз. 26. Потанин. 28. Алябьев. 31. Сопрано. 32. Нерейда. 33. Лахти. 34. Ареометр. 35. «Каменщик».

По вертикали:

1. Лекало. 2. Гитара. 3. Карасор. 5. Оптация. 6. Регата. 7. Купала. 11. Успенский. 13. Раппорт. 14. Никулин. 16. Либерея. 17. Неаполь. 24. Энеолит. 25. «Зарница». 26. Пасека. 27. Атрато. 29. Бремен. 30. Виадук.

ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ.

Московский скульптор Александр Рукавишников показывает свои работы так, будто знакомит с добрыми друзьями: прощу, мол, любить да жаловать.

Вот артисты старого-старого цирка—чем привлекли они двадцатилетнего скульптора? В линиях, позах, выражениях лиц—гордость мастерством, нескрываемая удаль,—и становится понятно, что чувства эти близки молодому мастеру, считающему увлечение делом самым высоким проявлением души человека. Фрагмент из серии «Старый цирк» пока существует в пластилине. Вся серия— пять скульптур— будет завершена к концу года.

Сочетание внешней легкости, лирической мягкости и глубины придает работам

СТАРЫЙ ЦИРК.

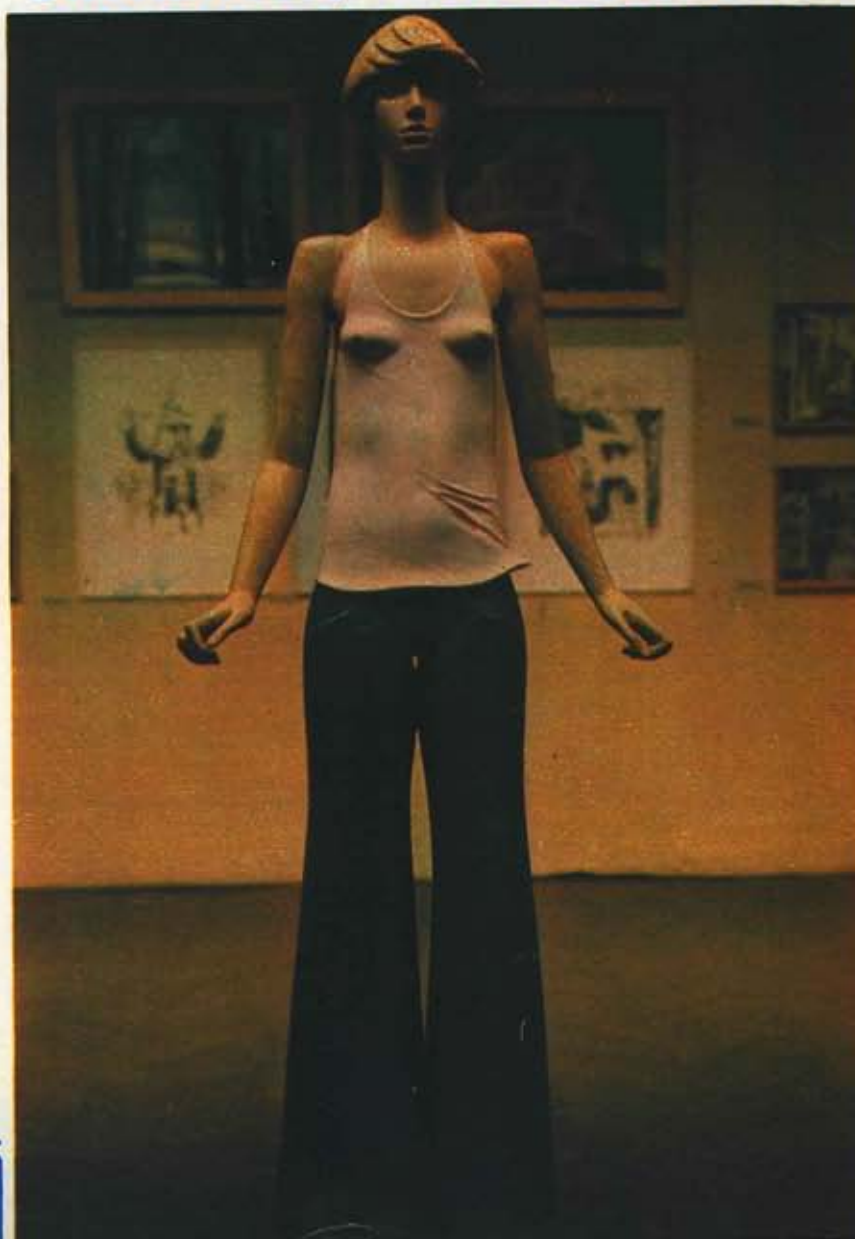
Рукавишников выразительность и своеобразие. Небольшая, отлитая в бронзе фигура «Доброго молодца» — эдакого былинного богатыря на могучем коне, поигрывающего силой, уверенного в себе, не лишено некоторой доли самовлюбленности — и вызывает улыбку и заставляет еще и еще задуматься о силе, величии, светлом гуманизме русского характера.

Счастливая творческая судьба у Александра. В мир живописи и скульптуры он вошел в самом раннем детстве, под руководством своих родителей — известных

ЛЕТО В ГОРОДЕ.

СКУЛЬПТОР, СЫН СКУЛЬПТОРА

**МИКЕЛАНДЖЕЛО.
ВИТАЛИЙ ПАК.**

скульпторов И. Рукавишникова и А. Филипповой. Проблемы «найти себя» для Саши не существовало. Он много рисовал, лепил, изучал, наблюдал, а в девятом классе перешел в вечернюю школу, чтобы днем больше работать самостоятельно. В Государственный институт имени В. И. Сурикова экзамены сдал «с запасом» и стал учиться в мастерской Льва Ефимовича Кербеля. Уже тогда, в студенческие годы, работы А. Рукавишникова были представлены на многих выставках — всесоюзных, республиканских, в Польше и Чехословакии, а дипломная работа «Северный рыбак», принятая на «отлично», выставлялась в Академии художеств.

В 1975 году Сашу приняли в Московскую организацию Союза художников. Кстати, сам он в то время проходил службу в Таманской мотострелковой дивизии.

Большой успех молодому скульптору принес прошедший год. Александру Рукавишникову было присвоено звание лауреата премии Ленинского комсомола за скульптуры «Микеланджело», «Строители», «Высотник».

Сейчас в разгаре работа над большой скульптурой «Мое Нечерноземье», которую Александр Рукавишников посвящает 60-летию Советской власти.

Валентина МИХАЙЛОВА

БОКСЕР.

